

1968 • 9

раБОТНИЦА

КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПОЭМА

МОЛОДЫЕ ЛЮДИ

ЛЕТОПИСЕЦ ПИМЕН

С тогдашним временем взамен,
разя бумагу наповал,
я в общезнании, как Пимен,
твою Историю писал.

И эти смятые скрижали,
поэмы тех ушедших дней,
пока до времени лежали
в спецовке старенькой моей.

И вот сейчас, в начале мая,
не позабыв свою любовь,
я их оттуда вынимаю
и перелистываю вновь.

Я и тогда в наморне душевной,
перо сжимая тяжело,
писал никак не равнодушно
своей страны добро и зло.

И сам на утреннем помосте,
с руки не вытерев чернил,
под гул гудков, с веселой
злостью добротню стены становил.

Я юность прожил в комсомоле
среди непреклонной прямоты.
Мы всюду шли по доброй воле,
но без особой доброты.

Мы жили все, как было надо,
как ждали русские края.

...Стол освещая до надсады,
не так смиренно, как лампада,
горела лампочка моя.

Пускай теперь страницы эти
и — если выйдет — новый срок
мерцаньем трепетным осветит
тот отдаленный огонек.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Средь почты медленной и малой,
когда дороги замело,
однажды книжица попала
и нам в белорусское село.

Там на обложечке весенней,
лицом прекрасен и влюблен,
поэт страны Сергей Есенин
был бережно изображен.

Лишь я один во всей округе,
уйдя из мира, тих и мал,
под зимний свист последней
вьюги ее пред печкою читал.

Поленья красные, вначале
нагрехи пламенем жилье,
чудесным блеском освещали
страницы белые ее.

Я сам тогда, кусая руку
и глядя с ужасом назад,
визжал, как та визжала сука,
когда несли ее щенят.

Я сам, оставив эти доли,
как отоснившиеся сны,
задрал штаны, за комсомолом
бежал по улицам страны.

И, озираясь удивленно,
все слушал, как в неранний час
дышали рыхлые драченны,
ходил в корчаге хлебный квас.

ГУБЕРНСКАЯ РЯЗАНЬ

В начале самом жизни ранней,
в краю зеленом, голубом
я жил как раз в самой Рязани,
губернском городе большом.

Тогда мне было лет пятнадцать,
но я о многом понимал.
Мне до сих пор
те стогны снятся,
хоть я как будто старым стал.

В свою юнгштурмовку одетый,
я жил тобой без суеты,
о «Деревенская газета»,
юдоль крестьянской бедноты!

Мне жизнь была такая впору.
В закутке бедном и сыром
заметки страшные селькоров
я обрабатывал пером.

В дни социальных потрясений,
листая книгу и журнал,
я позабыл тебя, Есенин,
и на Демьяна променял.

Мы блесна тут не наводили,
нам было всем не до красот.
В село отряды уходили
без барабанов в этот год.

Под солнцем,
смутным и невнятным,
они из схваток боевых
везли на розвальнях обратно
тела товарищей своих.

Платя за все предельной мерой,
упрятав боль в больших глазах,
мы хоронили их на скверах
и на молчаливых площадях.

Я помню марево печали,
и черный снег, и скорбный гул.
Шли митинги
в промерзшем зале,
молчал почетный караул.

КЛАССИЧЕСКАЯ БОРЬБА

Неподалеку, у заставы,
как переменная судьба,
в заезжем цирке для забавы
идет вечерняя борьба.

Как в освещенной круглой
сказке, там, под галерной, далеко,
потеют плавочки и маски,
трещит последнее трено.

Борцов гастрольные повадки,
все в электрической жаре.
Лежат могучие лопатки
на старой Персии ковче.

Сдавай свой номер, словно
бирку, бери потертое пальто.
Уже брезент сдирают с цирка,
поедет дальше Шапито.

А в поле снежном, дальше,
вправо, стучит ружейная пальба,
блестит клинок в ладони
правой, иная действует борьба.

С врагов сорвав победно масни,
на кобылицах без подков
из карабинчиков подпаски
в кулацких целятся сынков.

Бранясь и сплевывая смачно,
не замечаячи мороз,
идет кровавый бой кулачный,
не для потехи, а всерьез.

Уже рассвет, а битва длится,
стук мерзлых сабель не затих.
Ржут и стеноют кобылицы,
жалая всадников своих.

И по дороге той России
через притихший снеговой
устало едут верховые,
гоня кулацких сыновей.

ЧУХНОВСКИЙ

Побыв в сумятице московской
среди звонков и телеграмм,
отправлен быстро был
Чухновский по весям и по городам.

По Совнарнома директивам,
чуть огоробен и устал,
он выступал перед активом
и к пионерам приезжал.

Прошли года чредою длинной,
но и сейчас передо мной
на всю Рязань — одна машина,
и в ней — Чухновский молодой.

Она победно громыкала,
и, слыша срочный рокот тот,
Рязань, откинув одеяла,
и своим окошкам припадала
и выбегала из ворот.

Чухновский молод и прекрасен,
хоть невелик совсем на вид.
Но где-то там, как символ,
«Красин» за ним у полюса стоит.

И перед сценой в главном зале,
как бронепоезд на парах,
мы вместе с ним опять спасали
тебя, «Италия», во льдах.

Ведь меж торосов и обвалов,
в тисках ледовых батарей,
он заложил тогда начало
всех наших общих эпопей.

Так эта сдержанная сила
свою нам протянула длань
и к бранной славе приобщила
тогда губернскую Рязань.

КОМСОМОЛЬСКАЯ ШКОЛА

Москва сзывала в этот год
в свои училища и вузы
один трудящийся народ —
хозяев истинных Союза.

Взяв свой паек без праздных
слов, и вынув литер на вокзале,
на третьих полках поездов
они к столице подъезжали.

Потом в азарте юных лет,
не сняв косынки и шинели,
теснились возле стенгазет,
в аудиториях шумели.

По всем углам родной земли
и после — по державам мира —
они отсюда пошли,
плотин и домен командиры.

...И мне учиться срок настал:
оставив гранни и селькоров,
я в типографию попал
по фезеушному набору.

Москва тогда еще жила
и прежним днем и в новом
стиле: среди гудков колокола
себе отходную звонили.

Последний элпман продувной
шагал в домзак, склонивши
вью, и по булыжной мостовой
возили рельсы ломовые.

Храня республику труда,
глядели влево и направо
заставы города тогда,
как бы военные заставы.

...Я очень помню тот апрель,
тот свет и тьму, тот день
московский, когда не в ту, ошибшись, цель
отправил пулю Маяковский.

Тут не поправишь ничего,
не скажешь что-нибудь особо.
Я был на выставке его
и шел замедленно вдоль гроба.

Снимайте шапки перед ним,
не веря всем расхожим толкам,
он был глашатаем твоим,
наш комсомол и «Комсомолка».

Я жизнь узнал на вкус и вес
и вспомню, чтоб не упрекали,
тот самый шахтинский процесс,
что шел тогда в Колонном зале.

Истории не прекословь,
не правь исчезнувшие даты...
Об этом «Строгая любовь»
была написана когда-то.

Года уходят, как вена,
необратимо и странно,
как шли в то время облака
над Мавзолеем деревянным.

ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ СРОК

Я шагал по Москве
вдоль бульваров апреля,
подтянувшись,
как было положено,
впрок: он тогда продолжался
всего две недели —
за разбитым станком
испытательный срок.

Наконец-то дождавшись
законного часа,
под предпраздничный шум
первомайских знамен
я зачислен был в список
рабочего класса
и в реестры конторы
навечно внесен.

В тех ударных цехах
из плакатов и стали,
как намного позднее
в солдатском строю,
и погоди и дядни
еще испытали —
на печалях и праздниках —
душу мою.

Я окопы копал
и выкладывал зданья,
исполнял мастеров и сержантов урок.
Он еще не закончился —
срок испытанья.
Он все дальше идет —
испытательный срок.

Ярослав СМЕЛЯКОВ

Рисунки И. ПЧЕЛКО.

Были годы удач,
были месяцы боли,
мне всего доставало
под небом родным.
В общем, я-то и сам —
без уверток —
доволен,
проверяя себя
испытаньем твоим.

Эту жизнь
не пришлось мне
прожить без упрека
среди станков и винтовых,
бумажек и строк...

Лишь бы он не закончился
только
до срока,
Одиссей моей
испытательный срок.

НЮРА ЕРШОВА

А я беру не к месту слово
и говорю опять в тщете,
что Нюра все-таки Ершова
была всегда на высоте.

Она держалась так, как надо,
в халате синеньком своем.
Станки стояли наши рядом
в одном пролете заводском.

И ежели струя металла
вдруг из котла летела вбок,
она мне взглядом разрешала
очистить тот ее станок.

И без урона по работе,
всегда спокойна и бледна,
сама по собственной охоте
шла к моему станку она.

Я провожал ее в печали,
с надеждой глядя сизовьз очки.
По переулочкам стучали
без остановок каблучки.

Ни поцелуев, ни объятий,
когда фонарь уже зажжен.
Как сорок тысяч

юных братьев,
я был тогда в нее влюблен,

Но, пряча всю любовь и муку,
в приливе нежности своей
я только пожимал ей руку
и расставался у дверей.

А может, это все лишь было
в те вечера, на склоне дня
из-за того, что не любила
Ершова, гордая, меня?

МАСТЕР

В моей понамест это власти:
прославить в собственных
стихах
тебя, мой самый первый мастер,
учитель в кепке и в очках.

Среди мятущихся подростков,
свой соблюдая идеал,
ты был взыскательным
и жестким,
но комсомольцев уважал.

Прельщали твой уклад
старинный,
когда в сторонке ты сидел,
не то, чтоб наша дисциплина,
а наша жажда трудных дел.

Лишь я один твое ученье,
которым крайне дорожил,
для радостей стихосложения
так опрометчиво забыл.

Прости, наставник мой, прости,
что я по утренней пороше
не смог, приладившись, нести
две сразу сладостные ноши.

Там, где другая есть земля,
где зыбкой славой брезжут
дали,
иных наук учителя,
иные мрежи ожидали.

«ОГОНЕК»

Зимой или в начале мая
я в жажде стихотворных строк
спешил с работы на трамвае
туда, в заветный «Огонек».

Там двери — все — не
запирались,
там в час, когда сгущались
мгла,
на праздник песни собирались
мальчишки круглого стола.

Мы все друг дружку уважали
за наши сладкие грехи,
и голоса у всех дрожали,
читая новые стихи.

Там, плечи жирные сутуля,
нерукотворно, как во сне,
руководил Ефим Зозуля
в своем внимательном пенсне.

Там в кольцах дыма голубого,
все понимая наперед,
виталя молча тень Кольцова,
благословляя наш народ.

Мы были очень молодые,
хоть это малая вина.
Теперь едва не всей России
известны наши имена.

Еженедельник тонколицый,
для нас любимейший журнал,
нам отдавал свои страницы
и нас наружу выпускал.

Мы бурно вырвались на волю,
расширив круг своих орбит.
В могилах братских в чистом
поле
немало сверстников лежит.

Я был влюблен, как те поэты,
в дымящем трубами краю
не в Дездемону,
не в Джульетту —
в страну прекрасную свою.

Еще пока хватает силы,
могу открыть любую дверь.
Любовь покамест не остыла,
лишь стала сдержанней теперь.

БАЛЛАДА 30-ГО ГОДА

Как предложил рабочий класс,
собрал портянки и рубашку,
в недальний утренний Мосбасс
от нас зимой поехал Яшка.

В один из тех метельных дней
его почетно провожала
толпа подружек и друзей
до Павелецкого вокзала.

Нестройной маленькой семьей,
толкаясь между пассажиров,
еще не знали мы с тобой,
что Яшка станет дезертиром.

Лишь Мира, обойдя сугроб,
по-женски скорбно и устало
ему глядела прямо в лоб,
как будто пулю там искала.

Известно было, что она —
об этом не могло быть спора —
была несчастно влюблена
в великопленного позера.

Мы попрощались с ним без
слез,
курая отважно папиросы.
Гудит прощально паровоз,
неверно движутся колеса.

По рельсам, как по паре строк,
уходит поезд от погони.
И только красный огонек
на дальнем светится вагоне.

Сугроб оставив у крыльца,
прошла зима с морозом вместе,
но нет отсюда письмеца
или хоть случайного известья.

Но вот без розысков, само
из шахты угольной от Яшки
пришло ужасное письмо
в редакцию многотиражки.

Суров и труден тот Мосбасс,
там темный снег нескоро тает.
Он черным хлебом кормит нас,
раз белых булок не хватает.

В глубокой шахте с потолка
всю смену тягостно струится
заместо струйки молока
одна остывшая водица.

Там, исполняя нагло роль
рабочей хватки человека,
кулацкая босая голь
вразвалку шляется по штреку.

В краю суглинистой земли
у Яшки жлобы без печали
бушлат матросский увели,
в очко до нитки обыграли.

И он, хоть нашу меру знал,
от жизни этой сломился,
из шахты ночью убежал
и возле мамы очутился.

Ячейка грозная не спит,
не ест конфет, не греет чая,
а за столом всю ночь сидит,
признанье это изучая.

Стыдом наполнен каждый взор.
Отмщенья требуем, отмщенья!
Недлинным будет приговор,
безжалостным постановленьем.

Одернув кожанку рынком,
по общей воле комсомола
та Мира самая в райком
несет страничку протокола.

Идет-гудет тридцатый год,
в свой штаб идет, бледнея,
Мира
и орготделу отдает
судьбу родного дезертира.

А мы с тобой ему в ответ
апрельской ночью, перед маем,
на самом склоне юных лет
на новый рудник уезжаем.

АСФАЛЬТИТОВЫЙ РУДНИК

Как заштатный сотрудник,
купааясь в таежной рене,
асфальтитовый рудник
стоит от столиц вдалене.

Ходят в петлях ворота,
натурно скрипит вороток,
днем и ночью работа,
трехсменный веселый урон.

Под звездой туманной,
как словно свое торжество,
я кручу непрерывно
железную ручку его.

Летним утром и в стужу,
затратив немало труда,
эту землю наружу
в бадьме мы таскали тогда.

Нам велела эпоха,
чтоб слабою рохлей не стать,
как по пропуску, в грохот
лопатов ее пропускать.

На обгон, на подначку
под солнцем твоих небеси
мне толкать эту тачку
способней, чем ехать в такси.

Жить в тайге интересно,
и, всем холодам на беду,
я в разведку отвесно
под черную землю иду.

Не лирический томир,
не фетовский ваш соловей —
гнется слабенький ломик
под страшной кувалдой моей.

Я прошел бы, пожалуй,
вселенную эту насквозь,
если б мне не мешала
земная проклятая ось.

Как игла по пластинке,
как жадный по женщине взгляд,
по канату из цинка
мои рунавицы скользят.

Слушай эту кантату,
мой гимн золотому труду.
Как цирiach по канату,
я в дальнее время иду.

ЛЕСОПИЛКА

Красиво мускулы ходили,
пила визжала, как экспресс,
когда с тобою мы пилили
на доски весь сосновый лес.

Когда в рабочем интересе
во мгла заутренней сырой
всю эту высь и эти веси
валили мы на домострой.

На этой спорой лесопилке,
скорее двигаться веля,
бесшумно сыпались опилки,
росли, как избы, штабеля.

И день и ночь, опять и снова
Сегодня то же, что вчера.
И пахнут свежестью сосновой
мои ладони до утра.

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

И снова, словно бы в сказанье,
я вижу, выправив билет,
Дом Красной Армии в Рязани
второй зимы тридцатых лет.

Его чугунная ограда
снежным покрывта голубым.
Народ идет сюда, как надо,
привычным шагом строевым.

На этот праздник небогатый,
прининув так и так сперва,
своих прислала делегатов
литературная Москва.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

работница

СЕНТЯБРЬ 1968 • № 9

Ежемесячный общественно-политический
и литературно-художественный журнал

Основан 8 марта 1914 года • Издательство «Правда»

Себя талантами считая, ведь есть у каждого грехи, мы нашей армии читаем свои поэмы и стихи.

Нет, мы совсем не монументы, мы не срываемся едва, от грохота аплодисментов у нас кружится голова.

Как всадник истинный, вразвалку, в военной форме прежних дней пошел к турбине Матэ Залка, остановился рядом с ней.

Он говорит, расставив бурни, и не совсем без юморка, как на привале у печурки иль за столом у земляка.

Еще в буфете, сверх программы, вдаль устремив влюбленный взгляд, пьют пиво взводные, их дамы свое пирожное едят.

Еще до поезда немало, еще далеко до Кремля, и мы уходим неустало под снег и звезды февраля.

А сбону, словно в зимней сказке, движеньем обольщая всех, летят за санками салазки вдоль по оврагу — прямо в снег.

Недолго думая, туда-то, враз потеряв приличный вид, возглавив нас, прекрасный Матэ, пыхта от радости, бежит.

Не щелкопер салонов дамских — на санках вместе с мелюзгой скользят герой войны гражданской, участник первой мировой.

За ним — по пропасти — вдогонку, как в глубь твою, ночная Русь, с шальной школьной девчонкой я в упоении несусь.

Ее метельные косицы, всем наставленьям вопреки, в роскошных ленточках из ситца моей касаются щечи.

...Я ночью зажигаю спички, в свое окно гляжу зимой, и снова снежные косички опять летят передо мной.

ПИРУШКА В ИСПАНИИ

От гаубиц трясется балка, блестя охранные штаны. Сидят Кольцов и Матэ Залка и шумно жарят шашлыки.

Как будто бы им дела мало там, на своей большой земле. Лежит фуражка генерала на пригтовленном столе.

От них еще покамест скрыто, что впереди испанцев ждет паденье грозного Мадрида и в лагерь Франции исход.

Они еще не знают оба, что ожидают их двоих салют Испании над громом, воспоминания из книг.

Мешать их празднику не надо, пусть будет эта ночь светла. Теи в стакан, вино Гранады, благоухайте, вертела!

Мне и завидно им и жалко: живут же, хоть свершился срок, улыбка радостная Залки, Кольцова мрачный хохоток.

АРКАДИИ ГАЙДАР

Я рад тому, что в жизни старой, средь легендарной суеты сам знал Аркадия Гайдара, мы даже были с ним на «ты».

В то время он, уже вне армий, блюдя признание свое, как бы в отсеке иль казарме имел спартанское жильё.

Быть может, я снажу напрасно, но мне приятен признак тот: как часовой, он жил у Красных, а не каких-нибудь ворот.

Не из хвальбы, а в самом деле ходил товарищ старший мой в кавалерийской все в шинели и гимнастерке фронтовой.

Он жил без важности и страха, верша немалые дела. Как вся земля, его папаха была огромна и кругла.

Когда пошли на нас фашисты, он был — отважен и силен, — из войск уволенный по чистой, по той же чистой возвращен.

И если рота отступала и час последний наступал, ее он всю не одеялом, а пулеметом прикрывал.

Так на полях страны советской, свершив последний подвиг свой, он и погиб, писатель детский с красноармейской душой.

30Я

В городах незаметна природа, в фонарях не рассмотришь звезду.

В майский дождь сорок первого года я по улице поздней иду.

И в окне, как сквозь смутные дали, различая все сразу едва ль, в школьном зале, в предутреннем зале

вижу я приглушенный рояль.

Под померкшею лампой недальней — там когда-то и я бушевал — и веселый и все же печальный выпускной завершается бал.

Я стою под окном запотелым, вдоль него неумело хожу, словно бы в потаенное дело, на ушедшую юность гляжу.

Парень девушку кружит в объятьях, в первый раз на недолгом веку пролетает прощальное платье, прикасаясь к его пиджаку.

И не знает она, хорошея, то, что ей суждены впереди воровская веревка на шее, Золотая Звезда на груди.

ДАВНИХ ДНЕЙ ГЕРОИНИ

Где вы ходите ныне? Потерялся ваш след, давних дней героини, слава старых газет.

Помню вас на плакатах в красном мареве слов тех далеких тридцатых, переломных годов.

На делянках артели, на трибунах больших вы свое отзвенели, голоса звеневых.

Сделав главное дело, дочки нашей земли из высоких пределов незаметно сошли.

Возвратились беглянки из всеобщей любви на свои полустанки в сельсоветы свои.

И негромко, неслышно снова служат стране под родительской вишней, от столиц в стороне.

Их недолгую славу и тогдашний почет смутно помнит держава средь новейших забот.

Но, однако ж, бывает, что под праздник она, засветясь, называет тех подруг имена.

КОМСОМОЛЬЦЫ САМОЙ РОССИИ

Я приятности нахожу в том, что, словно бы голубица, с легким шелестом прохожу через таможи и границы.

Ведь недавно совсем не так, без улыбочек, без идилий, развывая огонь атак, в эти местности мы входили.

Знают София и Белград, помнят люди немолодые, где под камнем могильным спят комсомольцы самой России.

На войну уходя сперва, не успели они жениться. Их единственная вдова — наша северная столица.

Гул тогдашней войны затих, но она все, как подобает, обручальных колец своих с пальцев каменных не снимает.

ТИПОГРАФИЯ

Без промедленья и опаски, как в марте трепетный апрель, я слышу запах типографский хотя б за тридцать земель.

Я чую мокрые страницы ночного позднего труда, как словно старая волчица овечьи мирные стада.

Неповторимо и повторно навеки обожаю я цех типографии наборный и стук вечернего литья.

Недавно езда по Востоку, куда отправил нас журнал, я свет увидел одинокий и в типографию попал.

Здесь набирала буквы с толком, от удовольствия урча, широкоскулая монголка в халате с братского плеча.

Халат как раз такой окраски — он лучше выглядеть не стал — я в той бригаде типографской в туманной юности таскал.

Как будто здесь, в степи прогоркшей, его я скинул сгоряча и отдал ей, как шуба Орше дарилась с царского плеча.

ПРИЗЫВНИК

Под пристани гомон прощальный в селе, где обрыв да песок, на наш пароходик недальний с вещичками сел паренек.

Он весел, видать, и обижен, доволен и вроде как нет, уже под машинку стрижен, еще по-граждански одет.

По этой-то воинской стрижке, по блеску сердитому глаз мы в крепком сибирском парнишке солдата признали сейчас.

Стоял он на палубе сиром и думал, как видно, что он от прочих речных пассажиров незримо уже отделен.

Он был одинок и печален среди интересов чужих: от жизни привычной отчалил, а новой еще не достиг.

Не знал он, когда между нами стоял с узелочком своим, что армии красное знамя уже распростерлось над ним.

Себя отделив и принизив, не знал он, однако, того, что слава сибирских дивизий уже осенила его.

Он вовсе не думал, парнишка, что в штатской одежде у нас военные красные книжки тихонько лежат про запас.

Еще понимать ему рано, что связаны службой одной великой войны ветераны и он, призванный молодой.

Поэтому, хоть небогато — нам не с чего тут пировать, — мы, словно бы младшего брата, решили его провожать.

Решили хоть чуть да отметить, хоть что, но поставить ему. А что мы там пили в буфете, сейчас вспоминать ни к чему.

Но можно ли, коль без притворства, а как это есть говорить, каким-нибудь клюквенным морсом солдатскую дружбу скрепить?

УТРЕННЯЯ ГЛАВА

Я увидал на той неделе, как по-солдатски наравне четыре сверстника в шинелях копали землю в стороне.

Был так приятен спозаранку румянец этих лиц живых, слегка приметные ушанки, четыре звездочки на них.

Я вспомнил пристально и зорко сквозь развидневшийся туман ту легендарную четверку и возмущенный океан.

С каким геройством непрерывным от человечества вдаль солдаты эти с океаном борьбу неравную вели!

С неиссякаемым упорством, не позабытым до сих пор, свершалось то единоборство, не прекращался тяжкий спор.

Мы сразу их назвали сами, как разумели и могли, титанами, богатырями и чуть не в тоги облекли.

Но вскоре мне понятно стало, что, обольщавшие сперва, звучат неверно, стоят мало высокопарные слова.

И нам случилось удивиться, увидевши в один из дней не лики строгие, а лица своих измученных детей.

обычных мальчишек державы, сумевших в долгом том пути жесточайший труд и бремя славы с таким достоинством нести.

МОНТАЖНИКИ

В своих пристрастиях крайне стойкий, не покидая главный класс, я побывал на Братской стройке, и даже, помнится, не раз.

На эстакаде, без подначки, стоял я, сын других времен, как землекоп с дощатой тачкой меж металлических колонн.

И как-то сдуру — между нами — совсем не к месту позабыл, что этой станции фундамент я сам с друзьями заложил.

Но все равно, потом и сразу, среди чудес и пустынок меня прельстили верхолазы в развоях вешних облаков.

Они, ходя обыкновенно, не упускают ничего, вели второй монтаж вселенной не плоше бога самого.

Им на земле уже неловко, они обвыклись в небесах, и звенья цепи для страховки висят у них на поясах, —

той цепи, что при царской власти, чтоб и бунтарь бессильным был, и на ногах и на запястьях устало каторжник носил,

той цепи, что в туманной дали, власть отнимаи и беря, отцы и деды разорвали осенней ночью Октября.

СМОЛЕНСК

Давайте вспомним о Смоленске. Он в списке городов других, как тихий житель деревенский среди рабочих разбитных.

Тебя я, пусть немного, знаю, гляжусь в тебя издавна, столица русская льняная, юдоль лопаты и штына.

Там, где шумят леса глухие, полей и перелесков тишь, валы насыпав земляные, ты пол-России сторожишь.

Его холмы стоят, как надо, всю ночь горят его огни. Пускай тут вовсе нету кладов, а только кладбища одни.

Он славных подвигов предтеча, ему история мила. Когда идет поодаль сеча, его гудят колокола.

Он неторопно дело знает без похвальбы и без хулы. И перья медные роняют над ним залетные орлы.

ШТОРЫ ИЗ ВЬЕТНАМА

Не на окне, а посредине прямо, близ подмосквовных веток и ветвей бамбуковые шторы из Вьетнама стучат, колеблясь, в комнате моей.

По вечерам и рано на рассвете, среди моих идиллий и забот, колышет их военный дальний ветер, сюда идущий из других широт.

Не далеко, а чуть не на пороге, зовя в свой край отщепеня и мук, он все стучит, как барабан тревоги, в моем жилье, оттудова бамбук.

О, эти шторы, зыбкие срижали! Я не могу и не хочу их снять. Их сколько бы рукой ни раздвигали, они всегда смыкаются опять.

С НЕБА ПАДАЕТ СНЕГ ЗИМЫ

С неба падает снег зимы. Осторожно, благоговей, приближаемся тихо мы — вдоль по площади — к Мавзолею

Белым снегом освещена и насыщена красным блеском на молчанье твоём, стена, Революции нашей фреска.

Тут который уж год подряд по желанию всей России у гранитных дверей стоят неподвижные часовые.

Хоть январский мороз дерет и от холода саднит скулы, ни один из них не уйдет из почетного караула.

Как они у державных плит, берега седину и детство, вся страна день и ночь хранит правду ленинского наследств.

Ливень хлещет, и снег идет, в небе молния проблеснула — ни один из нас не уйдет из почетного караула.

СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ
КОММЕНТИРУЮТ
УЧАСТНИКИ СОБЫТИЙ

ОДНА ИЗ ПЕРВЫХ

Лиза Пылаева в годы гражданской войны.

Е. ГЕРР, делегат I, II, III съездов комсомола, член ЦК РКМ первого созыва

...А я запомнила Лизу другой — какой увидела в первый раз в июне 1917 года. В светлом летнем платье, с красивыми, собранными в узел каштановыми волосами.

Это были дни, когда в связи с подготовкой к выборам в Учредительное собрание буржуазные партии высказались за предоставление избирательных прав молодежи только с 20 лет.

19 июня «Правда» напечатала «Открытое письмо товарищам рабочим и солдатам». В нем разоблачался маневр буржуазии, рассчитанный на то, чтобы не допустить к выборам 18—19-летних рабочих и работниц, симпатии которых были на стороне большевиков.

Я распространяла тогда «Правду» у заводских ворот на рабочих окраинах. А вечерами мы, активисты Социалистического союза рабочей молодежи Нарвско-Петергофского района, частенько собирались на чай с леденцами в летней половине трактира «Медведь». Посетителями здесь были чаще всего партийцы или сочувствующие им. Здесь я познакомилась с молодежным вожакom Васей Алексеевым, а потом и с Лизой Пылаевой. В день опубликования письма она пришла к нам, чтобы договориться о митинге протеста против ограничений прав молодежи.

Митинг состоялся 22 июня в клубе стекольщиков на Херсонской улице. Лиза Пы-

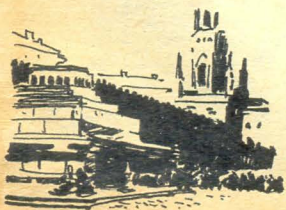
лаева выступила первой, и, хоть оратором она была не блестящим, но говорила просто, очень горячо и сумела разжечь аудиторию. Резолюцию единогласно приняли такую:

«Мы, 18- и 19-летние рабочие, работницы и солдаты, в числе 100 человек, обсудив вопрос о лишении рабочей молодежи избирательных прав, выражаем свой резкий протест против уравнивания молодежи в бесправи с преступниками и умалишенными и требуем от представителей демократии Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов добиться предоставления нам тех прав, за которые многие из нас боролись, не жалея своей свободы и самой жизни наравне со старшими товарищами. Это наше требование мы, в случае необходимости, поддержим организованным выступлением. Полное избирательное право молодежи начинается с 18 лет.

Председатель Е. Пылаева...»

Позже я сошлась с Лизой поближе. Узнала, что она работает в экспедиции «Правды» и уже состоит в большевистской партии. Рекомендацию в партию ей дала Мария Ильинична Ульянова.

Тот митинг протеста, на котором выступала Лиза, принятием резолюции не ограничился. Участники митинга предложили в

противовес действовавшей тогда в Петрограде юношеской организации «Труд и свет», которая политически не выражала и не защищала интересов рабочей молодежи, создать общегородскую революционную социалистическую организацию. Тут же, на митинге, началась запись. Новорожденную организацию назвали Межрайонным социалистическим союзом рабочей молодежи. Избрали оргбюро «Межрайонки», в него вошла и Лиза Пылаева.

Бюро развернуло большую работу в массах молодежи, подготовило программу и устав будущего союза.

Ответ на вопрос, какой должна стать юношеская пролетарская организация, давали напечатанные в «Правде» еще в мае—июне статьи Н. К. Крупской: «Союз молодежи», «Борьба за рабочую молодежь», «Как организоваться рабочей молодежи» и предложенный ею же проект «Устава Союза рабочей молодежи России».

«За кем рабочая молодежь, за тем будущее»,— писала Надежда Константиновна. А один из первых пунктов Устава предлагала сформулировать так: «Союз рабочей молодежи России ставит себе целью готовить из своих членов свободных, сознательных граждан, достойных участников той великой борьбы, которую им предстоит вести в рядах пролетариата за освобождение всех угнетенных от ига капитала.

...Нельзя быть пролетарской организацией, не ставя себе этой цели».

В конце июля—начале августа в Петрограде полулегально собрался VI съезд большевистской партии. Нацеливая пролетариат на подготовку вооруженного восстания, съезд принял и специальную резолюцию «О союзах молодежи». А через две недели после съезда партии, 18 (31) августа 1917 года, в небольшом зале Нарвского райкома партии состоялась конференция рабочей молодежи Петрограда.

Она объединила разрозненные молодежные организации рабочего Питера в единый Социалистический союз. С самых первых дней Петроградский комитет союза проявил себя настоящим боевым штабом рабочей молодежи столицы, поднявшей на борьбу против корниловщины. А через месяц комитет призывал всех членов Социалистического союза рабочей молодежи вступить вместе со всем пролетариатом в последний и решительный бой с буржуазией, сражаться храбро и бесстрашно. Заканчивалась резолюция лозунгами: «Да здравствует власть Советов! Да здравствует Ленин!»

В дни Октябрьского вооруженного восстания мы встречались с Лизой Пылаевой довольно часто: то где-нибудь в районе, то в Смольном, то в Петроградском комитете Союза.

В последний раз я видела Лизу в январе 1918 года. В одной из комнат Марининского дворца обосновалась коллегия по формированию Красной Армии. Лиза работала теперь здесь, в коллегии.

Через несколько дней мы разъехались по фронтам. Наш красногвардейский юношеский отряд, составленный из членов Петроградского и районных комитетов союза, отправился под Нарву, а Лиза с одним из первых эшелонов выехала на фронт, в Белоруссию, потом воевала на Урале и там, как мы узнали позже, прославилась: однажды при налете белых на наш бронепоезд спасла важные штабные документы и деньги.

После гражданской войны Лиза работала на восстановлении Донбасса, училась в Институте красной профессуры.

Умерла Лиза Пылаева совсем молодой, в 1926 году.

ТАК НАЧИНАЛСЯ МАРШ УДАРНЫХ БРИГАД

А. СЕВЕРЬЯНОВА, член ВЛКСМ с 1923 года

Тогда, в 28—29-м годах, я работала в ЦК комсомола. Время было горячее — начало первой пятилетки, пора рождения соцсоревнования.

На VIII съезде комсомола, который проходил в мае 1928 года, слова «соревнование» никто еще не произносил. Говорили о социалистической реорганизации и рационализации труда, о производственных перекличках. Но идея соревнования, что называется, витала в воздухе.

Месяца за три до съезда «Комсомольская правда» открыла предсъездовскую дискуссию: как лучше организовать работу с молодежью. Авторы лучших предложений премировались совещательными и гостевыми билетами на съезд. Восстановить все по памяти сейчас невозможно, а «Комсомолка» тех лет может подсказать, например, что один рабочий парень с Урала получил билет на съезд за письмо, в котором рассказал об опыте ударной комсомольской бригады на механическом заводе в Златоусте (сам он был из числа организаторов этой бригады).

Съезд дал новый толчок активности комсомола во всех делах, какими он занимался. А дел было много: образование рабочей молодежи, коллективизация, строительство революционной культуры. Но значительней и ярче всего влияние съезда сказалось, на мой взгляд, в движении ударных бригад.

В июне 1928 года возникла ударная комсомольско-молодежная бригада в Ленинграде, на заводе «Электросила». И тут словно про rvalось. «Комсомолка» что ни день приносила вести из разных городов: «Есть еще одна ударная!», «Такой выработки еще не было: 150... 170... 200 процентов!»

Тогда-то и родилась мысль о том, что успех будет еще большим, если коллективы одних бригад смогут сравнивать свои показатели с результатами труда бригад на других предприятиях.

Члены ЦК комсомола Петр Сагал, Яков Ильин и Михаил Каплун пошли к Марии Ильиничне Ульяновой (она была ответственным секретарем «Правды») и попросили ее поддержать развитие молодежных ударных

бригад на страницах «Правды». Поделались и мыслями, пока еще весьма неясными, как организовать между бригадами соревнование за лучшие результаты труда. Мария Ильинична слушала пыльные и сбивчивые речи своих молодых гостей очень внимательно и неожиданно для них сказала:

— Вы знаете, друзья, а ведь у Владимира Ильича по этому вопросу есть статья — именно о социалистическом соревновании. Я обязательно ее разыщу. Завтра вы ее получите.

На следующий день Мария Ильинична действительно вручила тем же членам ЦК комсомола статью Владимира Ильича Ленина «Как организовать соревнование?», написанную 24—27 декабря 1917 года и тогда, в 1928 году, еще не опубликованную.

В зале заседаний ЦК комсомола мы читали вслух ленинскую статью.

Слова: «Социализм не только не угашает соревнования, а, напротив, впервые создает возможность применить его действительно широко, действительно в массовом размахе, втянуть действительно большин-

Ударницы Горловки. 1931 год.

ство трудящихся» — звучали для нас как одобрение и напутствие, как призыв к действию. После слов «Наша задача теперь, когда социалистическое правительство у власти,— организовать соревнование» мы, помнится, даже заплодировали.

Вскоре, 20 января 1929 года, статья В. И. Ленина «Как организовать соревнование?» была напечатана в «Правде». Прошло еще несколько дней, и «Комсомольская правда» вышла с набранным на первой полосе обращением «Об организации социалистического соревнования». В разных городах, на крупных стройках создавались слеты и съезды молодых рабочих. Члены Цекамолы неделями, а то и месяцами не появлялись в кабинетах: все были на предприятиях, среди молодежи.

Яков Ильин, который был корреспондентом «Правды», писал мне с Урала: «До 20/IV пробуду в Свердловске, в Москву приеду 22/IV и выеду на Урал опять, чтобы попасть на Первомайский Всеуральский слет рабочей молодежи, посвященный соревнованию. Это будет прекрасное зрелище. 2 400 ребят приедут за свой счет в Свердловск. 3 дня мы будем работать с ними... 4 мая я поеду в Тагил, на окружную конференцию комсомола, а числа 7—8 мая на Надеждинский завод. В общем, раскатаем Урал!»

За бурным развитием соревнования мы едва успевали следить: это было такое стремительное движение, что у каждого, кто хоть в какой-нибудь мере с ним соприкасался, буквально захватывало дух.

В апреле 1929 года ко всем рабочим и трудящимся крестьянам Советского Союза с призывом развернуть социалистическое соревнование обратился XVI партконференция. «Соревнование и пятилетка неразрывно связаны между собой», — говорилось в обращении.

К концу 1929 года в соревновании участвовало уже 63 процента рабочих крупных предприятий и 26 процентов рабочих состояло в ударных бригадах.

Социалистическое соревнование брало раз-
бер!

Идет бой. Осень 1943 года, северо-восточнее Туансе.

Фото А. УЗЛЯНА.

П. А. БАТОВ,
Генерал армии
дважды Герой
Советского Союза

Сестренка

Снимки, похожие на этот, есть и в моем архиве. Безымянные и со стершимися надписями. Спасибо фронтовым фото- и кинокорреспондентам: они оставили для потомков наших, для истории кадры из самого пекла войны, с полей жестоких сражений.

О чем думаю, глядя на фронтовой этот снимок, я, старый солдат?

У меня за плечами шесть войн — от первой империалистической до Великой Отечественной. И как солдат и как генерал армии, я говорю: война — дело мужское.

Но, возвращаясь памятью к суровым годам последней войны, я спрашиваю себя и всех, кто прошел ее дороги и кому выпал счастливый жребий вернуться живым домой: разве те бесконечно тяжелые испытания, что нам достались, не были бы еще тяжелее, если бы вместе с нами не вышли на позиции наши подруги — врачи, санитарки, летчицы, связистки?

Я вижу их по-мальчишески остриженные головы в больших мужских ушанках, милые полудетские лица, помню голоса...

...Однажды, обходя фронтовой госпиталь, я увидел на койке знакомое лицо. Неужели Ольга Омельченко — любимица наша? Чего только не делали на фронте ее добрые руки: бинтовали раны, чистили картошку, стирали солдатское

белье, носили воду, строчили по немцам из автомата. А сколько людей спасла эта девушка! Одним отдала свою кровь, других вытащила из-под огня. В одном только бою при наступлении на Севск Ольга вынесла на себе 67 человек, участвовала в рукопашной схватке. А ведь в начале войны ей пошел всего шестнадцатый год!

Как-то бойцы сказали ей, что, когда она с ними, им ничего не страшно — хоть в огонь и воду!

Часть форсировала пять рек, и всегда Ольга — на первом плоту, хотя плавать не умела.

Она гордилась тем, что воюет с самого начала войны и притом в гвардейской дивизии. Помню, как увидел ее в первый раз. Я приехал в 37-ю дивизию вручать Гвардейское знамя... Командир дивизии целует уголок знамени. Тысячи лиц перед моими глазами — суровые, взволнованные, усталые. И это девичье лицо — глаза полны слез. После спросил, кто такая.

— Ольга Омельченко, сержант медицинской службы.

— А слезы почему, сержант?

— От гордости, товарищ генерал.

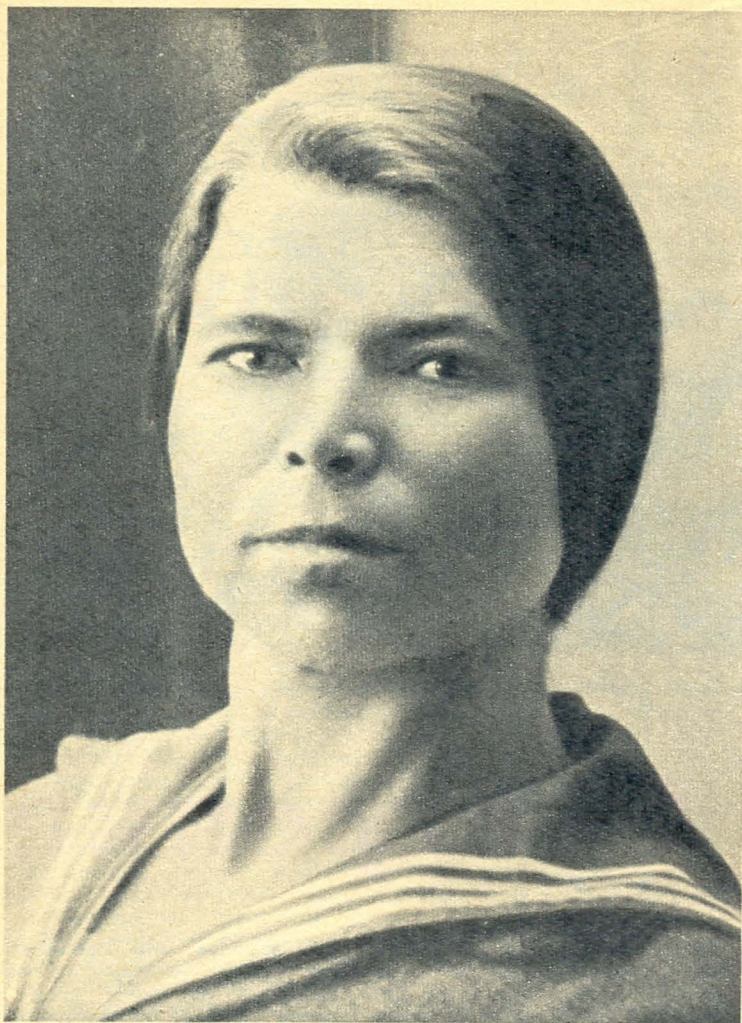
В самом начале войны под Харьковом фашисты разбомбили эшелон эвакуированных, в котором была и Ольга. Гитлеровцы с воздуха расстреливали выпрыгивающих из вагонов женщин и детей. Ольга

рассказывала мне потом, что эта картина — матери у бездыханных тел своих детей и дети, зовущие мертвых матерей, — словно застыла в ее памяти и звала к мщению. «Меня считали ребенком. Но я уже была комсомолкой и решила всеми правдами или неправдами прорваться на фронт. И прорвалась».

После войны Ольга Кривonos (она вышла замуж за офицера Михаила Кривоноса) была на комсомольской работе, потом супруги Кривonos поехали в Донбасс на восстановление шахт.

Однажды ко мне пришло письмо из города Кобеляки, с Полтавщины, которое начиналось так трогательно: «Дорогой Батя!» Письмо было от Ольги. Она подробно писала о своей жизни: осталась вдовой с шестью детьми, ребята все хорошие, старший сын служит в армии. К письму приложена фотография — стоят по росту шесть ребят... И снова вспомнилась мне война — и девушка в гвардейском строю со слезами на глазах. И снова назвал я ее героиней.

В день 50-летия Ленинского комсомола я обращаюсь к вам и сердечно поздравляю вас, комсомолки военных лет, потому что это и ваш праздник. Время, конечно, не сделало вас моложе, у многих из вас есть теперь дети и даже внуки — пусть продолжается в них ваша героическая комсомольская юность.

Олена Нищенко.
1934 год.

Олена Нищенко строит город

Ю. ЖУКОВ
и Р. ИЗМАЙЛОВА

Не так давно мы вдруг получили письмо из Кривого Рога. Из конверта выпала фотография землянки, какие на скорую руку лепились лет тридцать — сорок тому назад строителями, приступавшими к сооружению новых городов. И записка:

«Дорогие товарищи! Я вас помню с тридцатых годов, когда вы приезжали к нам в Комсомольск. Вы были у меня тогда в этой землянке, которую я слепила своими руками. Потом, говорят, обо мне было напечатано в газете*. Меня зовут Нищенко Олена Тимофеевна, а по мужу теперь Банцерович. Я теперь возвратилась в Кривой Рог по болезни. Теперь ваша Олена уже мать и бабушка. Член партии с 1932 года.

Часто вспоминаю о том, как мы строили Комсомольск, какие у нас тогда были дела. Вот и захотелось сейчас списаться со всеми теми, с кем я тогда подружилась. Так что не

обессудьте за это письмо. Понимаете, года идут, а отдыхать не хочется.

Помните, за приготовление обедов меня иногда хвалили ребята в Комсомольске, хотя, по правде сказать, насчет пищи у нас было неважно. Ну вот предложила я свои услуги тут, в Кривом Роге. Меня приняли. Сейчас готовлю обеды для горняков шахты «Центральная». Летом выращиваю цветы. Меня поддерживают в этом деле все шестьдесят семей нашего дома. А восьмого марта я по городскому радио рассказывала о своей молодости, о первых комсомольцах и вообще о делах наших товарищей, чтобы младшее поколение жило хорошо и счастливо.

Если есть у вас адреса первостроителей Комсомольска — кто где теперь, — пришлите их мне. Очень хочется с ними переписываться.

С коммунистическим приветом —
Олена Нищенко-Банцерович».

Лена Нищенко! Ну, конечно же, мы тебя помним. У нас даже сохранилась твоя фотография — та самая, где ты в своей любимой матросской блузе, которой так гордилась. И помним отлично вечера, проведенные в твоей землянке, тридцать с лишним лет тому назад, когда ты и твои друзья долгими часами рассказывали нам одну за другой волнующие, то радостные, то трагические и всегда замечательные истории первых дней великой комсомольской стройки. У нас сохранились записи той поры, и мы думаем, что ты не будешь в обиде, если мы поделимся ими сейчас с читательницами «Работницы»...

...Это было весной 1932 года. На восток шли эшелоны с комсомольцами. Их посылали к берегам Амура строить город, у которого еще не было названия. Один из эшелонов комплектовался в Харькове. Предоставленный в распоряжение комсомольцев, поезд выглядел весьма непривлекательно — ребята тут же прозвали его «телячьим экспрессом». В простых товарных вагонах наскоро ставили чугунные печки, настилали деревянные нары, развешивали железные фонари.

У самого грязного вагона вдруг раздался шум. Оказывается, группе комсомольцев достался вагон, из которого только что выгрузили уголь. Кто-то кричал:

— Криворожская организация не заслужила такого позора! Криворожье выполнило пятилетку в три года!..

Сердившегося парня тянула за воротник темноволосая девушка, одетая в комбинезон. Она энергично размахивала тряпками и уговаривала:

— Нема часу. Я ж кажу, нема часу... Возьми тряпку, зараз мы его причепуриим...

Парень, насупившись, умолк и взялся за тряпку. Вскоре вагон был тщательно очищен.

Паровоз свистнул и дернул длинный состав.

Эшелон шел медленно. Комсомольцы на остановках бегали от одной теплушки к другой и заводили знакомства. Очень жалели, что не было девушек — на весь поезд одна, та самая, что была одета в комбинезон и походила на мальчишку. Семен Винокуров, комсомолец с веселыми голубыми глазами, неустанно разъяснял:

— Нищенко у нас особенная — двух парней стоит! Днем плотником работала, а по вечерам на прорыве в шахте вагонетки катала...

Была эта комсомолка бойка и жизнерадостна. Она с радостью ехала в далекое путешествие. И гордо носила свой комбинезон. Веселье ребят из Киева пробовали ее дразнить: «Девка, а в штанах!» Нищенко не смущалась, она задорно протягивала зубоскалам руку для дружеского рукопожатия и так стискивала им пальцы, что у них навсегда пропала охота болтать о слабосилии девчат.

Этот эшелон был заполнен исключительно украинскими комсомольцами. Ехали организациями: вагон киевлян, вагон одесситов, вагон запорожцев... В пути выпускали стенные газеты, играли в шахматы, читали лекции, стирали белье. Поезд подолгу стоял на узловых станциях, и комсомольцы старались осмотреть все, что только удавалось. Некоторые отставали от эшелона и потом догоняли его с курьерским. Такие происшествия сурово осуждались, и виновных ругали на общевагонных собраниях.

Иван Сидоренко, знаменитый в те годы бетонщик, поставивший мировой рекорд по числу бетонозамесов в смену на стройке Харьковского тракторного завода, прихватил с собой комплект любопытнейшей газеты, редакция которой ежедневно меняла свой адрес. Газета называлась «Второй

*) Ю. Жуков и Р. Измайлова были тогда корреспондентами «Комсомольской правды». — Ред.

рейс» и кочевала вместе со своими читателями вокруг Европы на борту теплохода «Украина».

Когда с неба моросил дождь и обитатели вагона задвигали двери теплушек, Сидоренко доставал из чемодана свои газеты, и комсомольцы собирались вокруг печи. Хотя все заранее знали, что он будет читать, все с огромным любопытством и завистью всматривались в лицо бригадира: он видел за свою короткую жизнь чертовски много! Сидоренко откашливался и важно начинал:

«Дневник путешествия советских ударников вокруг Европы.»

21 августа. До 12 часов ночи любовались освещенными берегами Италии. В 6 часов 30 минут причалили к берегу. Встречает советская колония. Фашистская портовая полиция карабкается на трап. До 4 часов утра штаб разрабатывает план пребывания в Генуе.

23 августа. После завтрака все ударники и часть свободной от вахты команды вместе с советской колонией отправляются специальным поездом в Раппало. Здесь, на международном курорте, буржуазная публика разинула рты при виде советских ударников».

Потом Сидоренко торжественно читал какие-то непонятные слова и тут же переводил:

«Дате ми манджаре — дайте мне поесть; кванте операи личенуиано дуранте квесто мезе да квеста оф ичина — сколько рабочих уволено за последний месяц с этого предприятия; кварте коста квесте роба — сколько это стоит; но соно мембро де ла бригада — я член этой бригады...»

— Ио соно мембро де ла бригада... — машинально повторил вдруг Коля Крикун, статный молодой парень в аккуратно пригнанной юнгштурмовке, комсомолец из тихого украинского города Орехова, неразлучный дружок Сидоренко. — Мембро де ла бригада... А наша бригада, хлопцы, будет ударная, да? Я слышал вчера от начальника эшелона, будто мы будем строить какой-то судостроительный завод. И вот когда мы тот завод закончим, тогда мы построим огромный корабль и тоже поедем на нем вокруг света. Вот будет здорово, а? Поедем в Индию, на Цейлон, вокруг Африки...

Поезд вздрогнул и остановился, влягнув буферами. Сидоренко открыл дверь и отстранился от щели, — в нее били холодные брызги докучливого весеннего дождя. По мокрому дощатому перрону бегали люди

с ведрами и жестяными чайниками. Толпа промокших парней окружила какую-то старуху, цепко державшую в своих руках крохотную черную лепешку. Ей совали пачки денег, а она все еще не решалась назвать цену своему сокровищу и испуганно отстраняла руки комсомольцев. Было холодно, сыро и неуютно.

Крикун вздохнул и мечтательно продолжал, обращаясь к Сидоренко:

— И вот, приезжаем мы, Ваня, в теплые страны. Светит солнце, и всем нам жарко. В порту стоят сто, нет, тысяча кораблей. А наш корабль — такой белый, с голубыми трубами — самый большой и самый красивый. А на мачте у него красное знамя. И тут все выбегают и кричат нам «ура»...

Ваня язвительно перебил:

— И тут ты проснулся...

В вагоне засмеялись. Крикун обиженно отвернулся и замолчал. Немного погодя он встал и сказал куда-то в пространство:

— Не знаю, как кто, а я на первый корабль попаду. Хоть матросом, хоть коком, а обязательно попаду...

...Поезд шел все дальше на восток. С каждым днем становилось холоднее. Запасливые днепростроевцы натянули новые сапоги, приобретенные перед отъездом, и закутались в теплые одеяла. Беспечные одесситы, выехавшие из родного города в летних костюмах, отчаянно мерзли и проклинали сырой климат Востока. Единственная девушка эшелона Лена Нищенко тоже ежилась от холода, засовывая руки поглубже в карманы своих брюк, но не подавала виду и громко распевала украинские песни.

Путешествие закончилось на сороковой день: тридцать пять суток поездом да пять суток парходом. Эшелоны шли медленно, — дорога была очень загружена, а пароходы строителей «Колумб» и «Коминтерн», доставлявшие комсомольцев к затерянному в тайге селу Пермское, еле ползли, так как Амур еще не полностью освободился от льдов.

Наконец комсомольцы сошли на берег. Пассажирам «Колумба» очень хотелось познакомиться с теми, кто плыл на «Коминтерне». Особенно интересовалась пассажиром флагманского парохода Лена Нищенко: она видела на борту «Коминтерна» целую группу девушек. С ними ей будет веселее.

Но времени для знакомства не было, — надо было немедленно разгрузить пароходы и соорудить хоть кой-какое жилье для ночлега. Бригады еще не организовали. Лю-

дей звали по городам — Москва, Одесса, Ростов, Киев. Вот так, городами, и пошли на разгрузку.

Закончив работу, измученные, усталые, комсомольцы упали на землю и уснули мертвым сном. Но спать им удалось не больше часа: их разбудил ледяной ливень. Тогда промокшие, остервеневшие люди начали ставить палатки. Мокрый, негнущийся брезент с трудом удавалось напаять на колья. Налетевший откуда-то ветер, точно издеваясь над усталыми людьми, крушил палатки, и все приходилось начинать сначала.

Сидоренко, яростно ругаясь, натягивал скользкий канат и в десятый раз расправлял мокрые полотнища, спотыкаясь в темноте о какие-то пенки. Комсомольцы тащили откуда-то валежник, складывали костер и пытались зажечь его. Мокрые сучья шипели, дымили, но в конце концов разгорались, и ребята, собравшись в кружок, грели исцарапанные руки.

Простуженный Крикун хрипел:

— Сильна тайга, ну и сильна!..

Сидоренко, довольный тем, что палатка наконец была туго натянута на колья, иронически спросил:

— Ну, а как насчет рейса в теплые моря? Крикун обиженно откликнулся:

— И поеду! Вот увидишь, поеду! Хоть кочегаром, а поеду...

На берегу вспыхнул еще один костер. Потом еще один. Теперь уже весь берег Амура пылал огнями, и длинные, мохнатые тени металась по ярко освещенной земле. Далеко в стороне темнели серые избы Пермского. Деревня спала, плотно притворив ставни своих окон. Новый город начинался здесь, у пылающих костров.

Собственно говоря, города еще не было. Не было даже бараков. Но на берегу Амура, в шалашах и землянках, уже жили тысячи людей. Нужно было создавать почту, больницу, школу, пекарню, баню. В лесу заложили фундамент временного звукового кино. Пока что полотно натягивали между двумя берегами, и комсомольцы, отмахиваясь от надоедливых комаров, стоя смотрели фильм. Почта ютилась в сарайчике. Люди, которых послали туда, работать еще не умели. В углу лежала гора писем и телеграмм. Все рылись в куче истрепанных, засаленных конвертов и находили свои.

Работали много и упорно. Кончался один «штурм» — начинался другой. Крупнейшим событием явился пуск крохотного лесозавода на две лесопильных рамы.

Таким стал сегодня Комсомольск-на-Амуре.

Фото Г. ХРЕНОВА.

Тридцать с лишним лет назад мы встречались в этой землянке...

Настроение у строителей поднялось. Но тайга по-прежнему пугала своей дикостью, и по ночам в шалашах шли бурные споры. Одни кричали, что на этом проклятом месте город не построить и что надо бежать отсюда, пока еще не поздно. Другие говорили, что нужно немного обождать и посмотреть, что из этого выйдет. Третьи ругали и тех и других и стыдили их примером Олены Нищенко.

Нищенко, та самая комсомолка из Криворожья, уехала на Дальний Восток прямо с работы, не заходя домой, и попала в очень трудное положение. Хотя горком комсомола в Криворожье и сулил ей выдачу полного обмундирования на Дальнем Востоке, но получить здесь она ничего не смогла. Тогда она раздобыла две наволочки и сшила из них юбку. Кто-то из комсомольцев отдал ей свою рубашку. И вот в таком наряде она ушла в тайгу и там наравне с мужчинами корчевала лес. За этот нелепый наряд Лену прозвали попугаем, но она не обижалась и продолжала работать так же энергично, изредка переругиваясь с начальством из-за сапог: ей приходилось бегать в легких тапочках, а под деревьями еще лежал снег.

Нищенко заметил прораб Массиондз, коммунист из Магнитогорска, герой труда и почетный строитель. Этого красноречивого, сидящего старика комсомольцы очень любили. Он знал каждого из полутора тысяч работавших у него на участке по имени и по фамилии, знал, как кому живется и как работает. Хладнокровный и уравновешенный, прораб одним своим присутствием успокаивающее действовал на людей. Комсомольцы знали: если Массиондз обещал — значит, сделает; если сделать не сможет — откажет.

И вот однажды Массиондз услышал, как Нищенко отчитывала своим звонким голосом бригадира. Она кричала чуть ли не в десятый раз, что без сапог женщине в тайге работать невозможно. Массиондз окликнул Лену, добродушно улыбаясь:

— Слушай, Лена, ты же хохлушка, а все хохлушки умеют хаты мазать...

Лена огрызнулась:

— Не хохлушка, а украинка. И при чем тут хаты?

— А при том! Начальник приказал нам шалаша строить, а их обмазывать глиной надо. Вот ты и покажи, как это делается. А я тебе сапоги достану!

Нищенко насторожилась.

— А не брешешь?

— Завтра получишь...

Наутро Массиондз принес Лене сапоги. Лена раздобыла где-то лопату, накопала глины и начала ее месить, подбавляя в грязную жижу рубленое сено.

Лето в этих краях недолгое, а зима суровая. Надо было успеть построить до осени сотни теплых шалашей для строителей, — мечтать о бараках было еще рано. На строительстве шалашей орудовала бригада Макаренко; макеевцы избрали этого сильного киевлянина своим бригадиром после того, как их прежний руководитель сбежал. Макаренко необычайно ловко оплетал колья лозой и крпл лозу берестой. Следом за ним шла Нищенко. Она работала от зари до зари, в любую погоду, и в дождь и в снег — ведь снег падал даже в конце мая! Разувшись, месила ногами глину, потом выкладывала ее поверх бересты и обмазывала шалаш, точь-в-точь, как мажут хаты в украинской деревне.

И все же Нищенко не поспевала за плотниками. Тогда она собрала комсомольцев и

создала из них бригаду штукатуров. Правда, прежде никто из них ни разу в жизни не имел дела с глиной, но Нищенко сумела довольно быстро обучить их этому нехитрому делу. Однако Лена все еще была не удовлетворена. Она могла бы обмазывать больше шалашей, если бы у нее было достаточно разведенной глины. Много ли ее вымесит ногами?..

Однажды Массиондз приехал на участок верхом на лошади. Это было событие: лошадей на стройке еще не видели. Оказывается, комсомольцы поймали в тайге одичалого коня, отбившегося от какой-то экспедиции. Массиондз привязал коня к березе и пошел по лесу. Глаза у Лены разгорелись: вот теперь она покажет, как можно работать! Она набросала огромную грудку глины, разровняла и залила водой. Потом подбежала к лошади, отвязала ее и смело вскарабкалась в седло.

Лошадь не понимала, чего хочет от нее этот странный седок. Отвыкнув от людей, она хрипела и брыкалась. Но Лена, засунув босые ноги в стремяна, колотила ее пятками под бока и упорно понукала — хотела заставить лошадь месить глину.

Куча была большая, метров пять шириной. Залитая водой, она напоминала огромную трясику. Когда Нищенко натянула повод, лошадь встала на дыбы. Сзади улюлюкали парни, помогавшие Лене загнать коня в глину. Тогда лошадь прыгнула вперед. Нищенко изо всех сил потянула за повод, и тут произошло что-то страшное: обезумевшая лошадь потеряла равновесие и с размаху рухнула на спину, придавив Лену седлом.

Все ахнула. Лошадь тяжело брыкнула копытами и перевалилась на бок. Вверх полетели желтые брызги. Лена бессильно лежала в жидкой глине рядом с конем. Одна нога ее висела в стремяни. По ней стекала кровь. Потом лошадь поднялась и, выскочив из глины, ускакала в тайгу. Все это произошло так быстро, что ее не успели поймать.

Нищенко вытащили. Ее подруги долго пытались остановить кровотечение. Смертельно бледная Лена повторяла:

— Конь ушел... Конь ушел... Что я Массиондзу скажу?

Ее товарищи растерялись. Врач был в нескольких километрах отсюда, на берегу Амура. Как быть? Идти Лена не может, нести ее не на чем: нет носилок. Тогда решили отвезти Лену на лодке — вниз по капризной, стремительной горной речке Силенке, а потом по Амуру, против течения. Так и сделали. Но когда лодка спустилась к Амуру, налетел свирепый шторм. Лодку отнесло на середину реки, и комсомольцы, выбиваясь из сил, четыре часа гребли к берегу.

Лена лежала в лодке совсем синяя, она сразу осунулась и похудела. Наскоро сделанная повязка пропиталась кровью. Когда лодка наконец причалила к берегу, к ней подбежал запыхавшийся Массиондз. Сюда же спешил врач в белом халате. Ругнув комсомольцев за то, что они рискнули в такую погоду везти раненую в лодке, Массиондз подошел к Лене и спросил ее:

— Как же это ты, Лена?

Щеки Лены покрылись слабым румянцем. Она чуть слышно сказала:

— Не лайте меня за коня, я хотела как лучше.

Врач копался пинцетом в ране, пытаясь остановить кровотечение. Массиондз взволнованно сказал:

— Черт с ним, с конем, Лена, мы его опять поймать. Выздоровлявай скорее.

Лена вдруг заплакала. Стыдясь своих слез, она еще тише сказала:

— Мне не больно, Массиондз, мне коня жалко...

Через семь дней, когда Лене стало намного легче, к ней явилась целая делегация. Комсомольцы принесли премию от руководства строительства. Нищенко наградили теплой фуфайкой — по тем временам это был очень ценный подарок. Теперь о Нищенко говорила вся стройка. Она была героиней дня. Рана еще долго не заживала, и даже после выписки из больницы Лена ходила прихрамывая. Но это не помешало ей пойти на стройку плотником...

Сколько таких драматических историй выслушали мы в те вечера, сидя в аккуратно прибранной землянке Олены Нищенко! Правда, сама она не любила и не хотела говорить о себе, но ее товарищи без конца вмешивались: «Ну что же ты, Лена, право! А помнишь, как было дело тогда, когда у нас стало туго со снабжением? Ну, когда комсомол занимался охраной запасов продовольствия, а тебе поручили печь хлеб и следить за тем, чтобы никто не стащил лишней кусок?..» «А помнишь, как начала косить людей цинга и ты отдала Семену Винокурову последнюю сырую картофелину из тех, что тебе подарили ребята? Ведь он был совсем плох, Семен, помнишь? Доктор тогда советовал: если нет чеснока, то натрите десны сырой картошкой, все ж таки витаминный!..» «А помнишь, как ты ухаживала за больным в госпитале, — Коля Крикун умер у тебя на руках...»

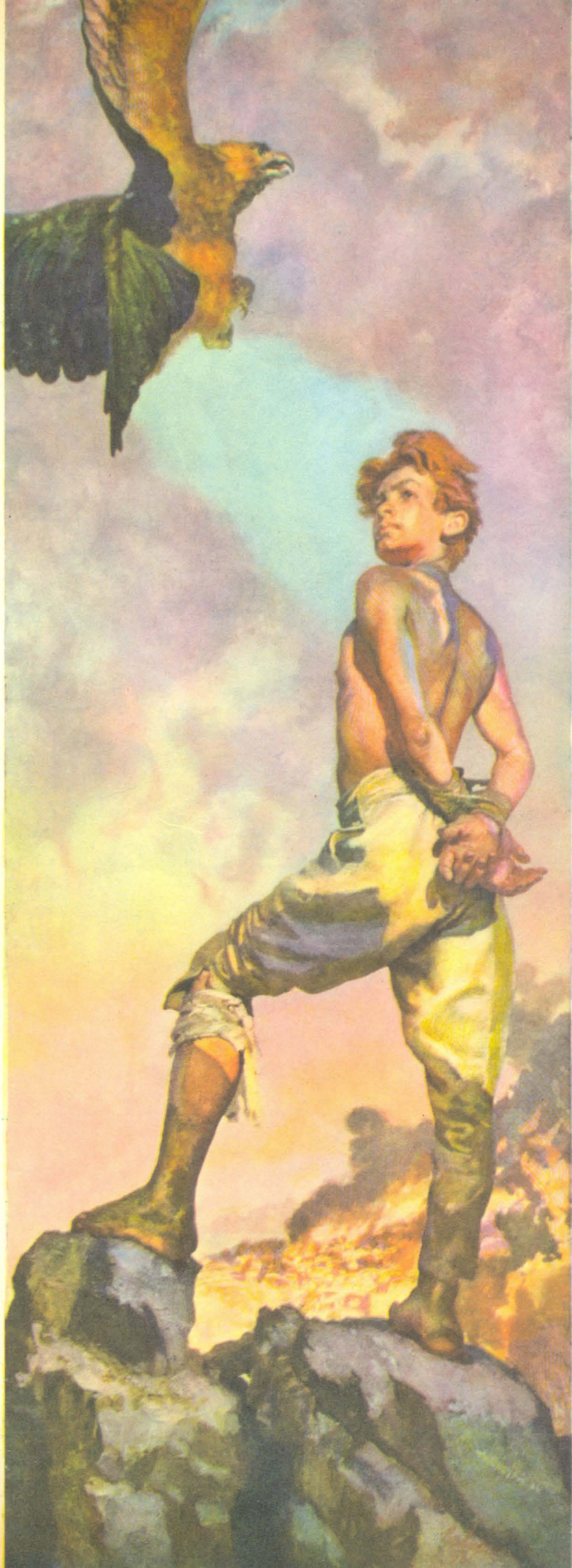
Конечно, Лена все помнила, но не хотела рассказывать об этом, боясь, как бы кто-нибудь не сказал: «Нескромная девчонка!» Но то, о чем напоминали ей комсомольцы, было не только фактом — это была часть истории Комсомольска-на-Амуре. И мы коллективными усилиями восстанавливали странички этой истории, чтобы потом о них рассказать.

Было тогда всякое: и радостное и грустное; было на первых порах немало неурядиц и трудностей. Нелегкое это дело — строить город в тайге, за сотни километров от краевого центра, — ведь железную дорогу к Комсомольску построили только в 1936 году, и единственной ниточкой связи с внешним миром в трудные зимние месяцы была ледовая дорога среди торосов Амура.

Комсомольцы чувствовали себя как на фронте и вели себя по-фронтовому. А на фронте, как известно, без потерь дело не обходится. И, пожалуй, наиболее остро пережили ребята ту потерю, о которой запомнили неразговорчивой Олене ее друзья в землянке: смерть Коли Крикуна. Того самого комсомольца из города Орехова, мечтавшего совершить кругосветное путешествие на первом пароходе, который должны были соорудить в будущем городе на Амуре.

В ту суровую зиму, когда к строителям Комсомольска подобралась цинга, Коле Крикуну была поручена адски трудная задача: вывоз больных в Хабаровск по льду Амура. Грузовики двигались медленно, стояла чертовская стужа. То и дело приходилось останавливаться и разводить костры, чтобы отогреть ослабевших людей.

Больных Крикун спас. Но под конец он свалился сам... Когда товарищи привезли его в больницу, врачи установили диагноз: одновременно и цинга и тиф. Одежду с Крикуна моментально сняли и закопали глубоко в снежный сугроб. Таков был в тот памятный 1933 год способ дезинфекции в городе Комсомольске.

Н. АЛЕХИН. ОРЛЕНОК.

Орленок, орленок, товарищ крылатый,
Ковыльные степи в огне.
На помощь спешат комсомольцы-орлята,
И жизнь возвратится ко мне.

Орленок, орленок, идут эшелоны,
Победа борьбой решена.
У власти орлиной орлят миллионы,
И нами гордится страна.

**9 СЕНТЯБРЯ —
национальный
праздник
Болгарии —
ДЕНЬ
СВОБОДЫ**

Без малого четверть века реют над древней землей болгар знамена социализма. Страна полунищих земледельцев стала страной индустриальной, поставляющей изделия своей промышленности в десятки стран света. Общий объем промышленной продукции народной Болгарии уже в прошлом году возрос против довоенного в 24 раза!

Завод радиоэлектроники в Софии — одно из самых молодых предприятий столицы. На снимке вверху вы видите контролера ОТК этого завода Тодору Станкову.

За годы народной власти вырос и неузнаваемо изменился второй по величине город Болгарии — промышленный центр Пловдив (снимок внизу). Раз в два года, в конце сентября, здесь проводятся Международные ярмарки, на которых демонстрируют свои достижения до 800 промышленных фирм и предприятий разных стран.

Искренне радуясь успехам своих братьев — трудящихся Болгарии, мы желаем, чтобы успехи эти множились год от года.

Фото Г. КОПОСОВА.

Шарлен Митчелл — кандидат в президенты США

Как известно, Коммунистическая партия Соединенных Штатов Америки к предстоящим президентским выборам выставила своих кандидатов. Кандидатом в президенты коммунисты назвали Шарлен Митчелл — дочь многомиллионного афро-американского народа, правнучку черного раба, — как охарактеризовал ее на внеочередном съезде партии Генеральный секретарь Компартии США Гесс Холл.

Шарлен Митчелл 38 лет. Одиннадцатый год она состоит в Национальном руководстве коммунистической партии. Родилась Шарлен в городе Цинциннати, промышленном центре штата Огайо. Училась в колледже в Чикаго. Еще девочкой Шарлен Митчелл записалась в лигу «Американская молодежь за демократию». Вместе со взрослыми забастовщиками пикетировала у заводских ворот, участвовала в демонстрациях против расовой дискриминации. Чикагские рабочие были ее первыми учителями. В 16 лет она становится коммунисткой, коммунисты — ее отец и мать, братья и сестры.

Закончив колледж и получив профессию бухгалтера, Шарлен уезжает в Лос-Анджелес, где работает в одной из частных фирм.

Сейчас Шарлен живет в Гарлеме, негритянском гетто Нью-Йорка.

Американские коммунисты знают Шарлен Митчелл как страстного борца за гражданские права негров, за улучшение условий жизни для всех бедняков Америки.

После выдвижения ее кандидатуры Шарлен Митчелл заявила: «Как коммунистка я буду с гордостью

разъяснять избирателям великие идеи Маркса и Ленина, разоблачать клевету и ложь, распространенные о коммунистах буржуазной прессой. В своей избирательной кампании я сосредоточу внимание на жгучих проблемах, стоящих перед Америкой. Буду говорить о необходимости немедленного вывода войск США из Вьетнама, о безработной молодежи гетто, о том, что десять миллионов американцев ложатся каждую ночь спать голодными...»

Г. АЙЗМАН

На снимке: Шарлен Митчелл. Фото из газеты «Дейли уорлд».

Трагедия в Милане

Италия принадлежит к тем немногим странам мира, в которых запрещены разводы. Многие итальянцы и итальянки числятся мужьями и женами, хотя фактически давно не живут вместе. На этой почве происходит немало трагедий.

Фотография, которую мы перепечатаем из югославского журнала «Арена»,

рассказывает об одной такой трагедии в семье Карлы Луиджи и Джорджа Моретти из Милана. Суд, рассматривавший их дело, не развел бывших супругов. По предписанию суда мать была обязана передать отцу двоих маленьких детей. Потрясенная этим решением Карла Луиджи выбросила из окна детей, а затем покончила с собой.

Р. САМОЙЛОВ

Весть о том, что Коля Крикун слег, молниеносно облетела всю стройку. Угрюмые, заросшие парни брели по глубокому снегу из леса, чтобы проведать своего друга. Они уселись на неуклюжих табуретках и долго смотрели на маленького, высохшего человека, сиюсья распознать знакомые черты.

— Кудри-то, кудри жалы! — сказала вдруг после долгого молчания Лена Нищенко, которая неотлучно дежурила у постели больного. И тут же густо покраснела.

Коля едва заметно усмехнулся и махнул тонкой рукой.

— А как там?... — Крикун перевел дыхание. — Как Сидоренко?

Ребята сразу же изобразили бурное веселье:

— Ого! Он, черт, медведя своротит! Такой здоровяк, что хоть в сани запрягай!..

На лице у Крикуна засветилось удовлетворение:

— Ну вот... вот и хорошо... Идите, ребята, вам работать надо...

Ребята уходили неохотно, долго топтались у порога, тоскливо поглядывая на врача, измерявшего больному температуру.

Хоронили Колю Крикуна сырым утром выходного дня. С Амура дул резкий, пронизывающий до костей ветер. С неба лил дождь. Небольшой, легкий гроб, обитый красной материей, несли, сменяясь, лучшие друзья Николая. Кладбище было далеко — в пяти километрах от стройки, в густом лесу. Промокшие, угрюмые комсомольцы шли густыми рядами по лесной тропе, спотыкаясь о корневница сосен.

У открытой могилы Сидоренко сказал короткую речь. Комсомольцы дали салют из ружей. На могиле поставили невысокий столбик под двускатной крышей и вырезали перочинным ножом: «Николай Николаевич Крикун. Погиб смертью отважных за дело рабочего класса». И когда все уже было кончено, комсомольцы еще долго стояли, понурившись, у могилы.

* * *

Ну вот мы и перелистали вместе с вами, читатели, несколько страниц из своих старых блокнотов той поразительной, суровой и вместе с тем величественной поры. Можно было бы еще очень много рассказывать о том, что пережили в те годы Олена Ни-

щенко и ее друзья, но мы боимся, что и так наш рассказ растянулся без меры.

Нам неизвестно пока, как сложилась ее жизнь в последующие годы; были, наверное, у нее не только радости, но и горести, не только удачи, но и срывы; слава ее обошла стороной, да она и не гналась за нею. «А что такого я сделала? — удивленно спросила она нас тридцать три года тому назад, когда мы сказали ей, что собираемся писать в «Комсомольской правде» о том, как она строила шалаши, пекла хлеб, ухаживала за больными, — я же простая женщина, ну в точности, как все».

Да, живет нынче в Криворожье простая украинская женщина — в точности, как все ее ровесницы, — уже пожилая и, наверное, с седой в волосах. Ходит, как все, на свою скромную, ничем не знаменитую работу, выращивает цветы, нянчит внучат. Но какое богатство переживаний хранит память именно таких вот рядовых комсомолок тридцатых годов! Сколь многому учит суровый жизненный опыт их юности!

Вот почему, ставя на этом точку, мы напоследок хотим попросить наших молодых читателей из Криворожья: если встретите случайно Олену Тимофеевну, поклонитесь ей и передайте привет от старых друзей.

В КОНЦЕ КОНЦОВ...

Борис ПОЛЕВОЙ

НЮРНБЕРГСКИЕ ДНЕВНИКИ

Не было в истории судебного процесса, который привлек бы к себе такое внимание народов, как Нюрнбергский процесс над нацистскими главарями, главными военными преступниками второй мировой войны.

И дело тут не только в небывалой чудовищности преступлений, которые раскрылись перед миром в ходе процесса. Главное в том, что впервые за всю историю земли народы, разгромившие в боях армии нацизма, бросили на съёмку подсудимых зачинщиков войны, руководителей самого агрессивного империалистического государства. Главное, наконец, еще и в том, что процесс этот показал, от какой смертельной опасности спас человечество вели-

кий подвиг Советской Армии.

Но в последнее время на Западе стали появляться книги, авторы которых пытаются взять под сомнение справедливость решения Международного Военного Трибунала и даже объявить сам процесс исторической ошибкой. Пишут об этом западные журналисты. Пишут адвокаты подсудимых. Пишут и сами подсудимые, отбывшие свой срок заключения и вновь ставшие респектабельными гражданами Федеративной Республики Германии. Ну еще бы! Ведь международные законы, впервые примененные в Нюрнберге, осуждают любую преднамеренную агрессию, объявляют вне закона все средства массового уничтожения, обстрел

мирных городов и сел, применение химических средств, напалма, шариковых бомб — словом, все, что сейчас американцы применяют во Вьетнаме. Эти законы осуждают как тягчайшее преступление захват чужих территорий и геноцид — то, что сейчас совершает Израиль на землях арабских стран. И, конечно же, законы эти осуждают нацизм, который уже возрождается на западных землях Германии.

Писатель Борис Полевой был корреспондентом «Правды» на Нюрнбергском процессе. В ходе процесса он вел дневник. Сейчас этот дневник превращен в книгу, которую начинает публиковать журнал «Знамя». Мы даем несколько страниц из этой книги.

ПРАВДА, ТОЛЬКО ПРАВДА, ВСЯ ПРАВДА

Перед трибуналом уже прошла длинная вереница свидетелей, граждан разных государств, людей разных профессий, разного интеллектуального уровня. Из их показаний, часто простых, бесхитростных, лицо нацизма вырисовывается даже выпуклее и ярче, чем из страшных документов, которые продолжают ложиться на стол перед судьями.

Вот по ходатайству советского прокурора лорд Лоуренс вызывает на трибуну русского крестьянина из деревни Кузнецово, Порховского района, Псковской области. С медленной, я бы сказал, величественной неторопливостью проходит свидетель через зал, поднимается на свидетельскую трибуну. Настает тишина. Суд уже много слышал о том, как хладнокровно немецкая армия разрушала Варшаву, Новгород, Псков, сотни городов, тысячи селений, превращая порою в «мертвые зоны» целые районы. Все это уже есть в протоколе суда.

Но вот Яков Григорьев из деревни Кузнецово начинает свое неторопливое повествование. Он рассказывает, как 28 октября 1943 года немецкая пьяная солдатка ворвалась в его деревню, находившуюся уже в глубоком тылу немецких войск. О том, как загорелась деревня, подожженная с четырех концов, как люди кричали, молили о пощаде. Их сгоняли к зданию колхозного правления, загнали туда, а потом, подперев двери кольями, подожгли. Суд уже знает и о французах, сожженных в церкви города Орадур, и о деревне Лидице, начисто стертой с земли Чехии. Но бесхитростный рассказ Якова Григорьева выжимает слезы даже из глаз судей.

Не торопясь, Григорьев повествует о том, как палачи в военных мундирах выловили в домах и расстреляли у сеного сарая девятнадцать жителей.

— Я сам и два моих сына стояли там у стенки. Одного — старшего — убили первым залпом. Второй мальчишечка упал с простреленными ногами. Мне пуля попала вот сюда. — Он показывает на плечо. — Я тоже упал, а на меня еще другие. Кучей мертвяки лежали. Я очнулся под ними. Но ночью метель завязалась, я тела раздвинул, выбрался, взял сынишку, и пошли мы в поле. Ну потом, конечно, след-то на снегу они заметили, пошли

за нами. Даже собак будто бы по следу пускали. Только мы уже до леса добрели, а в своем лесу я что дома, черта с два кто меня там отыщет, — заключил он, косясь на скамью подсудимых.

Польская писательница Северина Шмаглевская около двух лет провела в одном из самых страшных лагерей — Биркенау, филиале Освенцима. Я помню лагерь, о котором она рассказывала. Я был там в день освобождения этого района и напечатал в «Правде» корреспонденцию под заглавием «Дымы Биркенау». Это была не менее страшная фабрика смерти, чем сам Освенцим. Польская писательница была права, заявив суду, что именно там нацизм пошел на одну из самых изощренных своих подлостей. Людей уничтожали там не десятками, не сотнями — эшелонами. Целыми эшелонами. Для этого на большом пустыре была построена ложная узловая станция. С большим зданием вокзала, с сетью путей, с расписаниями поездов, будто бы отходивших отсюда на Берлин, Вену, Прагу, Мюнхен, Будапешт, Милан. На самом деле рельсы вели в никуда...

Подходили эшелоны из Венгрии, Румынии, Польши, битком набитые людьми, заполнявшими товарные вагоны с закрытыми наглухо дверями. Люди задыхались. Спали вповалку на полу и на двойных нарах. В три этажа, сплошняком. Воздух был много раз пропущен через легкие и отравлен запахами нечистот. И вот наконец станция Биркенау, судя по всему, большой железнодорожный узел. Эшелон встречают расторопные, приветливые военные. Играет оркестр, людям говорят, что путевые испытания окончены. Сейчас их ждет баня. Дезинфекция одежды. Отсюда их развезут уже в пассажирских вагонах к месту работы. Человек, как трава к солнцу, несмотря ни на что, тянется к лучшему, жаждет верить в это лучшее. И люди верили, хотели верить в то, что им говорили и что казалось им избавлением.

Их вели с вокзала в большие продолговатые здания. «Баня для мужчин», «Баня для женщин и детей» — гласили белые эмалированные таблички на дверях.

Люди входили в просторный зал — «камеру хранения». Тут от них принимали чемоданы, узлы, взамен выдавали аккуратные стальные номерки. Дальше была «раздевалка» — и снова вручался такой же аккуратный номерок. После этого прибывшие попадали в облицованный кафелем зал — просторное помещение без окон, хорошо освещенное. Ряды душей — холодная и горячая вода. Истосковавшиеся по чистоте люди начинали мыться, не замечая, что двери за ними не только закрыты, но герметически задраены. Потом через люк в крыше сыпался какой-то зеленоватого цвета порошок, и по помещению быстро распространился ядовитый запах. Сначала першило в горле, потом мучи-

тельная боль, будто разрывали легкие. Жертвы уже все понимают, они бросаются к запертым дверям. Умоляют, кричат, стучат кулаками в глухой бетон. Бесплезно. Через пятнадцать минут все умирают в конвульсиях и корчах, не зная о том, что за их мучениями наблюдают в специальные глазки. Тогда мощные вентиляторы выдувают газ. Приходят заключенные с крюками, выволакивают трупы, из шлангов поливают пол. Специальная команда собирает стальные номерки, куски мыла. Их сдают обратно, для следующей партии. Другая специальная команда снимает с жертв кольца, серьги, вырывает изо ртов коронки и протезы из драгоценного металла. Только после самого строго осмотра, устанавливающего, что на трупах ничего больше нет, тела везут в крематорий. Производительность этого страшного комбината — тысяча, а иногда и полторы тысячи человек в день...

Северина Шмиглевская жила в этом лагере два года с лишним, дышала воздухом печей Биркенау, ходила по снегу, густо припорошенному черной, жирной копотью. Она видела, как в «газовню» толпами вводили детей.

— Умерщвление детей для эсэсовцев было чем-то вроде спорта, острого развлечения, и был среди них человек по имени Адольф, который любил расстреливать детей в присутствии родителей... Когда «газовни» не успевали справиться со своей работой, детей подводили прямо к каминам и тут же пристреливали — изверги, настоящие изверги!

Свидетельница почти кричит. Глаза у нее горят, будто прямо тут, в напряженной тишине зала, перед ней обреченные малютки, в которых стреляют эсэсовцы. И, повернувшись в сторону подсудимых, она обессиленным шепотом задает им вопрос, который, однако, очень четко слышен на наушниках:

— От имени всех женщин, побывавших в лагерях, спрашиваю вас: где наши дети?!

Весь зал притих, когда на свидетельскую трибуну поднялся старик с красивой головой библейского пророка и седой курчавой бородой — академик Иосиф Абгарович Орбели. Он не без гордости заявил, что все годы ленинградской блокады провел в осажденном городе. Орбели видел, как неприятель старался уничтожить город, квартал за кварталом, причем памятники искусства и архитектуры брались на особый прицел.

Директор Эрмитажа Орбели жил там. И в это всемирно известное хранилище художественных сокровищ немецкая тяжелая артиллерия слала снаряд за снарядом. Чтобы рассеять впечатление, произведенное выступлением Орбели, защита сейчас же бросается в контратаку:

— Господин академик, разве вы артиллерист? Как вы можете, не являясь профессиональным артиллеристом, утверждать, что

германская армия посылала свои снаряды и бомбы именно в ваш Эрмитаж, а не била по находящимся рядом с ним мостам, являющимся, как известно, стратегической мишенью?

— Я не имею специального артиллерийского образования, — спокойно отвечает Орбели, — но я собственными глазами видел, что в Эрмитаж и Зимний дворец попало тридцать три снаряда и только героизм гражданской обороны спас эти исторические здания от всеуничтожающего пожара. Повторяю, ваша честь, в Эрмитаж попало тридцать три снаряда, а в находящийся рядом с ним большой мост — всего один. Я могу уверенно говорить о том, куда целили нацисты. В этих пределах я безусловно артиллерист...

Перед тем как подняться на трибуну, свидетели по установленному порядку кладут руку на Библию и, подняв два пальца, произносят сакраментальную формулу:

— Клянусь говорить правду. Только правду. Ничего, кроме правды...

Советские свидетели избавлены от присяги на Библии, но правда их обвинений обрушивается на подсудимых и как адский пламень жжет окаменевшие в преступлениях сердца...

ИХ ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Лейбфотграф Гитлера Гофман процветает. Через свою новую помощницу — пышную, пикантную блондинку с васильковыми глазами, успешно подвизавшуюся на ампула покойной Евы Браун, — он бойко торгует из-под полы фотографиями своего богатого архива...

Толстенкая синеглазая фрейлен предложила и мне познакомиться с уникальным архивом своего шефа. Отчего ж не познакомиться? Архив этот в отличном порядке, классифицирован, разложен по папкам. Я попросил показать мне папку «Нюрнберг» и на пару часов окупился в страшное и совсем недавнее прошлое этого города.

Вот Гитлер что-то неистово орет со знакомой нам белокаменной трибуны на партейфельд, и сотни тысяч штурмовиков, четкими квадратами заполнившие поле, вероятно, столь же неистово, в тысячи глоток ревут свое «Зиг хайль!».

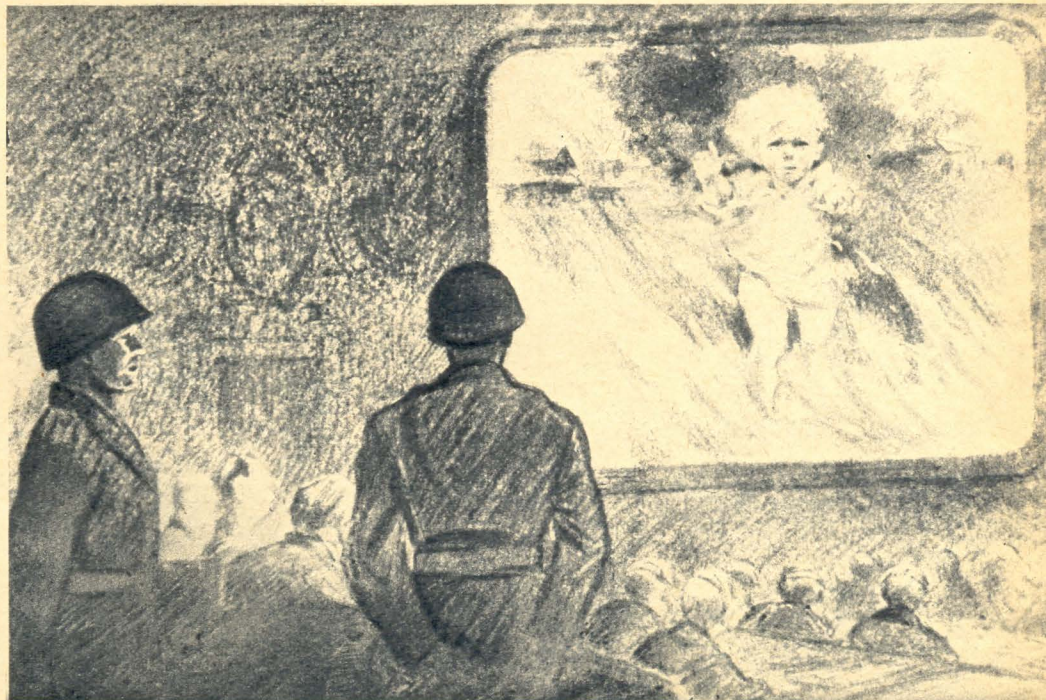
Особенно много портретов Геринга. В маршальском мундире, с жезлом в руках. В светлом костюме туриста. В охотничьей куртке и шляпе с тетеревиным пером. В скромной блузе рабочего-каменщика, с мастерком в руке на закладке какого-то памятника. Наконец, он же с луком и стрелой. Почему с луком и стрелой, фрейлен объяснить не сумела. Да и все они обожали фотографироваться, эти комедианты, которые 13 лет играли роли властителей третьего рейха.

Н. Жуков. Из рисунков, сделанных во время Нюрнбергского процесса.

Будь проклят фашизм!

Демонстрация фактов.

И вот сейчас, в зале суда, они получают трибуну для произнесения последнего слова. Я наблюдаю этих рейхсминистров, рейхсмаршалов, гроссадмиралов, гаулейтеров и поражаюсь: ни один из них не произносит и слова в защиту или хотя бы в оправдание нацизма, творцами и идеологами которого они были, ни один не пытается защитить символ своей нацистской веры или хотя бы как-то объяснить свершение чудовищных злодеяний.

Вот несколько кратких извлечений из их длиннейших речей: ГЕРИНГ. ...Я вообще противник войны... Я не хотел войны и не помог ее развязывать.

РИББЕНТРОП. ...Да, конечно, я не могу не отвечать за внешнюю политику, ибо был рейхсминистром. Но фактически я ею не руководил. Ею руководил другой.

ФУНК. Человеческая жизнь состоит из правильных действий и заблуждений. Да, я во многом заблуждался, но во многом заблуждался невольно, так как меня обманывали... Я должен честно признать, что был беспечен и легковерен, и в этом моя вина...

КЕЙТЕЛЬ. Лучшее, что я мог дать, как солдат, — мое повиновение и верность, — другие использовали для целей, которые я не мог распознать, ибо не видел границ, которые существуют для выполнения солдатского долга.

Палач Польши ГАНС ФРАНК, тот самый, в чьем ведении находились гигантские комбинаты смерти — Освенцим, Майданек, Тремблинк, патетически воскликнул:

— Я хочу, чтобы германский народ не отчаивался и не делал ни шагу дальше по гитлеровскому пути!..

Рейхсминистр по делам вооружений и боеприпасов АЛЬБЕРТ ШПЕЕР, любимец Гитлера, создавший систему эксплуатации военнопленных и оstarбейтер, заставлявший умирать их на стройках тайных подземных фабрик, заводов, аэродромов, возведя к небу свои черные выразительные глаза, восклицал: — Гитлер своими действиями и последующий крах созданной им системы принесли германскому народу невероятные страдания... После этого процесса Германия будет презирать Гитлера и проклинать его как зачинщика страданий его народа...

Довольно. Хватит. Все речи — лишь вариации на одну и ту же тему: во всем виноваты Гитлер, Гиммлер, Геббельс. Мы же, несчастные, невольные люди, посаженные ими на высокие посты, горько заблуждались, были обмануты и не знали, что происходит в стране...

* * *

Уже на пути из Нюрнберга в Москву мне вдруг вспомнился Сталинград. Промерзший подвал какого-то сотрясаемого разрывами дома, на участке, обороняемом гвардейской дивизией под командованием сталинградского героя Александра Родимцева. Конец ноября. Из-за Волги дует сиверко. Стены подвала белеют во тьме гроздыми инея. Из дальнего угла слышатся стоны раненых. Их некуда отсюда увозить. По Волге густо идет «сало», и редко какому катеру удается пробиться сквозь эту движущуюся ледяную кашу. Лежу в углу на каком-то тюфяке и, натягивая на себя полушубок, пытаюсь уснуть. Пытаюсь и не могу...

Лежу и вижу поодаль стол. Массивный письменный стол на тигровых лапах, который неведомо как попал в этот подвал. Копит «катуша» — светильник, сделанный из сплюсненной гильзы. У стола — худой человек с угловатым, нездорового цвета лицом, с большими, глубоко запавшими глазами. Не снимая полушубка, он что-то старательно пишет в красных книжечках, лежащих перед ним двумя неровными стопками. Напишет и переложит из одной стопки в другую. Потом, сложив ладони, дует в них, грея оковеневшие пальцы. И опять за работу. Я знаю, что это начальник парткомиссии — болезненный и какой-то очень штатский на вид человек.

Вот он окончил работу. Собрал свои книжечки. Хлопнул крышкой железного сундучка. Мягко ступая в валенках, подо-

дит ко мне и, поправив съехавший полушубок, простуженным голосом спрашивает:

— Не спите? Да, что-то тихо сегодня... Затихли, значит, чего-нибудь затевают.

Некоторое время сидит молча. Сухо покашливает... Прокашлявшись, поворачивается ко мне.

— За эту неделю выбыло из партии, вернее, партия потеряла в нашем полку одиннадцать коммунистов. А приняли — знаете сколько? Шестнадцать. Одиннадцать и шестнадцать — вот какой счет... Я ведь по гражданской своей профессии историк. И вот теперь частенько думаю: сколько разных партий существовало с античных времен. Росли, крепились, множились, когда волна удачи и конъюнктуры несла их вверх, когда принадлежность к ним сулила карьеру и земные блага. Но стоило судьбе повернуться к этим партиям спиной, они сразу же начинали хиреть, таять и вовсе разваливались. Сколько такого помнит история!

А у нас, впервые с тех пор, как существует мир, это я вам как историк говорю, у нас наоборот... Вот сейчас — уж куда тяжелее: Ленинград в блокаде от голода вымирает, немцы вон они, у самого волжского берега, да где — в центре России. Половину нашей промышленности забрали, шесть республик под ними, голод, холод, бесприютница, а партия — вон она как растет. Одиннадцать с честью погибли в бою, а шестнадцать подали заявления. Каково? Об этих цифрах не говорить — песни петь надо...

...Я вспомнил этот давнишний разговор в подвале разрушенного сталинградского дома в самые тяжкие дни битвы за этот город. Так ясно представился мне и этот заиндевелый, продуваемый ветром подвал, и стоны раненых, и хриплый, глухой голос начальника парткомиссии, и худое, болезненно румяное лицо его с большими горящими глазами. Как билась мы, советские люди, за нашу землю, за наши идеалы, как беды всякий раз сплывали нас вокруг нашей партии, как перед решающим смертным боем солдаты подавали заявления: «Идем в атаку, считайте меня коммунистом!»; как с кличем в честь своей партии грудью загорались амбразуры дзотов и как юная московская школьница с петлей на шее бросала вооруженным врагам слова ненависти и презрения, слова веры в победу своего народа.

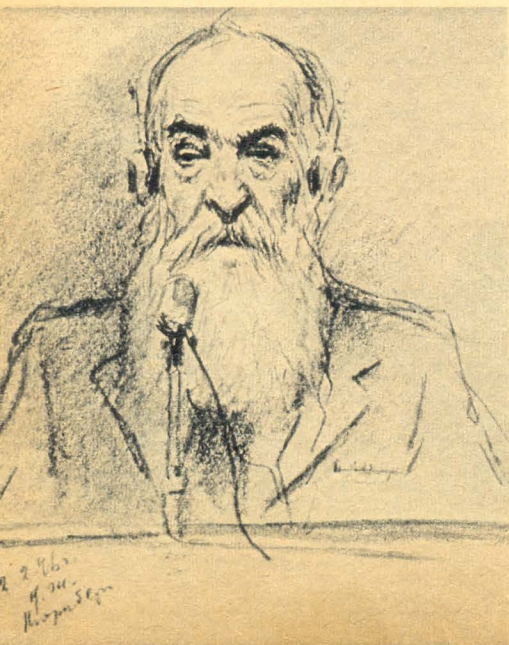
А Нюрнберг? Среди всех восемнадцати подсудимых, представивших высшую иерархию национал-социализма, не нашлось ни одного, который бы сказал хоть одно-единственное слово в защиту идей, во имя которых они истребили и сожгли миллионы людей и опалили войной всю Западную Европу. Даже в последних словах своих, когда в затылок им уже дышала смерть, они лгали, изворачивались, представляли себя обманутыми, и партия их, перед которой еще недавно трепетали соседние народы, исчезла, рассеялась, как ядовитый туман...

Так, по пути в Москву, раздумывая и сопоставляя, я все больше понимал, что сам процесс, его законы, его логика, его материалы и выводы разоблачили всю низость, всю гнусную и страшную сущность идей нацизма, прозвучали грозным предостережением человечеству.

Нюрнберг, 1945—1956 гг.
Москва, 1967—1968 гг.

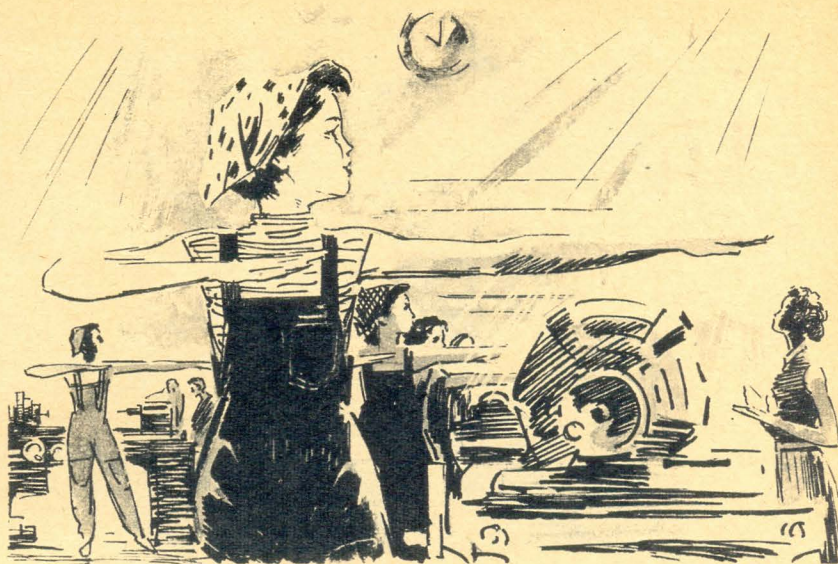
Выступает академик И. А. Орбели.

В зале заседания

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ БЫТЬ ЗДОРОВ

Голубое мерцание телевизионных экранов заполняет весь огромный зал, и рвутся через эту голубизну золотые лучи настольных ламп. Всеми цветами радуги переливаются проволочки, полупроводнички. Так выглядит один из цехов воронежского завода «Электросигнал».

Работа здесь требует ловкости, осторожности, может быть, даже нежности. Иными словами, здесь нужны проворные и гибкие руки — женские руки. Телевизор проплывает по конвейеру мимо работницы, и ей надо успеть безошибочно сделать все свои операции. Работа как будто нетрудная, только требует особой внимательности. И утром, когда включили конвейер, и вечером, когда он вот-вот остановится.

Наукой доказано, что лучшее средство против усталости — физкультура, спорт. И на воронежском заводе «Электросигнал» это средство в почете.

Ровно в десять часов утра на «Электросигнале» останавливаются все конвейеры. Заводские радиорепродукторы передают команду инструктора производственной гимнастики Галины Раевой: «Внимание!.. Начинаем производственную гимнастику...»

Впервые эта команда прозвучала на «Электросигнале» десять лет назад. Выпускница педагогического училища, молодой преподаватель физической культуры Тамара Шахно объяснила работницам, что такое производственная гимнастика, показала первое упражнение, попросила всех повторить его. Женщины и девочки старательно повторяли движения вслед за Тамарой. И только одна Эмма Копылова стояла не шевелясь.

— Почему вы не захотели делать упражнения вместе со всеми? — спросила ее Тамара, когда окончила занятия.

— Я и так много двигаюсь, играю в волейбол, тренируюсь в секции баскетбола три раза в неделю, — заносчиво ответила Эмма.

— Но это совсем другое дело, — горячо возразила ей Тамара. — Признайтесь, вы к концу смены устаете?

— Еще как!

— Производственная гимнастика уменьшит усталость.

— Ну? — насмешливо улыбнулась девушка.

— А вы попробуйте, попробуйте! — настаивала Тамара.

На другой день Эмма решила проверить, насколько права Тамара. А вскоре она стала помощницей Тамары, общественным методистом производственной гимнастики.

Спустя шесть лет Эмма Копылова, нет, простите, уже Бирюкова, была назначена инструктором производственной гимнастики на «Электросигнал».

Работницы быстро почувствовали благотворное влияние производственной гимнастики. Но начальники некоторых цехов наотрез отказались отдать десять минут рабочего времени на занятия физкультурой. Пришлось убеждать фактами. Эмма и Тамара с секундомерами в руках стояли возле работниц, считали количество операций, которые те делали за определенные отрезки времени в разные периоды рабочего дня. И оказалось, что у монтажниц, комплектовщиц, сборщиц, служащих отделов, которые не занимались гимнастикой, производительность труда к третьему часу работы падала по сравнению с первым часом. А у тех, кто занимался гимнастикой, этого не происходило. После производственной гимнастики они работали даже лучше, чем в начале смены.

Огромную пользу принесла производственная гимнастика и здоровью работниц. Казалось бы, ну что может дать десятиминутный активный отдых? Но, как это ни удивительно, дали эти десять минут много. Женщины окрепли, стали реже простужаться. Это подтвердила и медицинская статистика на заводе. В цехах, где проводилась производственная гимнастика, работницы болели значительно реже, чем в цехах, где гимнастики не было.

Нередко приходится слышать: «Когда-то была неплохой спортсменкой... Но вышла замуж, появились новые заботы — хозяйство, кухня, и — прощай, стадион».

На «Электросигнале» я таких разговоров не слышала.

Физкультура вошла здесь у многих в привычку, стала необходимостью. В цехе окончательной сборки, например, одних только волейбольных команд тринадцать, а есть еще и баскетбольные, теннисные, лыжные и т. д. Не проходит дня без соревнований. Спортивные площадки есть почти у каждого цеха.

А как же самое старшее поколение работниц завода «Электросигнал» — те, кому за сорок?

Меня познакомили с Лидией Николаевной Березкиной и сказали, что она уже бабушка. Я не поверила.

— Если бы не физкультура, я бы такой не была, — улыбнулась Лидия Николаевна.

Лидии Николаевне угрожала участь инвалида. Фронт, два года в болотах... Медсестра Березкина вернулась домой с двусторонним радикулитом и сильным ревматизмом. Годы не прибавляли здоровья. Дошло до того, что она не могла поднять руку, ходила медленно, опираясь на палку.

Лидии Николаевне Березкиной «прописали» физкультуру, физкультуру и еще раз физкультуру.

«Лекарство» подействовало. Через два года Лидия Николаевна бросила палку, начала довольно свободно поднимать руку. А теперь ее легкой, стремительной походке могут позавидовать даже девочки. Лидия Николаевна Березкина играет в баскетбол, катается на коньках, ходит на лыжах, плавает, занимается греблей. Она не только избавилась от своих старых болезней, но, можно надеяться, защитила себя от будущих, так называемых возрастных недугов — отложения солей, нарушения работы сердечно-сосудистой системы.

Подобные истории могут рассказать и другие работницы старшего возраста, для которых были организованы «группы здоровья». Например, завхоз Мария Ивановна Мымрикова. Она много лет страдала бессонницей, головными болями. И никакие лекарства не помогали. А физкультура помогла.

Тот, кто узнал о чудодейственной силе спортивных занятий, с ними уже не расстается. Ушла на пенсию Полина Елизаровна Кириевская. Но по-прежнему ее можно увидеть в заводской «группе здоровья». Пенсионерка Анна Митрофановна Бердникова и сама регулярно занимается физкультурой и мужа уговорила посещать «группу здоровья».

* * *

Показателем отличной работы коллектива физкультуры часто считаются кубки, грамоты за победы в спартакиадах, на различных чемпионатах.

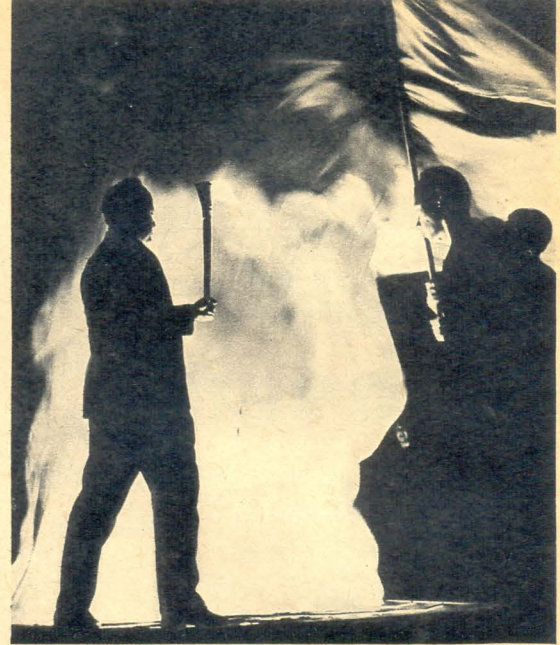
На «Электросигнале» кубков и грамот не так уж много. Но зато этот коллектив может похвастаться другим — здоровьем, бодростью, что, право же, ценнее.

Е. СЕМЕНОВА

г. Воронеж.

В день десятилетия Новополюцка на праздничную демонстрацию вышли все...

Торжественная вахта ветеранов у традиционного костра.

Фото А. ТЕРЗИЕВА.

Галина ПЕТУХОВА,
редактор радиогазеты
треста № 16 «Нефтьстрой»,
заместитель начальника
штаба «Комсомольского
проектора»

Странички из блокнота

Страничка 1. ШТАБНОЙ ВАГОНЧИК

Вчера вернулась домой из Красноярского края — ездил туда с бригадой ЦК ВЛКСМ, чтобы рассказать об опыте нашего «Проектора» да и у них поучиться. Не была дома месяц, а тут такие перемены! Прихожу в трест, а девчата еще в коридоре говорят: «Галка! Перебирайся на новую жилплощадь, в пусковой штаб, там тебе радиорубку оборудовали. Иди вой!»

...Вот и пришли опять пусковые денечки. Пусковой штаб создают, когда до пуска нового объекта остается полгода. Наша радиогазета переселяется в штабной вагончик и прямо оттуда «вещает».

Я сразу поехала на НПЗ. Теперь к этим трем буквам привыкли, а вначале звучало странно — Новополюцкий нефтеперерабатывающий завод: «полоцкая бульба» — пожалуйста, а вот «полоцкий бензин» — такого не бывало.

Нынешняя пусковая установка в самом конце заводской территории — шла-шла, а завод все не кончается. Серебристые трубочки, колонны действующих установок. Экскурсантам в шутку говорят: «Знаете, как устроен самовар? Ну вот, наши установки по этому же принципу действуют. Только они в тысячу раз больше». А ты-то знаешь, сколько тут монтажа, автоматики, «начинки».

Наконец дошла. Вагончик, точно, уже здесь. Надпись красуется: «Штаб пускового комплекса». Рядом «молния». Ну-ка, что там? «Тов. Петлицкий! На пусковом объекте в насосной № 2 не укладывают трубы. Вы сдерживаете работы строителей по устройству бетонных полов.

Штаб КП пускового комплекса».

«Комсомольский проектор», как всегда, воюет. Второй экземпляр «молнии» наверняка на дверях кабинета начальника управления повесили. И не снимут, пока трубы не уложат. Настырные у нас ребята в штабе, острые. А уж нашей «Витрины брака» просто боятся. Фото и две строки подписи: «Хранение столярных изделий в воде. Это вы увидите в СУ-124 в цехе КПД, гл. инж. Лысевич И., прораб Мониц П., мастер Сквородко Е.» — а шуму, позора не оберешься. Витрина — у самого входа в трест. Так и жди: вместо «здрате» — «как там у вас столярка-то плавает? Целый флот!»

Иногда слышишь: есть, мол, на стройке инженеры, прорабы, мастера, зачем еще «Проектор»? Да затем, что у мастеров и прорабов — десяток глаз, а у нашего штаба — тысяча.

В вагончике все как обычно: стол, телефон, на стене график. У телефона — Галя Белько, из оперативно-производственного отдела, она контролирует, все ли стройматериалы, что нужны для пусковой установки, завезли вовремя, чтоб не было простоев из-за какой-нибудь мелочи.

«Который это у нас с тобой пуск?» — говорю. Галя только смеется. И в самом деле: сколько уж их было, пусков. Первая очередь НПЗ, вторая очередь, полиэтиленовый завод, теперь эта сложнейшая установка по переработке нефти.

А вот и моя радиорубка. Завтра можно начинать радиопередачи. Пуск — в эти дни напряжение особое. Пуск — это итог, как бы экзамен. Каждый день с утра — сводка: кто вчера сработал лучше всех, кто отстал. Одних — поздравить, других — пристыдить, третьим — помочь. Завтра начнется. Знакомое и уже без чего вроде бы нет тебя самой.

Катя Казакова

Страничка 2. УСПЕВАЮЩАЯ КАТЯ

Встретила сегодня Катю Казакову (Николину, как мы ее еще по-старому называем). В руках «Справочник для поступающих в вузы» — видно, только что купила, просмат-

ривает. Молодец! Я помню первый разговор с ней в палатке, десять лет назад. «Возраст? — 20. Образование? — 7 классов. Буду учиться на штукатура». Сколько раз за эти годы о ней наша газета «Знамя новостройки» писала, и словно не об одном человеке шла речь, а о нескольких: «Штукатуря Николина выдвинули кандидатом в депутаты», «Крановщица Николина получила аттестат зрелости», «Лаборант НПЗ Николина на занятиях в вечернем техникуме», «Екатерина Николина — одна из самых молодых делегатов XXIII съезда КПСС...».

Сейчас она секретарь комитета комсомола на НПЗ. Хлопот выше головы: организация — 900 человек. Создают во всех дворах, где живут заводские ребята, комсомольские группы. Возятся с детьми, водят в походы, спортплощадки строят.

Иной за эти годы ничего не успел — так и остался с семилеткой, а Катя и школу, и училище, и техникум — все одолела. Теперь в институт собирается. И кончит, не сомневаюсь. Она у нас всегда была «успевающая» — многое успевала.

Страничка 3. А У НАС — КВАС...

Ездил сегодня на стройку химкомбината. Новость: начали строить цехи нитрил-акриловой кислоты. Забивают сваи для фундаментов, прокладывают дороги, устраивают бытовки...

Бытовки... Честное слово, если бы не поездка в Красноярский край, в Ачинск, я, пожалуй, и не обратила бы на них внимания. Бытовки как бытовки: паровое отопление, душевые, шкафы для спецовок, буфеты, красные уголки — ну и что особенного? Так и должно быть. И только у ачинских строителей, глядя на их ветхие вагончики, где «отопление» — кусок железобетонной трубы, обернутой проволокой (это при сибирской-то зиме!), я поняла, как это важно — бытовки. Ачинские комитетчики слушали меня недоверчиво: «А не преувеличиваешь ты, Галка? На заводе бывают такие бытовки, а стройка — дело временное». Это меня прямо-таки злило. Что значит временное? Любая большая стройка — на несколько лет...

Потолкуйте с теми, кто увольняется, и поймете, что значит для человека и бытовка теплая и столовая в общежитии. Уж на что у нас общежития хорошо оборудованные: в каждом душ круглые сутки, в прачечной стиральная машина, а провел «Комсомольский прожектор» рейд по столовым общежитиям — выяснилось: картошки в меню нет — это в Белоруссии-то! — готовят неважно. Досталось горпищеторгу — и в «молниях» и в газете.

Важней всего, пожалуй, что ребята привыкли: если очередь в столовой — идут в штаб. Знают: эта «новость» взволнует не меньше, чем простой крана. Помню, как-то в жару вывешивали даже такую «молнию»: «Тов. Эсманович! Вы обещали нам на водоблоке цистерну с квасом. Где она? Надеюсь, что вы останетесь хозяином своих слов! Штаб КП СУ-29». И на завтра была цистерна...

Рассказывала я об этом ребятам в Ачинске, а они: «Хорошо вам о квасе думать, вы первенство по производству держите, так у вас других забот нет». А по-моему, наоборот: потому у нас и первенство по работе, что и о квасе думаем... Не знаю — убедила ли. Прощались хорошо. Звала их в гости — обещали приехать попить квасу на площадке...

Страничка 4. МАША, 6 ЛЕТ

Ходили купаться на озеро Люхова. Шли лесом, нарвали цветов. Положили их на Машину могилу. Хотя она и так вся в цветах — видно, дети приносят их каждый день.

Помню, как увидела эту могилу в первый раз. У самого берега озера — небольшой холмик, и на нем почерневший деревянный нестроганный крест, надпись ножом выцарапана — не сразу разберешь: «Маша Новикова, 6 лет, убита фашистами 20 июля 1944 года». Как это — 6? Может, что-то стерлось? Разыскали в избушке у озера старика. Он рассказал, что в войну здесь, в лесу, был партизанский лагерь. Однажды фашисты выследили отряд, стали окружать — партизаны успели уйти. В избушке остались только двое — мать с дочуркой: то ли не успели, то ли думали — их не тронут. Немцы стали выпрашивать Машу: куда ушли партизаны — туда или сюда? Но она — маленькая, от земли едва видно — ничего не сказала. Тут же, на глазах у матери, ее закололи штыками. А мать не тронули: знали, что для нее могилу дочке рыть — более смерти.

Где сейчас мать девочки, старик не знал. Слышал, что жива, и где-то на Полотчине, в деревне. Наши комсомольцы нашли мать Маши. Теперь она дорогой гость у новополотчан. На могиле поставилиobelisk, каждый день приносят сюда школьники цветы. И тут же, в ограде, словно знак памяти, тот самый деревянный крест с надписью: «Маша, 6 лет». 6 лет ей было в срок четвертом. Сейчас ей было бы 30. Наша ровесница! Могла бы тоже строить Новополец или другой новый город, жечь костры у Двины.

Так разве имеем мы право не быть счастливыми, нить, равнодушничать на той земле, в которой спит она!

Страничка 5. НОВОСЕЛЬЕ

Сегодня — суббота, день нерабочий. Пошла в «Тысячу мелочей» — новый магазин, который открыли у площади Строителей. Обгоняют самосвалы, а в них — шкафы, матрацы, кухонные столики. И все сворачивают в один проезд. Заглянула во двор — ясно: 219-й дом заселяют. Рабочие ТЭЦ, что ли? У каждого подъезда по два, а то и по три самосвала (где еще, кроме города строителей, увидишь такое переселение — на самосвалах?).

Помогают друг другу выгружаться: все свои... Детишки по этажам бегают — осматриваются. Взрослые начнут осматриваться потом, но зато тут комиссии более придирчивой, чем сам новосел. Когда наш штаб через месяц после заселения проводит рейд «Как устроился, новосел?», замечаний — полная тетрадь.

И не только потому, что, мол, моя квартира, мой дом. Хочется, чтоб в новом городе было красиво все, не только Дворец культуры или Дом связи, а каждая деталь и мелочь — фигурки зверей на ограде яслей, афишная тумба и даже хозяйственная площадка для сушки белья во дворе.

...Домой возвращалась по улице Петра Блохина. Сколько лет прошло, а каждый раз, как увижу это имя на белой табличке, что-то сжимается в груди. Петро, Петруха... Любили его на стройке. Первостроитель, лучший бригадир каменщиков. Потом стал

комсоргом. Ребята к нему со всеми заботами шли: свой, те же кирпичи кладет, в том же общежитии спит. И вдруг — болезнь. Как огнем сожгла, за сутки. Еще вечером вел комитет — вдруг поднялся: «Не могу, ребята, голова сильно болит. Простыл я». Ушел, а утром его не стало.

Хоронил весь город. Решили написать его имя на всех домах построенной им улицы, чтобы навсегда он остался в городе. А недавно был праздник этой улицы. Вообще-то у нас в Новополоцке давно такая традиция — праздники улиц. Но на этой — в первый раз. Все было, как задумывали: встречи с первостроителями — те, кто знал Петра, рассказывали о нем и первых днях стройки, а вечером горел традиционный костер и пели песни, которые он так любил.

Традиционный... Наверное, это очень важно, чтоб у молодежного города были свои традиции — общие радости всех его граждан. Каждый новополотчанин, где бы он ни был, всегда помнит костер у Двины, который мы зажигаем в День рождения города, в честь тех, кто в 1958 году корчевал лес и расчищал площадку для первых домов и грелся у маленькой, еще не праздничных костров.

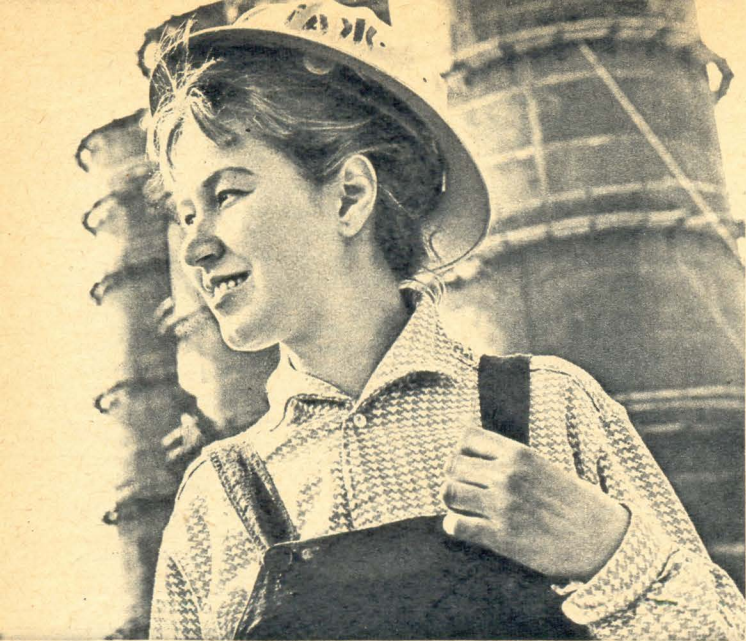
В этом году праздник особенно торжественный: ведь нашему Новополоцку — даже не верится — 10 лет! Демонстрацию откроет колонна первостроителей; конечно, в ней будут не все, кто начинал стройку: у иных запала хватило на месяц, на полгода — не больше. Быть может, они довольны своей жизнью в других, более центральных городах... Но никогда не будет в их жизни такого дня, как в жизни Кати Казаковой, Гали Лукша, Гали Белько и всех тех, кто пройдет 11 августа 1968 года по городу с красной лентой «первостроитель» через плечо.

Страничка 6. «ТРУДОВАЯ ВОЖЖА»

К 10-летию Новополоцка решили создать музей истории города. Музей пока не открыт, но один экспонат уже лежит прямо у входа, на асфальте, — огромный, тронутый ржавчиной ковш экскаватора, которым 10 лет назад вынули первые кубометры грунта на строительной площадке. Как знать, может, когда-нибудь этот экспонат будет поражать больше всего. Меня, например, в Полоцком краеведческом музее поразил больше всего один документ 20-х годов — «Обращение коменданта постройки моста к крестьянам и рабочим Полоцкого уезда»:

«Товарищи! Мы должны выйти непобедимыми в войне с разрухой. Все на работу, кто может. Вы строите не трон императору, не усадьбу барину, вы строите для всех трудящихся. Все к труду, все за трудовую вождю, которая направляет в царство своей, мирной, социалистической жизни — помочь строить новый мир коммунизма».

Вначале я даже улыбнулась этой «трудо-вой вождю». А потом подумала: тогда другого транспорта, кроме лошади, не было, а на строительство надо было везти бревна. Так и наш ковш. Может быть, через 50 лет будет совсем другая землеройная техника и комсомольцы будущего с такой же улыбкой, как мы сегодня на эту «вождю», посмотрят в музей на наш экскаваторный ковш. Но они оценят в нас главное — желание своими руками «строить новый мир коммунизма». Потому что, я верю, это желание останется главным и для них.

ДЕВЧОНОЧЬИ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ — ВОЛНЫ МЫСЛЕЙ И НАСТРОЕНИЙ. ИЗ ЭТИХ СТРОК СКЛАДЫВАЕТСЯ ПОРТРЕТ ЧЕЛОВЕКА, ОЧЕНЬ ЮНОГО, ИНОГДА НЕПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОГО, СТАРАЮЩЕГОСЯ НАЙТИ СЕБЯ И СКОРЕЕ УТВЕРДИТЬ В БОЛЬШОЙ ЖИЗНИ.

ВОТ АВТОПОРТРЕТ, НАПИСАННЫЙ ШЕСТЬЮДЕСЯТЬЮ ВОСЕМЬЮ ПЕРЬЯМИ.

МНЕ ШЕСТНАДЦАТЬ,

Единокого целого я почему-то не представляю: вся из противоречий (1). Тянет меня цирковая акробатика (2). Люблю точные науки! Если кому-то кажется, что математика — это скучно, то это чепуха! Но я не только люблю математику, я хочу стать человеком, который бы помог полюбить ее сотням новых людей (3).

На неделе у меня семь пятниц. То в педагогический мне хочется, то в библиотечный, то в геологический. Почему у других все ясно и определено? (4).

Недостатков тьма. Самоуверенность. Слишком много беру на себя. Наверное, эгоистична, надменна (5). Ненавижу чего-то ждать. Говорят, что я непостоянна, называют фантазеркой. Не считаю это отрицательным (6).

Самое главное, что я очень неуравновешенная и болтушка (7). Прерываю иногда говорящего (8). Очень упряма и люблю спорить (9). Часто все говорю прямо в глаза людям, и иногда они обижаются. Никак не могу себя сдерживать (10). Чтобы лишний раз не обидеть кого-нибудь, не наговорить глупостей — я считаю: раз, два... десять... Иногда считать приходится долго (11). Я труслива, боюсь собак и всяких букашек (12).

Уважаю отца. (13). Прошел всю войну. Дошел до Берлина (14). Он настоящий коммунист. Отдает всего себя работе (извините, если немного высокопарно) (13). Моя мама во всем мне друг и советчик (15). Родители для меня ничего не жалуют, но не признают во мне самостоятельного человека (16).

Когда мы с мамой сильно поспорим, она мне говорит: хотела бы я, чтоб ты пожила в мое время. Так неужели я бы не смогла жить тогда, в трудные сороковые годы? Правильно, я не просила бы второго платья и радовалась бы единственным туфлям. Не бегала бы на танцы, а вставала бы в пять утра и гнала бы волов в поле. Но ведь время сейчас другое (17).

Настоящую жизнь нельзя изучить в школе, сидя за партой, ее узнаешь только тог-

да, когда начинаешь жить самостоятельно (18). Работала на заводе тяжелого машиностроения, в сталелитейном цехе, ученицей крановожатой. На работу иду, как на праздник. Когда училась в школе, толком не знала, какая профессия мне нравится. Почему только учителя и родители нас пугали, что самостоятельная жизнь будет очень трудной? (19). Знаю одно, что первый шаг надо поставить уверенно, без боязни (20).

Пошла работать на сахарный завод. Сахар делать интересно, даже романтично (21). Очень хочется работать на Дальнем Востоке, на Крайнем Севере, где угодно, в холодных краях (22). Кого я считаю современной? Девушек, которые едут на стройки больших городов (23).

В прошлом году выпускники одного класса нашей школы отравились на Красноярскую ГЭС. Вот мы им завидовали! (24).

Знаете, я полюбила стройку. Не могу без нее. Понимаете, не могу (25). Очень радостно видеть, когда люди с хорошим настроением входят в дом, в строительстве которого и ты участвовала (26). Как приятно самой, если сделаешь когда-то что-то полезное людям (27).

Я вот часто думаю: смогло бы общество обойтись без моего существования? (28). Что делать, чтобы не уйти из жизни дождевой лужей, которую пока она есть — обходят, а когда исчезнет — забывают (29).

Когда была на практике, несколько бессонных ночей провела у постели тяжело больного. Волновалась за каждый результат анализов, каждое колебание температуры. Он выздоровел — я услышала: «Спасибо, сестричка». Может быть, сестры, которые давно работают, сочли бы такие слова за должное, а я вдруг заревела, убежала в перевязочную (30).

Смотришь на иных и удивляешься: чем интересуются, чем живут? Учиться не хотят, а если и учатся, то так, под натиском родителей. А когда видят, что кто-то грызет науку, не давая себе отдыха, а потом, естественно, получает на экзаменах хорошие оценки, то относятся к нему с нескрывае-

мым презрением, насмешкой. Но когда разобьешь такого вот в пух и прах — смущенно опускает глаза. А дошло ли до него, черт его знает (31).

Не активна до предела, но и не пассивна. Не люблю себя за это, но все же я из них, из «средненьких» (32). Подвиг пока не совершила ни одного. Маленькую пользу, может, и приношу (33).

Бывают у меня комсомольские вспышки, когда до всего есть дело. А нормой поведения стало просто ходить на собрания, просто слушать, просто сбегать, если неинтересно. Правда, такая жизнь мне не по душе (1). То ли дело было во времена Павки Корчагина! (34).

С самого детства я была очень активной. Сейчас любимое задание комсомола — районный и заводской «Комсомольский прожектор» (35).

С удовольствием пошла бы строить какое-нибудь спортивное сооружение методом народной стройки (36). Ненавижу людей, которые говорят, что комсомол — это только взносы (37). Портят настроение те, кто жалуется, что у нас плохо жить (20). Надо в этой жизни самой принимать активное участие (38).

Ненавижу обывательщину. Все эти вечера молодежи, сводящиеся к танцам (13).

Открыли бы молодежные клубы, где были бы не только танцы (29). Не лучше ли собраться с друзьями, попеть под гитару новые песни, поспорить о последних фильмах, книгах, ну и потанцевать, конечно (39). Танцевать предпочитаю с парнем. А парней-то у нас в совхозе и нет (40).

Как жить без друзей, не представляю. Ведь я воспитывалась в детском доме, в большом, дружном коллективе (41).

Занимаюсь в самодеятельности, принимаю участие во всех концертах, руковожу драмкружком (42). Я культмассовый сектор, поэтому должна быть всегда веселой и веселить других (43). Человек не может быть грустным большую часть дней в году (22). Грустно бывает, когда не решишь контрольную по математике, когда сорвешься на со-

Мы работаем...

Мы учимся...

Мы летаем...

Мы отдыхаем...

Фото Н. МАТОРИНА, А. ГРАХОВА,
А. ЖИЛЯКОВА, А. ТЕРЗИЕВА.

СЕМНАДЦАТЬ, ВОСЕМНАДЦАТЬ...

ревнованиях. Но зато как весело, когда побьешь свой старый рекорд! (44).

Больше всего на свете люблю кататься на коньках (45). Хочу стать летчицей. Из-за этого большие неприятности с родителями (46). В летное училище принимаю после десяти классов, а пока я готовлю себя к своей мечте. Вместе с подругами занималась в кружке парашютистов, вместе прыгали с парашютом. Теперь у нас свои воспитанники — двести человек. Готовим их к прыжкам. После работы несешься к ним, не успевая даже поесть (47).

Люблю ходить в лес или сидеть на берегу Онега, тогда лучше думается (48). Мне нравится очень наш город, только в нем нет Большого театра (49).

Люблю бродить по улицам, когда деревья желтые-желтые (50). То вдруг охватывает какая-то беспричинная радость, хочется сделать что-то значительное, хорошее, а то делается грустно, даже плакать хочется (51).

Любимого парня нет (6), не было и не будет, а если будет, то он ничего об этом не узнает. Зачем? (52). Когда вижу его, теряюсь, стараюсь казаться недотрогой (53).

Сначала придумала парня, какого хотела встретить, а теперь встретила (54). Сначала он мне просто понравился за то, что хорошо знал литературу и музыку, но потом мы уже не могли друг без друга (51). Мы с ним так дружили, так дружили, что вокруг все было солнечно (55). Я его люблю за то, что он умный, чуткий, серьезный и ласковый, за то, что он любит поэзию (56). Всегда честен, никогда не пройдет мимо пошлости (57).

Помогла мне понять, что такое настоящая любовь, моя учительница. Она научила меня присматриваться к людям, оценивать их поступки, задумываться над тем, прав бывает человек или нет (58). Как здорово, что я люблю! Раньше не верила в свои силы. А теперь верю, очень верю! (59).

Все свободное время посвящаю своему дневнику. Скоро кончаю второй том (28). Люблю рыться в книгах, писать. Хочу стать журналистом с техническим профилем. Учусь в техникуме радиоэлектроники и за-

нимаюсь в университете общественных профессий на факультете журналистики (39). В наши годы жить и не учиться не то чтобы неприлично, а как-то стыдно (60). Как можно остановиться на том, что умеешь и знаешь? Если остановишься, то скоро перестанешь что-либо представлять из себя как специалист, как личность (61). Жизнь идет вперед, хочется знать все больше и больше. Не получишь достаточного образования — и события жизни будут тебе непонятны и сама жизнь будет видаться серенькой (62).

Самая лучшая школа — это самообразование. Без него ничего не достигнешь (40). Закончила читать собрание сочинений Тургенева (12 томов). Это лучшее из прочитанного в этом году (63). Люблю научную фантастику. Люблю Пушкина (64), Ильфа и Петрова (65).

Читаю «Комсомольскую правду», «Изве-

стия». Интересуют меня события в нашей стране и других странах (66). Я возмущаюсь тем, что американцы продолжают «грязную войну» во Вьетнаме (45). Волнуют события в ФРГ. Невольно встает страшный вопрос: неужели снова война? Неужели снова будут гибнуть люди, завоевания науки, техники? (67). Прочла роман-документ Кузнецова «Бабий Яр». Как это чудовищно — фашизм! (35). Вернулась из похода по партизанским тропам. Незабываемо! Открылись такие страницы героизма! И среди тех, кто отдал жизни за Родину, столько наших ровесников! (68).

Хочу хоть немного быть похожей на героинь нашего и прошлого поколений (55).

А интересно бы, черт возьми, взглянуть на тех, кто придет нам на смену (7). После нас будут жить такие же девчонки и мальчишки, но ведь и у нас они возьмут хоть каплю хорошего (8).

АВТОРЫ ПИСЕМ:

1. О. Киселева, Челябинск, 2. Н. Каракулова, Пермская обл., 3. Надя Рудченко, Харьков, 4. Оля, Луганск, 5. Таня, Северодвинск, 6. Наташа А., Хабаровск, 7. Е. Массальская, Уфа, 8. Н., Рязань, 9. М. Ножняк, Енисейск, 10. Оля Гопаненко, Амурская обл., 11. А. И., Норильск, 12. Г. Сушко, Красноярск, 13. Лена В., Ровно, 14. Нина Орешина, Свердловск, 15. Инна Ф., Орджоннидзе, 16. Галя Заботина, Донецк, 17. Люба Ч., Донецк, 18. Марина Шабанова, Барнаул, 19. Л. Самойлова, Иркутск, 20. Люда Донцова, Вильнюс, 21. Аэлига Р., Кулянск, 22. О., Кустанай, 23. Хаибаб Анперова, Баку, 24. Вера, Ростов-на-Дону, 25. А. Кулова, Московская обл., 26. Г. Хейгетли, Ростовская обл., 27. Оля, Свердловск, 28. М., Днепропетровск, 29. Л. П., пос. Атаки, МССР, 30. Л. Гладных, Первомайск, 31. Надя, Куйбышев, 32. Алла Строганова, Казань, 33. Инна Ильина, Кемерово, 34. Т. А. Фрунзе, 35. Л. Л., Саратов, 36. Неверина, Воронеж, 37. Наташа Г., Сахалин, 38. Л. К., Алушта, 39. Таня, Киев, 40. Т. Гайдукова, Крымская обл., 41. Марина Носова, Печора, 42. Н. Сидорова, Семипалатинск, 43. Рита С., Наманш, 44. Надя М., Калинин, 45. Зина, Кировская обл., 46. Таня Колпак, Вильнюс, 47. Люда Тищенко, Темиртау, 48. Люда Л., Медвежьегорск, 49. Нюра М., Резенне, 50. Л. П., Свердловск, 51. Ира, Елец, 52. Оля Б., Горький, 53. К., Чкаловск, Таджикская ССР, 54. Сильва, Петрозаводск, 55. Лена К., Уфа, 56. Нина С., Вязники, 57. Т. Волкова, ст. Камала, Красноярский край, 58. В. Шестункина, Баку, 59. Т., Челябинск, 60. Олеся К., Могилев, 61. Люда Гончарова, Орджоннидзе, 62. Оля Щеглова, Калараш, 63. Галя, Оренбург, 64. Т., Мытищи, 65. Ирина К., Казань, 66. Катя П., Химки, 67. Воронина, Ленинград, 68. Н. Павлова, Могилев.

**К ЧИТАТЕЛЬ-
НИЦАМ
«ПОДРУЖКИ»**

УЗНАЛА ЛИ ТЫ В ЭТОМ ПОРТРЕТЕ СЕБЯ? НЕ ХОЧЕШЬ ЛИ ДОРИСОВАТЬ ЕГО? ДОБАВИТЬ К НЕМУ НОВЫЕ ШТРИХИ? ИЛИ В ЧЕМ-ТО НЕ СОГЛАСИТЬСЯ С НИМ? ПУСТЬ К ШЕСТИДЕСЯТИ ВОСЬМИ ПЕРЬЯМ ПРИСОЕДИНИТСЯ И ТВОЕ.

«Нам и расческу в руки»

На одиннадцатом московском конкурсе парикмахеров, который проводился этим летом, лучшими не только среди мужских, но и среди женских мастеров оказались мужчины, вернее, совсем молодые ребята.

— Не вижу в этом ничего удивительного, — говорит победитель конкурса Володя Держицкий. — Кто это выдумал, что парикмахер — женская профессия? Самая что ни на есть мужская! Кто, как не мужчина, знает, что женщине к лицу, а что нет? Кто, наконец, больше заинтересован в том, чтобы все наши женщины были красивыми? Нам, мужчинам, как говорится, и «расческу в руки».

Мы попросили Володю Держицкого ответить на несколько вопросов, которые особенно интересуют юных читательниц «Работницы».

Фото Г. ИВЕРКЛЕЙДА.

— ВАШИ ПЛАНЫ НА БУДУЩЕЕ?

— Когда мы, парикмахеры, говорим о нашей профессии, то часто употребляем слово «искусство». Пожалуй, с позиций искусства и стоит говорить о будущем. Буду стремиться совершенствовать свое мастерство, придумывать новые прически.

Интервью вела Т. КОСТЫГОВА.

— ЧТО ВЫ МОЖЕТЕ ПОСОВЕТОВАТЬ МОЛОДЕЖИ ДЕВУШКАМ, КОТОРЫМ ХОЧЕТСЯ ВЫГЛЯДЕТЬ КРАСИВО, МОДНО И СОВРЕМЕННО?

— Оставаться как можно дольше такими же молодыми. А для этого есть только один рецепт — не торопиться. Не сооружать замысловатые пучки, не раскрашивать губы и ресницы, не стараться выглядеть в свои семнадцать сорокалетними дамами.

Чем проще, тем лучше. Эта несложная формула всегда поможет девушкам быть милыми и привлекательными. Рассыпавшаяся челка, расчесанные на прямой пробор волосы, короткая мальчишечья стрижка создают ощущение хрупкости и чистоты.

Главное, по-моему, чтобы девушка была неповторима, чтобы в ней было то внутреннее обаяние, которое освещает всю ее светом женственности, нежности, чтобы в ее облике угадывалось не желание подражать кому-то, не подсмотренный где-то поворот головы, искусно уложенный локон или манера смеяться, а утверждение своего стиля, своей личности даже через внешние детали. Кстати, этому всегда помогает и удачно выбранная прическа.

— ВАМ ЧАСТО ПРИХОДИТСЯ ПРИЧЕСЫВАТЬ СЕМНАДЦАТИЛЕТНИХ. МНОГИЕ ЛИ ПОНИМАЮТ, ЧТО ИМ ИДЕТ?

— К сожалению, понимают редко. Причесывать тех, кто пришел в первый раз, интересно, но трудно. Почти всегда такая встреча начинается с борьбы. Часто девочки стремятся к так называемой «элегантности», забывая правило, что элегантной женщина бывает в 30 лет, а до этого «ищет себя». А девочки ищут не хотят, у них уже есть свой идеал. «Вот у моей подружки была прическа...» — так обычно начинается своя просьба и заканчивается требованием сделать «вечернюю фантазию» — «...такую, как у подружки». Иногда я с ними спорю, убеждаю, а иногда веду сразу к мойке и стригу. Они возмущаются, противятся и уходят... довольные.

— МОЖЕТ БЫТЬ, ДЕВОЧКАМ, ТЕМ БОЛЕЕ ШКОЛЬНИЦАМ, ВОБЩЕ НЕЗАЧЕМ ХОДИТЬ В ПАРИКМАХЕРСКИЕ?

— Конечно, просиживать там часами, да еще каждую неделю,

не стоит, лучше использовать это время на более полезные дела: чтение, спорт. Но раз два-три в год прийти в парикмахерскую все же придется, чтобы сделать стрижку. При хорошей стрижке ваша прическа всегда будет в порядке. Стрижка — дело сложное, в домашних условиях невыполнимое. К сожалению, не все наши юные клиентки понимают, что хорошая стрижка — большое искусство, вот и подставляют свои буйные головы под ножницы отчаянных подруг. А потом приходят к нам повязанные платочками и со слезами на глазах просят о помощи.

И еще в одном случае мы рады видеть у нас в кресле юную девушку — в день особенно важного и торжественного для нее события: выпускного вечера, дня рождения, первого бала. Пусть такой визит в парикмахерскую будет для нее не привычкой, а немножко праздником.

А прически для школы, на каждый день, с моей точки зрения, должны отвечать единственному требованию: подчеркивать аккуратность и подтянутость девушек.

— КАКАЯ ПРИЧЕСКА СЕЙЧАС ОСОБЕННО МОДНА?

— Парикмахерская мода идет в ногу с модой вообще. Стоило появиться коротким юбкам, как исчезли громоздкие «баббеты»: сочетание того и другого сделало бы облик девушки карикатурным. Короткие юбки родили новую моду — маленькую, аккуратную голову; небольшую челку, удлиненные височные пряди и постриженные под бритву волосы на затылке. Современная, и, если можно так сказать, лаконичная прическа. А нарядные платья так называемого романтического стиля — с «ляжцами» спинками, с кружевами и воланами — заставили снова вспомнить о локонах.

Последняя парикмахерская мода, продемонстрированная на недавнем международном ревю причесок в Югославию, — это возвращение к прошлому, и стило начала нашего века, и прическам, какие носила знаменитая шведская актриса, звезда немого кино Грета Гарбо. Такая прическа из легких волн и локонов женственна и романтична, но идет лишь женщине лет 30, а для молодых девушек не годится.

— А КОСЫ ВЫШЛИ ИЗ МОДЫ?

— Что вы, совсем наоборот! «Русский стиль», который сейчас моден во всем мире (высокие сапоги, блузы-носоторотки, сарафанные силуэты платьев), требует и причесок из кос, придающих облику женщины чистоту и строгость.

Но если говорить о молодых девушках, я, пожалуй, проголосую за короткую стрижку. Она как нельзя лучше отвечает духу молодежи, подходит к спортивному стилю одежды и, наконец, просто удобна.

МАМИНЫ УРОКИ

Рисунки И. КЛЕШКО.

ТЫ ГЛАДИШЬ

ТЕБЕ ЧАСТО ПРИХОДИТСЯ ГЛАДИТЬ? НЕ ВОРОТНИЧОК, НЕ ЮБКУ. А ЦЕЛЫЙ ВОРОХ БЕЛЬЯ? ЭТО БОЛЬШАЯ РАБОТА. ПРИГОТОВЬСЯ К НЕЙ.

● Если у тебя утюг без подпаривателя (увлажнителя), то не забудь сбрызнуть предварительно (за полтора-два часа) хлопчатобумажное и льняное белье.

● Гладильную доску установи не слишком высоко и не слишком низко: при работе не должны уставать руки.

● Прежде чем гладить, обязательно проведи утюгом по чистой сухой тряпке — проверь, не запачкан ли утюг, не перекалился ли.

● Начиная с мелких деталей: воротника, манжет, рукавов.

● Води утюгом всегда в одном направлении, справа налево.

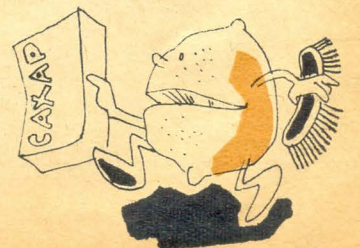
● Утюг, сосуд с водой, стопка неглаженного белья должны быть справа. А слева, на табуретку, складывай то, что уже погладила.

● Свежевыглаженные вещи не клади сразу в шкаф и не надевай на себя — дай им остыть, а то они быстро помнутся.

● Постельное белье, полотенца, скатерти гладь с лица. А все цветное белье и платья — с изнанки. Шерстяные вещи обычно гладят с лица, но непременно через влажную тряпку.

● Накрахмаленное белье лучше гладить влажным. Утюг не должен быть очень горячим.

● Если от утюга остались подпалины, смажь их лимонным соком, сверху присыпь сахарной пудрой, а затем прополощи в холодной воде. Или так: смочи холодной водой, посыпь мелкой солью, подержи на солнце и прополощи. Воду с солью можно заменить перекисью водорода.

ПОДРУЖКА

На фабрику «Шуйский пролетарий» я приехал, чтобы посмотреть, какие изменения в жизнь предприятия внесла экономическая реформа, приехал, чтобы побеседовать с давнишней своей знакомой — бывшей ткачихой, а теперь заместителем директора фабрики по экономическим вопросам Антониной Леонтьевной Косаревой.

Я не узнал фабрики, хотя не был здесь всего два года. Новое оборудование, отличное освещение. В перерыве разговорился с работницами 8-й бригады.

— На старых платтовских машинах как было? Нужно сьем делать — нагибайся. Спина, бывало, так устанет, что и не разогнуться к концу смены. А сейчас мы у машины во весь рост.

— Раньше пряжу носили в сумках, складывали в ящики... А теперь у нас цепной конвейер.

Да, перемен много. Выстроен новый профилакторий с ингалятором, фотарием и даже плавательным бассейном. В нижнем этаже производственного здания отличная гардеробная с зеркалами, душевые, кафе. Планируется строительство нового административного корпуса и дома быта.

Но ведь перемены потребовали, наверное, и требуют немало средств. Как они получены на «Шуйском пролетарии»?

— Значительную часть этих средств дала работа по новой системе экономического планирования и материального стимулирования, — ответила Антонина Леонтьевна. — Мы работаем по-новому уже два года. В прошлом году дали на 827 тысяч рублей сверхплановой продукции. Прибыль получили 3,5 миллиона рублей. У нас созданы три фонда: фонд развития производства, фонд материального поощрения и фонд социально-культурных мероприятий.

— А как добился коллектив этих результатов? За счет чего получена такая прибыль?

— Прежде всего за счет роста производительности труда. Мы подвергли анализу все технико-экономические показатели фабрики. Конечно, делали это не одни экономисты. По-настоящему выявить, отыскать резервы производства могут только все вместе: рабочие, инженеры, снабженцы. Два года назад мы вручили каждому рабочему листок с основными данными по экономике фабрики и обращением: «Дорогой товарищ! Вноси свои предложения по дальнейшему повышению производительности труда, улучшению качества продукции, более экономному расходованию сырья, материалов. Посоветуй, как получить большую отдачу от машин и станков, как свести до минимума простой».

Предложения были разные — и сулившие немалый экономический эффект и менее значительные, но, собранные вместе, они помогли фабрике добиться нынешних результатов. Давайте пройдем вместе по фабрике — и вы увидите это сами.

Мы вышли на фабричный двор.

— Вот, пожалуйста, — сказала Косарева, указывая на выезжавшую со двора машину

с контейнерами, полными пряжи. — Тысяч сорок сэкономили мы, когда заменили мелкие ящики контейнерами.

И таких осуществленных предложений я могу назвать много. По-иному стали использовать отходы сырья — сэкономили 127 тысяч рублей. Механизировали транспортировку холстов — получили 15 тысяч...

И, что важнее всего, поток предложений не иссякает. Сейчас в каждом цехе, отделе заведены книги, куда рабочие записывают свои предложения по использованию внутренних резервов. Эти книги — про наш зав-

рых платтовских машин на той же площади мы установили 22 новых машины. Старые машины вырабатывали 50 тонн пряжи в месяц, а с новых мы получаем 86 тонн. Существенная разница! А всего в прядильном производстве за эти два года поставили 220 прядильных и чесальных машин. К 1970 году мы заменим все старое оборудование.

Мы вошли в ткацкий цех.

— Посмотрите на Розу Нечаеву, — сказала Антонина Леонтьевна.

Руки Розы мелькали быстро-быстро. Так работала когда-то и ткачиха Тоня Косаре-

Антонина Леонтьевна Косарева.

Фото Н. МАТОРИНА.

трашний день. За пятилетку должны были повысить производительность труда на 15 процентов, а обязались — на 19.

— Что вы для этого делаете?

— Прежде всего меняем оборудование. Заменять технически и морально устаревшее оборудование мы стремились всегда. Эта работа была начата еще до реформы. Реформа ускорила ее. Фонд развития производства, банковские кредиты, которые мы в последующие годы будем погашать из того же фонда, создали новые возможности. В прошлом году, например, на одном из участков прядильной фабрики вместо 19 ста-

ва да еще сочиняла стихи: «Хочу зари сиянье и звезды — все обнять, чтобы в стихах и тканях об этом рассказать».

Я вспомнил доклад ткачихи Косаревой на одном весьма представительном экономическом совещании в Иванове — доклад о резервах производительности труда, вспомнил, как, готовясь к нему, хронометрировала она каждое свое движение, считала каждую выигранную секунду. Так же дорожат временем ткачихи «Шуйского пролетария» Р. Нечаева, Т. Васильева, А. Сапожникова, М. Куликова, Н. Столярова...

— На зарядку челнока, — объясняла мне Антонина Леонтьевна, — Роза тратит 3—4 секунды вместо 7. Обрыв основной нити лик-

видирует не за 24 секунды, как предусмотрено по норме, а за 12. На пуск станка по норме отводится 4 секунды, Роза делает это за 2. Пускать станок за смену приходится 628 раз — значит, сэкономлено целых 20 минут. Благодаря этому Роза успевает более внимательно следить за каждым станком. Для смены челнока она ухитряется подойти к станку как раз в тот момент, когда ему грозит остановка... А если бы так работал каждый?..

В последнее время мы большое внимание уделяем научной организации труда. Создали совет НОТ, в который вошли специалисты, новаторы производства. Смотровые комиссии собирают по крупницам все лучшее и делают его достоянием всех.

— Антонина Леонтьевна, новая система называется системой не только нового экономического планирования, но и материального стимулирования. Скажите, как действует материальный стимул у вас на фабрике?

— Фонд материального поощрения составил без малого 500 тысяч рублей — полмиллиона! Отсюда и ежемесячные премии и премии по итогам года. За два года зарплата каждой работницы, вернее, каждой добросовестной работницы, выросла на 11 рублей в месяц. Лентяи и нерадивые, конечно, забеспокоились. Среди пяти тысячного коллектива их не так уж много. В прошлом году за брак в работе, за нарушение трудовой дисциплины были лишены полностью годового вознаграждения 47 человек. И что же? В этом году брак резко снизился.

И еще одно: раньше вопрос о материальной помощи единолично решал директор: ведь это были деньги из директорского фонда. Случалось, что помощь, да и премию, получала не та работница, которой она полагалась бы, а та, что понастойчивее, хоть работает порой хуже других. Теперь эти средства распределяются в самих цехах; тут все учтут: отношение к делу, к товарищам, общественную работу. Знают в цехе и каким семьям действительно нужна помощь.

Да и возможности поощрений сейчас другие. В 1966 году директорский фонд на нашей фабрике составлял всего 34 тысячи рублей. А в 1967 году фонды материального поощрения и социально-культурных мероприятий стали в 20 раз больше! Отдыхаем хорошо: на два выходных многие рабочие выезжают в дом отдыха или на загородную дачу. На Южном берегу Крыма в кооперации с другими предприятиями строим пансионат для рабочих.

— Какие трудности встретились при переходе на новую систему?

Вместо ответа Антонина Леонтьевна повела меня на склад, где хранится хлопок. — Качество сырья, пожалуй, самый большой вопрос для нас. Хлопок поступает из Узбекистана очень засоренным. Необходимо, на мой взгляд, наладить очистку хлопка непосредственно на месте сбора. Кроме того, мы должны получать сырье по крайней мере за месяц, чтобы технологи могли спланировать определенные, как у нас говорят, «мески». Тогда и качество продукции улучшится бы и себестоимость снизилась. Это как нельзя более соответствовало бы духу реформы.

Впрочем, реформа-то, можно сказать, только начинается, — заканчивает разговор Антонина Леонтьевна, — настоящая отдача еще в будущем.

В. КОНСТАНТИНОВ

Николай СТАРШИНОВ
Рисунки Я. МИРОШНИЧЕНКО.

Вышла из дому Аленка
И увидела цыпленка.

Доставал он из песка
Дождевого червяка.

Вдруг ворона налетела,
Малыша украсть хотела.

Но Аленка тут как тут,
На бегу схватила прут.

Так на птицу раскричалась,
Что ворона в лес умчалась.

**О бабушке,
Аленке,
вороне
и цыпленке**

А цыпленок — молодцом,
Притаился под крыльцом.

Успокоилась Аленка,
Стала тихо звать цыпленка:

— Где ты, глупый, где,
смешной?
Выходи играть со мной!

Хочешь, дам тебе конфету?..
Почему тебя все нету?..

Слыша этот разговор,
Вышла бабушка во двор.

— Погоди-ка ты, Аленка,
Вот как надо звать
цыпленка:

«Цып-цып-цып! Пройшла
беда!
Цып-цып-цып! Иди сюда!

Накрошу я хлебных корок,
Приготовлю свежий творог,

Будешь слушаться меня —
Каши дам из ячменя!..»

Тут цыпленок и выбежал
из-под крыльца.

**Почему
шипел
утюг?**

Ты чего это вдруг
Расшипелся, утюг?
Что могло случиться?
Хватит горячиться!

Отвечает утюг:
«Что творится вокруг!
И глядеть мне таяко —
Смята вся рубашка.

Не шипеть я не мог:
Лента смята в комок,
Брюки не в порядке —
Не на месте складки...»

Как взобрался он на стол,
По рубашке прошел —
Сразу на рубашке
Расцвели ромашки!

Он по ленточке бегом,
И она под утюгом
Стала вдруг собою —
Речкой голубою!

Как прошелся утюг
Вдоль неглаженных брюк —
Словно две дорожки,
Распрямились ножки.

Успокоился утюг:
Все в порядке вокруг.
Не шипит. Зевает.
Тихо остывает.

Вот и нашлись те, кого мы приглашали встретиться на страницах журнала, опубликовав в шестом номере фотографию девушек-воинов, снявшихся в 1945 году после победы.

Пришло письмо из Свердловска от подполковника А. Шапкина.

«...На фотоснимке девушки из 10-го Гвардейского Уральского Львовского Краснознаменного ордена Суворова и Кутузова добровольческого танкового корпуса. В центре пятая с любой стороны — санинструктор мотострелкового батальона Полина Ниловна Бурнашова (девичья фамилия Воронкина). Сейчас она работает старшим техником Уральского завода тяжелого машиностроения. Член совета ветеранов корпуса, помогает комсомолу в военно-патриотическом воспитании молодежи. Вы можете встретиться с П. Н. Бурнашовой в Москве. Вместе с другими ветеранами корпуса она участвует в автомотопробеге свердловчан по боевому пути корпуса».

И встреча состоялась. Полина Ниловна улыбалась так же молодо и задорно, как на фотографии 1945 года.

Но прежде чем рассказать о себе, она знакомит нас с другими участницами автомотопробега.

— Это Женя Трапезнинова. То есть Евгения Алексеевна Добровольец нашего корпуса. Ее, правда, нет на том снимке.

Кто-то из товарищей пошутил:

— Она тогда к свадьбе готовилась.

— Было и такое, — улыбается Евгения Алексеевна. — Дошли до Праги. Закончили войну победой. И сразу вышла замуж. Веселая была свадьба. Боевые друзья были на свадьбе. Праздники устроили пир в лучшем банкетном зале города. Приглашали отпраздновать и золотую свадьбу в Златой Праге.

— А это Рая Курнешова, — представляет Полина Ниловна другую свою подругу. Радистка разведбатальона. Грудь Курнешовой (Батенко) украшена орденами Красной Звезды, Славы III степени, множеством медалей. Вместе с ней дочь Таня. Матери было почти столько же лет, сколько теперь дочери, когда формировался Уральский корпус. Сейчас мать и дочь работают на одном заводе. Таня еще и учится на 3-м курсе университета. Она комсомолка. Давно мечтала побывать в местах, где воевала ее мама. Счастливым случай предстался. В канун празднования 50-летия Ленинского комсомола отправилась в поход бывшая и нынешняя комсомолка.

— Надю Малыгину представлять не буду. Она известная писательница, знаете, наверное, ее книги: «Сестренка батальона», «Вторая любовь», «Ливни умывают землю», «Четверо суток и вся жизнь». Она «сестренкой» прошла с танкистами весь путь до Праги.

В свою очередь, мы знакомим Полину Ниловну и других участниц пробега с письмами тех, кто откликнулся на выступление нашего журнала.

Вот письмо Марии Степановны Ташлыковой (девичья фамилия Пономарева).

«...Я первая справа. Вспоминаю в лица, и воскрешает память дни моей комсомольской юности. Походы, бои, ранения. И снова походы и снова бои. Прошли от Уральских гор до фашистской Германии. Закончился наш боевой путь в Чехословакии. Работаю в Березняках. Сейчас я освобожденный председатель местного троллейбусного управления. Посылали меня делегатом на последний профсоюзный съезд. Веду общественную работу. Дружу с

комсомолом, пионерами. Рассказываю им о боевом пути моих ровесников-комсомольцев».

Следующее письмо со штампом сибирского городка Свирсна. Автор его 14-летняя Люба — дочь Тины Илларионовны Рубцовой (на снимке вторая слева).

«...Спасибо вам за снимок. Мы узнали, какой была наша мама 23 года назад, узнали и ее боевых друзей. А какой теперь стала мама? Я посылаю ее фотоснимок и немного расскажу о ней.

Сейчас маме 45 лет. Она вместе с папой работает на заводе. Семья у нас очень дружная: мама, папа, Галина (20 лет), Николай (16 лет), Юра (11 лет) и я, Люба. Мы все учимся. Мама иногда рассказывает о военном времени. Мы любим эти рассказы, особенно о боевых эпизодах и фронтовой дружбе. Любим природу. Часто всей семьей отдыхаем в тайге, на Ангаре. Каждый год бываем на Байкале. Привет маминим товарищам по оружию от всей нашей семьи».

Письмо от Надежды Григорьевны Холох из Запорожья:

«...Увидела себя и подруг на снимке, прослезилась. Хотя не следовало бы: ведь нас звали мужественными девушками-солдатами. Моя фронтовая должность скромная — сани-тарка. Но знаю, я тоже приносила людям пользу, добро. Как могла, старалась облегчить муки, страдания раненых бойцов. За это и звали нас ласково — сестренками. Храню, как самые дорогие реликвии, письма благодарности раненых, благодарности командования за участие в прорыве обороны на Висле, за взятие Берлина. Стараюсь хорошо работать и в мирное время. Часто всей бригадой мы обсуждаем международное положение. О мире мы говорим бережно, он нам очень дорогой ценой достался...»

Письма прочли. И снова обращаемся к Полине Ниловне:

— Ну, а теперь о себе расскажите. Вы ведь не писали в редакцию.

— Как видите, жива, здорова.

Правда, последнее не совсем верно. Полина Ниловна не один раз была тяжело ранена. Ей и сейчас трудно обходиться без тросточки.

— Все было. После тяжелых боев под Новозыбновом на Брянщине тетушке моей послала похоронную (у меня, кроме нее, никаких родных не было, я воспитанница детского дома). А я воскресла. Списали из армии как инвалида, направили в Свердловск. Добилась, чтобы разрешили съездить в часть, которая стояла во Львове, за партийным билетом. Приехала туда и стала упрашивать командира оставить в армии до победы. «Трудно тебе, Полина, на костылях», — сказал командир. Костыли бросила у него на глазах. Настояла на своем. Смотрю я теперь на старую ту фотографию: какие молодые мы были! На фронт пошли комсомолками, вернулись домой коммунистками. Слева направо на снимке 5 членов партии, 4 кандидата. И сейчас, в канун 50-летия ВЛКСМ, шлю я своим однополчанам-добровольцам комсомольский привет! Молодые, может быть, мало знают о нашем добровольческом корпусе. Сформирован он в начале 1943 года на Урале. Среди воинов было много комсомольцев. Корпус вооружили танками, которые построили уральцы сверх плана, на свои трудовые деньги (собрали тогда 70 миллионов рублей). Девять девушек на фотографии, напечатанной в «Работнице», — маленькая частица этого корпуса.

А. СТОЯКИНА

ВСТРЕЧА СОСТОЯЛАСЬ

Полина Ниловна Бурнашова в Москве.

Фото Н. МАТОРИНА.

Участницы автомотопробега Раиса Васильевна и Таня Курнешовы.

В. А. СУХОМЛИНСКИЙ,
 член-корреспондент Академии
 педагогических наук СССР,
 заслуженный учитель школы УССР,
 Герой Социалистического Труда

ПИСЬМО СЕЛЬСКОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЕ

Я получил письмо от Татьяны Александровны Чичериной — учительницы Коряковской школы Костромской области. «С каждым годом все больше юношей и девушек, оканчивающих школу, идет на производство, — пишет молодая сельская учительница. — Зная, что после школы надо идти на производство, не все учатся с интересом. Чем одухотворить, воодушевить нелегкий умственный труд школьников! Если раньше можно было говорить: окончите среднюю школу — поступите в институт, то теперь далеко не каждому пообещаешь это...»

Дорогая Татьяна Александровна! Вряд ли можно найти в жизни школы более острый и животрепещущий вопрос, чем вопрос старшеклассников: для чего мы учимся? С какой целью овладеваем знаниями? Ныне, когда страна стоит на пороге всеобщего среднего образования, этот вопрос приобретает особенную значимость. Ведь только каждый пятый юноша, каждая пятая девушка смогут после окончания школы поступить в институт и получить высшее образование, остальным уже в стенах средней школы нужно сознательно готовить себя к труду слесаря или токаря, хлебороба или строителя. Я уверен, что подготовить человека внутренне, духовно к великой и простой трудовой миссии и притом дать ему глубокое и всестороннее образование, вложить в его душу на всю жизнь любовь и уважение к знаниям — это

одна из самых важных граней педагогического мастерства. В самом деле, с привычно житейской, давно установившейся точки зрения как-то не вяжутся такие, скажем, две вещи: учитель убеждает молодую девушку: работать на животноводческой ферме — почетное и интересное дело, готовьтесь к этому труду; учитель же убеждает ту же девушку: учите французский язык, знайте древнюю историю, читайте «Илиаду» и «Одиссею»... На вопрос о том, с какой целью мы овладеваем знаниями, учителя много лет подряд отвечают одними и теми же словами: вы учитесь, чтобы стать хорошо образованными, всесторонне развитыми строителями коммунизма. Знания, которые вы приобретаете, найдут применение в жизни, в труде.

Удовлетворяет ли этот ответ молодежь наших дней? Нет. Он не охватывает всей сложности и многогранности духовной жизни человека. Если подростки, юноши и девушки поверят учителю, что все знания, полученные в школе, найдут практическое применение в труде, они потом разочаруются. Ориентировать юношество на это — по существу, обманывать. Где в практической работе хлебороба или монтажника, животновода или каменщика могут быть непосредственно применены, скажем, знания по древней истории или иностранному языку?

Ориентировать юношество только на практическую применимость и полезность знаний — это значит не учитывать тех глубоких, коренных изменений, которые происходят ныне в духовной жизни человека, в самой сущности понятий **интеллигентность, культура, образованность**. Научно-технический прогресс в наши дни требует от человека широких знаний по естественному и математическому циклу — это бесспорная истина. Но, понимая безусловную необходимость знаний для технического прогресса, юношество должно видеть смысл своего учения не только в сфере своей будущей специальности. Знания нужны мне не потому, что я должен стать инженером или механизатором колхозного производства, врачом или геологом, педагогом или конструктором; знания нужны мне прежде всего потому, что я должен стать Человеком — гражданином своего Отечества, творцом, культурной личностью, отцом-матерью — вот какой идеей мы стремимся одухотворить юную душу. Мы считаем недопустимым, чтобы молодой человек уже в стенах школы рассматривал необходимость овладения знаниями только в связи со своим поступлением в высшее учебное заведение.

«Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать». Вдумаемся в эти слова А. С. Пушкина. В них он выразил свой взгляд на цель жизни. Думаю, что в этой сфере духовной жизни со времен Пушкина ничего не изменилось и никогда не изменится. Жить, чтобы мыслить; жить, чтобы постигнуть радость творческого бытия и неизбежные страдания человека-борца, умеющего и любить и ненавидеть; жить, чтобы оставить себя в славе и величии Отечества. Жить, чтобы продолжить и возвысить себя в своих делах — вот какими стимулами стремимся мы одухотворить желание быть образованным, культурным, умным. Я считаю, что в школьном деле на первое место сейчас выдвигается исключительно тонкая и сложная воспитательная задача: утвердить в юных душах жажду знаний, неутолимую и неискоренимую потребность — потребность на всю жизнь — в пополнении знаний. **Дух радости познания** — вот та идейная и интеллектуальная атмосфера, которая должна сейчас царствовать в школе.

Я вижу воспитательную миссию педагога в том, чтобы годы пребывания наших питомцев в школе, особенно годы обучения в 8—10-х классах, были озарены радостями интеллектуальной жизни, радостями открытия и познания истины, радостями утверждения умственных сил и способностей. Речь идет не только об учении на уроках, но об **интеллектуальной жизни** в самом широком смысле этого понятия. Здесь, в творении интеллектуальной жизни, в формировании духовных интересов, и открывается широкое поле деятельности педагога-ленинца, выполняющего сегодня завет великого нашего вождя о формировании облика нового человека — подлинного коммуниста, обогащающего свою память знанием всех богатств, выработанных человечеством.

Богатство интеллектуальной жизни школы... Я хочу рассказать вам о том, что делает наш коллектив с этой целью. Прежде всего мы добиваемся того, чтобы образование, овладение знаниями не ограничивалось уроками, чтобы чтение не сводилось к подготовке домашних заданий по учебнику. Интеллектуальная жизнь школьника начинается лишь тогда, когда наряду с обязательным чтением учебника, обязательным выполнением классных и домашних заданий есть необязательный, добровольный, ничем не заменимый мир книги, мир чтения, мир удовлетворения интеллектуальных интересов, постоянно возникающих, развивающихся, обогащающих личность. Многолетний опыт убеждает: если у школьника духовные интересы ограничиваются обязательными заданиями, обязательным чтением, у него очень ограниченный интеллектуальный кругозор, ему не хочется читать, уроки становятся для него непосильным бременем, он тяготеет к учению, а бывает и так, что школа, книга, учитель становятся для него ненавистными. Чем шире круг обязательных знаний, которыми надо овладеть ученику, тем больше обяза-

тельных книг должно войти в его духовный мир. Посмотрите внимательно каталог книг в своей школьной библиотеке, вдумайтесь, насколько богато и многогранно отражен мир в книгах, которые ваша школа может предложить подросткам. Школьная библиотека столь же важный очаг мысли и интеллектуального воспитания, как урок.

Каждый наш класный руководитель проводит со своими питомцами путешествия в мир книги — без них мы вообще не представляем школы. Это беседы о книгах и их судьбах. Это искра, зажигающая огонек самостоятельной мысли. Мы добиваемся того, чтобы подростку, юноше, девушке захотелось выйти за рамки программы, чтобы у каждого воспитанника был свой любимый предмет, чтобы по вечерам их нельзя было оторвать от книги. Для подростков и юношества у нас есть Комната Мысли, как мы ее называем. Здесь вдумчиво подобрана литература: не легкое чтение, а книги, требующие сосредоточенной, напряженной мысли, — и художественные и научные. Отдельный шкаф отведен для книг, которые объединяются общей идеей: **у кого учиться жить**. Здесь собраны книги, посвященные выдающимся людям, жизнь и борьба которых являются образцом, путеводной звездой для юношества. Это книги о Марксе и Ленине, Бабушкине и Дзержинском, Александре Ульянове и Кибальчиче, Шевченко и Горьком, Николае Островском и Юлиусе Фучике, Александре Матросове и Зое Космодемьянской.

Тридцать три года труда с детьми твердо убедили меня в том, что неугасимой искрой, зажигающей на всю жизнь огонек жажды знаний, является **познание человека**. Пусть подросток, перед которым открывается мир, переживает чувство удивления, изумления, познавая яркую, прекрасную жизнь людей, чьи имена навеки вошли в сокровищницу героизма и мысли. Мы стремимся к тому, чтобы в годы отрочества и ранней юности каждого человека вдохновила, очаровала, потрясла книга, в которой каждая страница, каждая строчка горячи, как огонь, и неугасимы, как солнце.

Комната Мысли — это очаг нашей педагогики души, педагогики человеческих дум и стремлений. Мы считали бы всю воспитательную работу духовно обедненной и бесперспективной, если бы каждый наш питомец не нашел здесь **свою** книгу, не засиделся над ней до ночи, не встретил рассвет раздумьями о самом себе, о своей судьбе, дочитывая последние страницы книги, ставшей откровением. Подростки, юноши и девушки несколько раз перечитывают свою любимую книгу. Книга входит в духовный мир молодого человека на всю жизнь. Советуясь с комсомольским активом о том, чем живет каждый наш воспитанник, мы всегда обеспокоены вопросами: какие книги увлекают подростка, юношу, девушку? Есть ли уже у подростка любимая книга? Какую книгу он перечитал несколько раз? В какой книге ему засиял свет, при котором он увидел сам себя, стал думать: кто я и зачем живу на свете, где мой корень, что я сделал для Отечества и что должен сделать? Какая книга дала ему в руки мерку, с помощью которой он стал измерять сам себя? Какие книги есть в его личной библиотеке?

Этот последний вопрос нас волнует больше всего. Я, воспитатель, вправе считать себя наставником, вдохновителем дум и стремлений своего питомца только тогда, когда первым, что он захочет купить, заработав первый в своей жизни рубль, будет книга. Мы добиваемся того, чтобы у каждого нашего воспитанника была своя личная библиотека. У одного — сто книг, у другого — тридцать. Решающее значение имеет не количество книг, а то, чтобы страницы и строчки любимых книг звучали для его сердца, как звучит музыкальный инструмент, к которому прикасаются пальцы музыканта. Личная библиотечка воспитанника — это один из главных показателей его духовной культуры, это вместе с тем зеркало нашего воспитательного мастерства. Человек, не знающий радости духовного общения с книгой, не отдающий предпочтения книге перед другими источниками культуры и наслаждений, — это наша неудача в воспитании и наше горе.

Но постигнуть радость общения с книгой, познать ни с чем не сравнимую прелесть тех вечеров и выходных, когда ничто не в силах оторвать от книги — ни кино, ни футбол, ни другие легкие зрелища, ценность которых сводится к нулю, если в человеческой душе ничего больше нет, кроме них, — постигнуть и познать эту высшую интеллектуальную радость человек может лишь тогда, когда его духовный наставник — педагог — влюблен в книги. Все воспитательные системы и теории рассыпаются в прах, если учитель не книголюб в самом лучшем смысле этого слова, если в его интеллектуальной жизни книга не занимает главного места. Я был бы перед своим воспитанником безъязыким, немым или косноязычным человеком, если бы не умел высказать ему

тончайшие движения человеческой души языком книг, если бы книги не досказывали то, что я начинаю говорить, о чем лишь намекаю. Несколькими тысячами книг в моей личной библиотеке предначинаны специально для того, чтобы найти тропинку к каждому неповторимому человеческому сердцу.

Я смотрю на книги, стоящие на полках моей библиотеки, и за каждой из них вижу человеческую судьбу. Вот книга о Сергее Лазо. Каждый раз, когда я открываю ее, мне вспоминается трудная судьба четырнадцатилетнего Коли Широкого. Вспоминаю, как, прочитав эту книгу, Коля сказал: «Теперь я знаю, для чего человек живет на свете».

Каждый наш учитель является наставником подростков, юношей и девушек. Мы считаем своим воспитательным идеалом то, чтобы у каждого педагога были свои ученики. В это понятие мы вкладываем вот какой смысл: каждый преподаватель открывает в ученике, образно говоря, драгоценную жилку способностей, открывает и утверждает наклонность, интерес к своей науке. У математика — свои ученики, группа школьников, выявивших способности к изучению математики; у физика — свои ученики, у литератора — свои, у преподавателя механизации сельскохозяйственного производства — свои. Каждый преподаватель, а лучше сказать, воспитатель способностей, открыватель интеллектуальной сердцевины человека, стремится к тому, чтобы его ученики, выйдя за пределы программы, увлеклись научной литературой. Каждый преподаватель — организатор и душа научно-предметного кружка. В стенах школы отдельные ученики делают первые шаги в опытничестве, экспериментировании.

Мы думаем о каждом из своих воспитанников: чей он ученик? Удалось ли нам, педагогам, открыть драгоценную жилку в каждом? Постиг ли уже каждый наш питомец духовную полноту и радость жизни в мире книг и самостоятельного добывания знаний? Осмыслил ли и почувствовал ли сердцем, в чем его золотая жилка — способность, призвание, талант? Если хоть на один из этих вопросов ответ отрицателен, значит, мы, педагоги, еще не начали настоящего воспитания — воспитания каждой человеческой личности.

Многолетний опыт убеждает в том, что очень важным источником воспитания нравственной зрелости, гражданского сознания, стремления к богатой интеллектуальной жизни является марксистско-ленинская теория. Мы, воспитатели, считаем своим святым долгом добиться, чтобы наши юноши и девушки поняли: научный коммунизм — это не сухие формулировки, а глубоко волнующие, интересные, захватывающие, близкие к вдохновенной поэзии страницы, горящие вечным, неугасимым светом. Мы добиваемся того, чтобы подростки и юношество прикоснулись непосредственно к этим страницам, а не получили представление о марксистско-ленинской теории только на основании статей и книг, комментирующих первоисточники. Кружок юного марксиста или философский кружок в школе — это для юношества так же необходимо, как азбука для первоклассников. На занятиях философского кружка мы читаем старшим пионерам и комсомольцам отрывки из произведений основоположников научного коммунизма — от первого труда Маркса, его гимназического сочинения «Размышления юноши при выборе профессии», до ленинского «Материализма и эмпириокритицизма».

Да, главное здесь — чтение, потому что ничто не может быть сильнее вечного слова, открывшего людям великую правду об их жизни и борьбе за светлое будущее. Страницы «Капитала», «Диалектики природы», «Государства и революции», «Материализма и эмпириокритицизма» захватывают юношей и девушек великой силой логики; перед юношеством открывается поэзия мысли, им хочется читать труды классиков марксистско-ленинизма самостоятельно. Мы считали бы воспитание молодежи неполноценным, если бы в годы отрочества и ранней юности каждый не прикоснулся душой своей к великим истинам, научившим человечество, как преобразовать мир.

Юный мой друг, мне хочется закончить свое письмо, повторив еще раз, что мы, педагоги, строим коммунизм в душе человека. Утвердить коммунистическое в сознании, мыслях, чувствах, порывах — это значит возвысить человека в собственных глазах, поднять его на вершину интеллектуальной и нравственной культуры, на всю жизнь зажечь в его сердце факел человеческого достоинства, чтобы при этом ярком свете он всегда видел мир и самого себя.

Павлышская средняя школа,
Кировоградской области.

ЧТО ТАКОЕ

невесомость?

Слово «невесомость» сейчас произносят не реже, чем «космонавт». Но не все знают, почему космонавты, вышедшие в своем корабле на орбиту, испытывают полную потерю веса. В самом деле, почему? Потому что удаляются от Земли, притягивающей их к себе? Нет. Космические корабли с людьми еще ни разу не удалялись настолько далеко, чтобы сила земного притяжения ослабилась хотя бы незначительно. Для этого нужно улететь на сотни тысяч километров от Земли. Даже Луна, находящаяся более чем в 350 тысячах километров от нашей планеты, не может вырваться из сферы земного притяжения.

Значит, притяжение Земли, создающее вес любого тела, по-прежнему действует на космонавта. Но одновременно на него действует и другая сила — центробежная сила вращения...

Вот мальчишка крутит на нитке грузик. Чем быстрее крутит, тем туже натягивается нитка, грузик будто рвется из рук. Что же влечет его? Центробежная сила вращения.

Грузик на нитке — это грубая модель спутника Земли, модель, в которой нитка заменяет силу притяжения. Если повторить опыт с грузиком, привязав его на резинку, модель станет более точной: при малой скорости вращения резинка растягивается мало, а по мере увеличения скорости — все больше... Так и спутник: при малой скорости запуска он обращается вблизи земной поверхности, при большой — уходит далеко, и чем он «быстрее», тем дальше его отбрасывает центробежная сила. Но этому «дальше» есть предел. Центробежная сила зависит от количества оборотов спутника вокруг планеты за какую-то единицу времени. А вы сами понимаете, что на большом расстоянии от Земли спутнику приходится проделывать более длинный путь по орбите и за сутки он успевает совершить меньше оборотов. Вот и получается, что близ Земли, при большом числе оборотов спутника, центробежная сила была очень велика, с его удалением стала уменьшаться и в какой-то момент сравнялась с силой земного притяжения. В этот момент спутник перестает убежать от Земли и ложится на постоянную орбиту. Тут-то и возникает у космонавта состояние невесомости: центробежная сила полностью уравновесила силу притяжения, космонавт не ощущает действия ни той, ни другой!

ПОЧЕМУ

на велосипеде
ехать легче,
чем идти пешком?

Потому, что человек неважно «сконструирован». Мы часто восхищаемся предусмотрительностью природы, не зная, что у нее много просчетов.

Очевидно, каждый замечал, как трудно стоять на месте — просто стоять, без всякого груза. Ноги утомляются не многим меньше, чем при ходьбе. Человек плохо приспособлен к тому, чтобы «просто стоять» — как стул или телеграфный столб: не вся тяжесть ложится на кости скелета, мышцам тоже приходится работать. Они поддерживают ноги выпрямленными, следят за равновесием всего тела, не дают сгибаться спине. Когда мы стоим, одновременно работают более 400 различных мышц. Происходит, в сущности, совершенно производительная трата сил. Ну, а при ходьбе? И здесь примерно то же. Лишь малая часть усилий затрачивается на перемещение, основная уходит на поддержание равновесия, на опору... А при езде на велосипеде, хотя наши собственные ноги тоже работают, опоры не требуется. Велосипедист сидит, как на стуле, и мышцы всей нижней части тела заняты только полезной работой. Разгружены и спинные мышцы —

руками велосипедист опирается на руль.

Заодно — полезный совет. Не надо опускать руль слишком низко: это во вред дыханию и кровообращению.

ПОЧЕМУ

рыбы
молчат?

Рыбы не молчат, они очень «разговорчивы», только мы их не слышим... Почему?

Все, что мы слышим, исходит из какого-либо источника звука: из горла, от струны, падающей капли, железа, по которому ударили молотком. Казалось бы, между названными предметами нет ничего общего. А на самом деле есть. Звук может издавать только колеблющееся тело, дрожащее, если говорить не по-ученому. Дрожат голосовые связки в горле, дрожит струна на гитаре.

Человеческое ухо так устроено, что может слышать звуки, но не все. Источник звука должен для этого колебаться не реже 15 раз в секунду и не чаще 20 тысяч раз. Называется это полосой звуковых частот. Если же тело колеблется чаще, то говорят, что у него ультразвуковая частота колебаний.

Жители вод издают именно такие колебания. Просто ухом их не уловишь, а с помощью особых приборов можно слышать, как «разговаривают» рыбы.

ХЛЕБ, МЕТАЛЛ И ФАНТАЗИЯ

Все, чем поражает эта выставка — и машины, и модели орбитальных космических станций, и ковры, и диковинные крендели, — сделано теми самыми руками, в которых будущее нашей промышленности.

Надя Глебова в этом году окончила 118-е ПТУ Москвы. Она будет работать технологом на хлебозаводе и учиться заочно в институте пищевой промышленности. На выставке она демонстрирует действующую модель хлебозавода, где ручной труд сотен пекарей полностью заменяют машины-автоматы. Надя принимала участие в разработке чертежей, изготовляла и собирала наиболее ответственные узлы этой модели. Ее вы видите на нашей владке (снимок внизу).

«В руках юных мастеров и металл умеет говорить!» — этой надписью открывается стенд профтехучилища № 18 города Касли, Челябинской области. Знаменитое каслинское чугунное литье. Символическая фигура Аф-

рики, разрывающей цепи, скульптурная композиция «В космос» и тут же шкатулка, словно из черных кружев. Не верится, что эти ажурные сплетения — чугун...

— Чугун самый настоящий, — улыбается Александр Семенович Гилев, старший мастер-скульптор училища. Шкатулка — работа Нины Никитиной. Блюда чеканила Надя Волкова. Год назад она окончила училище и теперь мастер художественного литья на чугунолитейном заводе в Касли.

А вот чеканка на алюминии Любы Морозовой. «Вьетнам-68»... — мать и прильнувшая к ней плачущая девочка. Такая ссорь в материнской фигуре! И еще одна работа Любы Морозовой — скульптурный портрет девушки. Он весь искрится, точно излучает свет. Эффект, оказывается, создают обыкновенные песчинки, вкрапленные в металл.

Б. МИСЮК

НА ВСЕСОЮЗНОЙ ВЫСТАВКЕ ТЕХНИЧЕСКОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА УЧАЩИХСЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКИХ УЧИЛИЩ.

ИЗ КНИГИ ОТЗЫВОВ

Выставка изумительная, чувствуется мысль, вкус, мастерство. Отлично, молодая смена!

Делегация съезда учителей,
Минская область.

Мы восхищены своими ровесниками. Все вещи на выставке действительно разговаривали с нами.

Учащиеся техникума имени Моссовета.

Вот это да!!!
Спасибо, ребята. Растите дальше, не зарывайте свои таланты. Учите других.

Бабушка, 75 лет, Москва.

Сегодня я первый день на пенсии. Проработала 41 год. Пришла посмотреть, какая идет смена. И спасибо вам, ребята, за такой подарок в день моего 55-летия. Я спокойно буду отдыхать.

Желаю вам счастья!

А. Новикова, Москва.

Удивлены тем уровнем культуры и технического мастерства, которого достигла советская молодежь. Нам еще далеко до этого.

Французская молодежная делегация, 4 подписи.

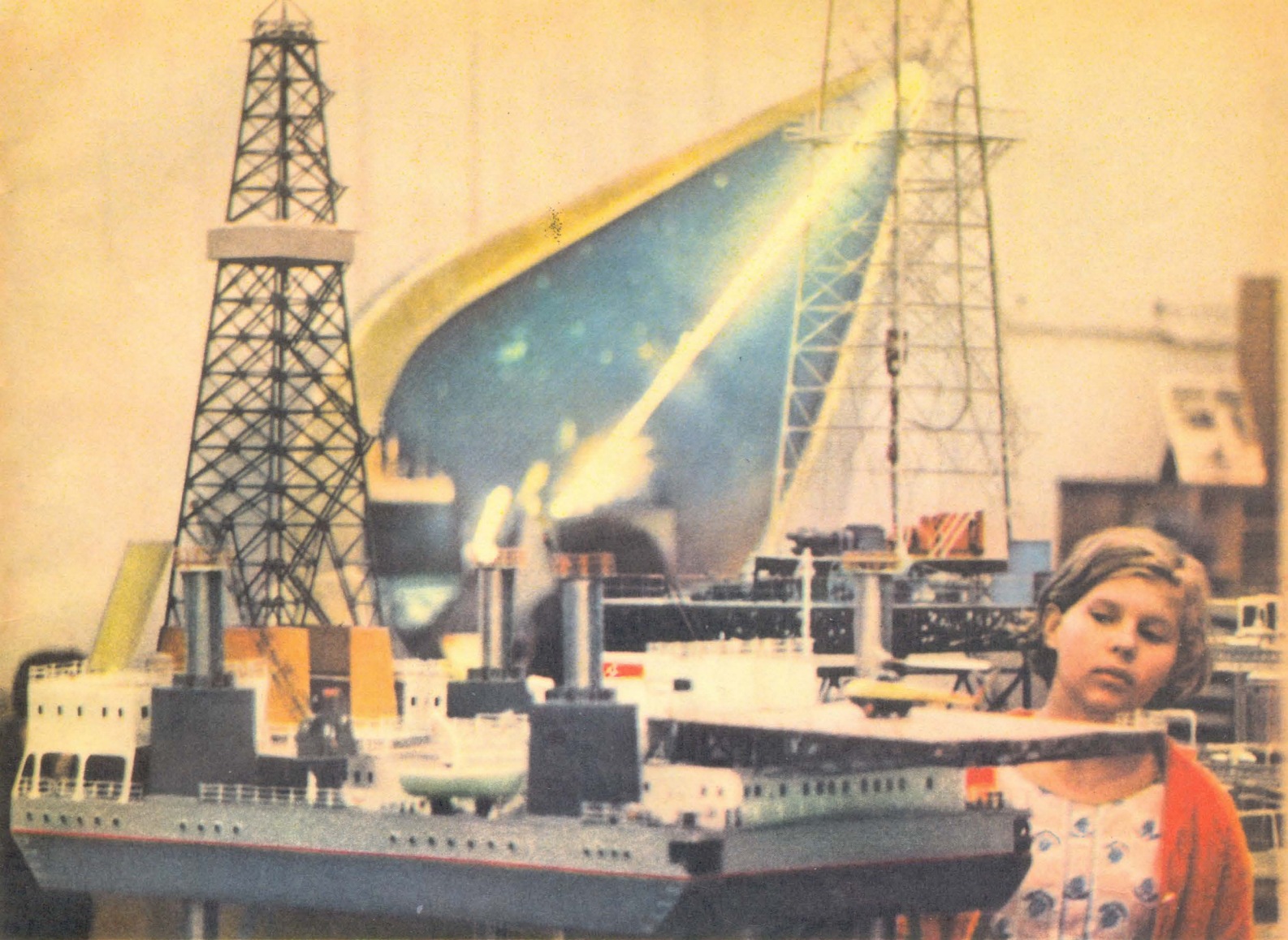

Фото Н. МАТОРИНА.

Колхоз «Путь Ленина», Ставропольского края. За штурвалом комбайна — отец и дочь Ахмедзяновы. Комсомолка Надя, ученица сельскохозяйственного профтехучилища, проходит на уборке практику у своего отца — опытного механизатора Ильи Ахмедзяновича.

Фото С. ПАНОВА.

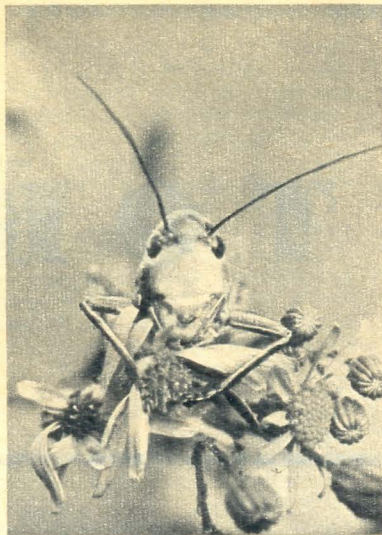
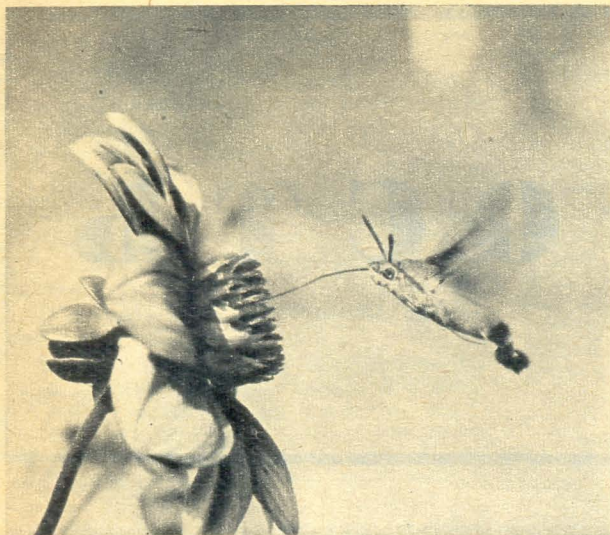

Фото Б. РАСКИНА.

ЗАМЕТКИ О ПРИРОДЕ

И. АКИМУШКИН

КТО КАК ЕСТ

Все по-разному. Тигр перед тем, как приступить к трапезе, сдирает со своей жертвы шерсть. Он даже утку и кролика может начисто ощипать, не испортив кожи.

Орел и ястреб тоже ощипывают добычу, а сокол клюет ее по кусочкам, оставляя перья в крыльях и хвосте.

Совы любят глотать птиц и мышей целиком. Только ежа не глотают. А почему, сами понимаете. Филлин, когда поймает ежа своими длинными когтями, выклеивает по кусочкам его живот: там иголок нет! Енот-полоскун перед едой берет передними лапами свою пищу и полощет в воде. Утки тоже часто бегут в воду с куском, найденным на берегу, и, намочив его, глотают. Запивают водой сухую еду цапли, чибисы, журавли. Африканская змея-яйцеед глотает птичьи яйца целиком. В змеиной глот-

ке есть... «консервный нож» — костяные выросты позвоночника, специально предназначенные для вскрытия яичной скорлупы. Белок и желток вытекают прямо в желудок змеи, а скорлупу она выплевывает.

Зверям «консервные ножи» не нужны: у них есть зубы. У слона, правда, только четыре коренных зуба, но зато они меняются за жизнь слона шесть раз.

Зубы животных выполняют немалую работу. Я бы никогда не поверил, глядя на жующую овцу, что в минуту ее челюсти движутся туда-сюда 60—70 раз! У оленя поменьше: 30 раз. Каждый клоч травы, прежде чем проглотить, овца пережевывает 5—12 раз, бизон — 15—30 раз, жирафа — 14—20, а лошадь — 40 раз!

У грызунов резцы покрыты эмалью только спереди. А сзади, где более мягкий ден-

тин, зубы снашиваются быстрее. Оттого они всегда острые. Когда грызун грызет что-нибудь, его резцы самозатачиваются, а не тупятся. Они без корней и растут всю жизнь.

У белок, сурков и бобров особые мышцы могут раздвигать нижние резцы. Белка воткнет два сдвинутых вместе резца в скорлупу ореха, потом с силой раздвинет их — и скорлупа лопается. Резцами же, как пинцетом, белка вынимает по кусочкам ядра из скорлупы.

У пауков нет зубов, им нечем жевать или перетирать пищу. В то же время рот их очень мал — почти микроскопическая щель (даже у самых крупных пауков-птицеедов, поедающих не только насекомых, но и птенцов, мелких млекопитающих, ящериц и лягушек, она не больше одного квадратного миллиметра). Как

же едят пауки? Весьма оригинально: переваривают добычу не в собственном желудке, а снаружи. Многие пауки перед трапезой упаковывают жертву в своего рода кокон: оплетают ее паутиной, затем по капле напускают в эту шелковистую миску пищеварительные соки из кишечных и ротовых желез. Ткани разжижаются и перевариваются. И тогда паук высасывает свой обед глоточной трубкой, словно коктейль соломинкой.

Страшные на вид личинки жуков-плавунцов, которых немало в наших прудах, нападают даже на головастики и мелких карасей, впиваясь в них острыми и кривыми, как ятаганы, челюстями. Головастики и рыбки плавают, таская всюду за собой вцепившегося хищника, а тот медленно, но непрерывно переваривает их на ходу.

М. ЗВЕРЕВ

ЖУРАВЛИ В НЕБЕ

Журавлиный крик из-под облаков! Кто не остановится и не посмотрит вслед едва видимому треугольнику? Так высоко летят эти большие птицы, что кажутся крошечными комариками. Сколько песен и стихов сложено о журавлях, об их криках, которые весной кажутся нам радостными, а осенью — печальными!

...В это утро журавли крича-

ли тревожно. Совсем не так, как обычно. Журавлиная стая кругами винчивалась ввысь... Что напугало птиц? Я огляделся — и в стороне от стаи увидел беркута. Огромный пернатый хищник, тоже поднимаясь, кругами парил в воздухе, но был он значительно ниже журавлей. Те уже оказались очень высоко и, очевидно, почувствовали себя в безопасно-

сти: как по команде замолчали, полетели вдоль гор. А беркут, все набирая высоту, не пускаясь вдогонку за журавлями, словно они его совершенно не интересовали.

Но когда журавлиная стая сделалась едва заметной, беркут прекратил подъем и с изумительной быстротой понесся в погоню. Он успел подняться выше журавлей и, снижаясь,

выигрывал перед ними в скорости. Вот и он превратился в черную точку, которая все приближалась и приближалась к стае. И внезапно ниточка журавлей смешалась в беспорядочный клубок, стала быстро опускаться: это беркут нагнал стаю и ударил...

Вот почему журавли во время перелета стараются подниматься как можно выше.

ЖЕ С Т О К О С Т Ь

Е. ГАРИНА

Николай Петрович Хлыновский вырос в деревне в Семипалатинской области и с самой молодости приобщился к детям, может быть, потому, что его мать работала в школе. Семнадцати лет он поступил воспитателем в детский дом и увидел, что быть с детьми ему очень интересно: они любили с ним играть, разговаривать, заниматься физкультурой. Он лучше всех забивал на поляне голы, выдвигал чудеса на турнике, бегал на лыжах как ветер и даже самых беспокойных мальчишек покорял чем-то без всякого труда. В общем, оказалось, что у него педагогическая натура, и он решил стать учителем.

Он поступил на заочное отделение литфака в Семипалатинском пединституте, и через несколько лет его назначили в село Олеговку, в восьмилетнюю школу, директором и учителем словесности. К тому времени у него уже была жена, Роза Авксентьевна, и маленький сын Боря.

Розе Авксентьевне в Олеговке работы по специальности не нашлось: она была техник-мелиоратор, и ее тоже пригласили стать учительницей — ботаники и черчения. Нельзя сказать, чтобы учительское дело шло у нее так же хорошо, как у мужа: и грамотности ей не хватало и доброты к детям, но при вечном недостатке учителей в сельских школах такие вещи иногда приходится терпеть. Деятельный ее муж, Николай Петрович, счастливый своей работой, счастливый любовью к жене, был радостный ей помощник, если она где-то чего-то не умела. У них родился второй сын, Коля. Школа заботами молодого директора переехала из старенького помещения в новое, вокруг нее учителя вместе с детьми посадили сад, повесили вывеску: «Школа имени А. С. Пушкина» — словом, Николаю Петровичу работалось прекрасно и учителям с таким директором тоже было легко. Райком партии, видя, как хорошо у него складываются отношения со старыми и молодыми, решил пригласить его на партийную работу в районное село, но Николай Петрович извинился: «Нет, учительскую профессию я оставить не могу!»

В новой школе сделали паровое отопление, и потребовался источник. Администрация олеговского совхоза назначила человека, который ни в поле, ни в хозяйстве уже не работал, но Николаю Петровичу с ним не повезло: он стал приглашать в школьный подвал, где стоял котел, собутыльников, и пришлось его уволить. На его место стал проситься другой, тоже пенсионер, бывший кузнец, но ни руководители совхоза, ни директор школы не соглашались его назначить, потому что этот был уже совсем алкоголик.

Однажды в воскресенье он пришел к директору школы домой. Была осень, супруги Хлыновские ремонтировали у себя печку — Роза Авксентьевна просеивала песок, Николай Петрович возился с колосниками. Человек этот в широком дождевике остановился возле них.

— Ты слушай,— сказал он Николаю Петровичу,— возьмишь меня кочагаром или нет?

— Знаешь, отец,— обернулся к нему Николай Петрович,— приди хоть раз трезвый. Ведь ты будешь тоже в кочагарке пить и друзей туда водить, а ты подумай: в школе дети.

Вдруг Роза Авксентьевна страшно вскрикнула: «Ох!» Прогремел выстрел. Николай Петрович схватился за голову и присел на пол. Из-под ладоней у него пробивалась горячая кровавая каша.

Где-то раздался еще выстрел, потом еще. Обезумевший пьяница выпалил в дверь совхозной конторы, потом в себя и, так с собой покончив, остался лежать на площади до приезда следствия.

Вся Олеговка оцепенела от того, что случилось с Николаем Петровичем. На молоко-возе, потому что других машин на месте не было, его повезли в районное село Кокпекты. В семипалатинских больницах, в трехстах километрах от Олеговки, уже звонили телефоны и оттуда вылетел на самолете хирург.

Неделю спасали его в Кокпектах. Выстрел в голову крупной дробью был так тяжел, что мало было надежды на выздоровление. Николай Петрович лишился обоих глаз. Его мать, Нина Ивановна, приехавшая из Семипалатинска, в горе умоляла врачей и даже запросила Филатовский институт, Одессу, взять у нее один глаз и пересадить сыну, но ей ответили, что нет, наука пока этого не достигла. Так, ничем не способная помочь, она днем и ночью сидела возле сына, сторонясь, чтобы дать дорогу белым халатам, все время мелькавшим у его постели. Все врачи, все местные власти, все друзья и сотрудники Николая Петровича были в эти дни на ногах.

Жизнь Розы Авксентьевны перевернулась. Испуг, ужас от того, чему она была свидетелем, сменялся испугом перед будущей жизнью. Слепой муж! За десять лет замужества она привыкла к тому, что он берет на себя все главные заботы. О рыцарском характере Николая Петровича все кругом знали: пеленки постирать, дров нарубить, посуду помыть, за огородом поухаживать — он считал себя обязанным успеть это сделать, потому что жена тоже работает, по-

тому что она женщина и он ее сильнее. Теперь надо будет за ним самим ходить и водить его под руку.

Труд врачей и сильный организм Николая Петровича, где каждый сосуд, мускул был свеж и тренирован, помогли ему выйти из наихудшей опасности. Его перевезли в семипалатинскую больницу и там приготовились к длительному лечению. Потом ему сделают пластическую операцию, наденут темные очки. Теперь ему нужен был покой для выздоровления и более всего помощь в той невероятной душевной работе, которую ему предстояло одолеть, чье-то участие в те минуты, когда его мучила невыносимая тоска по свету. Ему надо было привыкнуть к тому, что он слепой.

Он лежал в своей темноте и думал о жене. Как она это перенесет? Что он должен сделать, чтобы это ей облегчить? По свойству своего характера он опять брал ответственность за будущее на себя. К нему приходили из общества слепых и сказали, что есть специальные детские школы, где он сможет работать учителем. А пока все это устроится — дома свои дети. Старшему мальчику одиннадцатый год, это такой возраст, когда им с отцом все разговоры не переговорить, все книги не перечитать, и у младшего тоже каждый день тысяча вопросов. Они, трое мужчин, постараются все сделать так, чтобы у мамы было поменьше забот.

Так он лежал молча и воображал, как они будут жить, стараясь сам себе поверить. Голова у него все еще была укутана в белое, но он был чуток и все кругом слышал. Он замечал, что Роза раздражена. Она приходила к нему все реже, и когда он брал ее руку, чтобы выразить ей всю бездну чувств и мыслей, не отпускающих его ни днем, ни ночью, она с нетерпением ее отдергивала.

Тем временем в Олеговке и ее окрестностях появились на столбах объявления: «Продается хозяйство Хлыновского». «Что такое,— удивились односельчане и учителя,— все здесь присмотрено, ухожено, ждет хозяев,— кто продает?» Оказалось, что приехал отец Розы Авксентьевны, бывший прокурор Самарского района, Восточно-Казахстанской области, теперь пенсионер, Шраменко,— и пока олеговские власти опомнились, от хозяйства почти ничего и не осталось.

Ну, в Олеговке Николаю Петровичу с семьей теперь все равно не жить, ему лечиться надо, и на семейном совете решили, что купят в Семипалатинске домик. «Коля, Роза,— сказали однажды его родители,— где ваши паспорта, покупку дома надо оформить». «Какой Коля?— сказала Роза Авксентьевна.— Коля теперь ничто! Если вы

хотите купить дом на его имя, то деньги у меня, я вам их не дам».

Николай Петрович не шевельнулся на своей подушке. Мать в испуге, жестами, запротестовала: что ты? Зачем ты так?— но Роза Авксентьевна не приняла предостережения: «Его дело теперь есть, да спать, и ни во что не вмешиваться!»

Домик был старенький, запущенный, но вокруг него закипела работа. Отец, дяди, братья Николая Петровича, товарищи братьев пришли с пилами, топорами, поставили новые стропила, покрыли крышу шифером, сестра и ее подруги, студентки, штукатурили и белили, сотрудники Нины Ивановны по школе, просто знакомые и соседи пристроили кухню, переложили печи, покрасили рамы— словом, вот так, «воскресенными и субботниками, обновили дом, купленные на имя Розы Авксентьевны. И когда Николаю Петровичу можно стало сделать в лечении передышку, его семья вселилась. Теперь у его жены свидетелей, кроме собственных детей, не было, и она могла выразить ослепшему мужу настоящее свое отношение.

Все оптимистические фантазии Николая Петровича оказались теперь до горького смеха нелепы. Шагая неумело по дому, с протянутыми вперед руками, когда дети уже спали, а Роза где-то в свои цветущие тридцать три года гуляла, он думал, что так жить дальше нельзя. Он неоправимо любил ее и детей, которых она родила, и сейчас ему особо нужен был их мир: ну, кто же не знает, что когда хоть взрослому, хоть ребенку плохо, то утешить его может родная рука? Внешние впечатления его сузились, и он вовсе не смог бы перенести эту потерю. И когда Роза в очередной, бесчисленный раз с каким-то садистским восторгом оскорбила его, крикнув сыну, взявшему его под руку: «Поводырем хочешь быть у отца?!»— он снял с локтя детскую руку и побежал за порог, на шум машин, несущихся по шоссе. Брат, случаем увидевший это из своего окна, догнал его на асфальте.

Что происходило с этой женщиной? Ну, предположим, что супружество стало ей неприятно: мало ли какое непроизвольное чувство может вдруг возникнуть! Но если люди много лет живут вместе, растая дети, если их связывают прочно установившиеся семейные отношения, то в миг несчастья разве может один другому сказать: «Я тебя ненавижу!»— и оставить его в беде? И даже если бы возникла какая-то неприязнь, то при чем тут дети? Почему их восстанавливают против отца, когда именно теперь в них надо было бы воспитывать особое к нему, бережное отношение, учить их человеческим чувствам? А дети Розы Авксентьевны стали получать от нее жестокие подзатыльники за привязанность к отцу.

О верности в дни несчастья много существует преданий, и я расскажу одно. Жил был в пушкинские времена хороший человек Иван Иванович Козлов, был образован, служил на государственной службе— и вдруг паралич отнимает у него ноги, а еще через некоторое время он лишается зрения. Он остался в беспомощном состоянии с женой и двумя маленькими детьми, которых ему нужно было содержать. Никто не может предсказать, на что способен человек, когда поднимаются в нем все внутренние силы, что он может преодолеть и чего достигнуть. Козлов стал всемирно известным поэтом, и вы, конечно, знаете его стихи, только так получается, что чем более ложится в память стихотворение, тем менее мы вспоминаем, кто его автор. «Вене-

цианская ночь», превращенная композитором Глинкой в музыкальный шедевр, написана Козловым— и это удивительно, до чего чудесны, жизнедающие эти стихи! «Все вливает тайно радость, чувствам снится дивный мир, сердце бьется, мчится младость на любви весенний пир...» Кто не знает эту баркаролу?

Певец, когда перед тобой
Во мгле сокрылся мир земной,
Мгновенно твой проснулся гений,
На все минувшее воззрел,
И в хоре светлых привидений
Он песни дивные запел,—

так писал Козлову потрясенный Пушкин после того, как прочитал его поэму «Чернец».

А поэма начинается с посвящения:

Прекрасный друг минувших светлых дней,
Надежный друг дней мрачных и тяжелых,
Вина всех дум, и грустных и веселых,
Моя жена и мать моих детей!
...Я в вас живу,— и сладко мне мечтанье!
Всегда со мной мое очарованье.
Так в темную ночь цветов, краса полей,
Свой запах льет, незримый для очей.

Грустно мне возвращаться к своей повести. Освободиться от Николая Петровича его жена так или иначе решила, только ей надо было сначала получить деньги на детей. Откуда же? Из пенсии Николая Петровича, которую ему определили по инвалидности. Ни слова ни ему, ни его родственникам не говоря, она подала заявление в суд, и там— что же?— как положено, так и сделали: присудили взыскивать с отца алименты. Николай Петрович узнал об этом, когда ему принесли очередную пенсию. Вот так: значит, он теперь не пристрастный и верный отец своим детям, а судебный ответчик, алиментщик.

Далее Роза Авксентьевна задумала отсудить имущество и увезти от Николая Петровича сыновей. На собственном попечении она не собиралась оставаться: у нее был попечитель и советчик— ее отец Шраменко. Выйдя с прокурорской должности на пенсию, он поселился под Алма-Атой и отсюда слал ей советы, ставшие, как это всегда бывает с недобросовестными замыслами, известными другим людям.

«На суде ты заяви,— писал он,— что мол, когда ты уходила замуж, я давал телку которая выросла в корову и когда случай получился (так он называет несчастье с Николаем Петровичем; замечу еще, что оставляю в неприкосновенности всю его живописную безграмотность) продала корову, кормленную свиною продала и ряд своего имущества и скопила деньги за которые в г. Семипалатинске купила дом и его переделала. Ты на суде не стесняйся все расскажи что мол случай с ним произошел по его вине так как он с ними пьянствовал и скандалил. Мое мнение если он наличными оплатит тебе 650 рублей брос канитель с судом но только наличными. Если у тебя будут деньги 650 рубл. то можно будет здесь построить домик как увас, а строить мы поможем».

Вот, судите, какой у Розы Авксентьевны имелся бивальный советчик.

Все тут, от телки до обвинения Николая Петровича в пьянстве, было ложь и кощунство, которые этот бывший страж закона хотел беззащитно противопоставить правосудию.

Никто, однако, с Розой Авксентьевной и не думал судиться; опять-таки родственники и друзья Николая Петровича собрали деньги, сколько она требовала, и передали ей.

Николай Петрович был дома, когда с улицы однажды забежал младший мальчик и сказал: «Папа, мы уезжаем, грузовик пришел с вещами и легковое такси!» «Как?— проговорил Николай Петрович.— А где же

мама?..» «Она со своими знакомыми прощаться пошла!»

Он вышел с палочкой и остановился в сторонке, пока грузили вещи, мебель. Он не видел, что вокруг собрались люди, что многие плачут и что шофер такси отвернулся. Раздраженная этим непрошеным окружением, Роза Авксентьевна толкнула детей в машину и захлопнула дверцу: «Ладно! Не поминайте лихом!» И, пожалуй, как раз в это время навстречу ей из Олеговки в Семипалатинск ехала машина, груженная мукой, картошкой, капустой, маслом, медом— это из совхоза, хотя уже давно Николая Петровича там нет, слали ему и его хозяйке провизию. Не в подарок и не по долгу, а просто не могли не помочь и не отозваться. Там и в голову никому не могло прийти, что машина остановится перед пустынным домом.

Вскоре Николай Петровича направили долечиваться в Алма-Ату, в клинику медицинского института. Его повезла мать и очень волновалась по приезде: он просил повести его в магазины, чтобы закупить детям костюмчиков, сапожек, игрушек. Врачам он сказал, что явится в клинику дня через два, а пока побудет с сыновьями. В непогоду, в осеннюю грязь, со свертками и коробками они добрались на пригородном автобусе до поселка Первомайского— и, по счастью, сразу же встретили на улице детей! Жены не было, дом, где они жили, был на замке, и мальчики, подхватив отца с двух сторон, повели его и бабушку Нину Ивановну к деду Шраменко. Там их с негодующим криком встретила Розина мать, но это была только цветочки. Ягодки начались, когда явился отец. «Вы что приехали?! А ну-ка вон отсюда!»— волевал он на крыльце, перекрикивая яростный лай цепного пса.

Тем же поздним вечером Нина Ивановна привела сына в клинику и, когда его уложили в постель, вышла на улицу и стала думать, где ей ночевать. У нее был записан телефон одной учительницы, которая работала когда-то в Семипалатинске, и хотя она была с нею незнакома, а делать ничего не оставалось. Ее прекрасно там приняли, она прожила в этой семье неделю, а перед отъездом учительница Ирина Ивановна Гартман попросила познакомиться с Николаем Петровичем. И теперь эту веселую, энергичную женщину знает все отделение, где лежит Николай Петрович, она и ее муж стали близкими его друзьями. Пижама, которую носит Николай Петрович, выстирана и наглажена Ириной Ивановной, пироги к празднику приносит Ирина Ивановна, а когда Николаю Петровичу становится одиноко, он усаживается у телефона и в разговорах с мужем Ирины Ивановны узнает кучу всемирных новостей...

Я тоже была у Николая Петровича в клинике и расскажу, как обступили меня его соседи по палате, когда он вышел на перевязку. «Переговорите вы с какой-нибудь школой, пусть хоть чужие дети его навещают. Он детей любит, все время говорит о своих мальчиках. Когда были школьные каникулы, то каждый день ждал: вдруг Боря придет? Так никто и не пришел. Днем нервничает, прислушивается, ночью не спит. Проснешься иногда, взглянешь в темноте, а он сидит на постели и читает». (Ночью читает— мелькнуло у меня недоумение, и тут же самой горько стало: какая ему разница— ночь ли, день ли? Он читает пальцами, осязанием, уже научился— я видела у него толстый картонный том Эмиля Золя.)

КРОПОТКИНСКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ, 17

В раздевалке меня остановил врач в белой шапочке и халате: «Надо полагать, вам удастся пристыдить эту женщину? Что за жестокость!.. У него плохо идет заживление, потому что он страдает».

Потом я тоже поехала в поселок Первомайский и встретила почти такой же прием. «Надоело! — шумел Шраменко. — Этот Хлыновский мне никто, я к нему никакого отношения не имею! Зять — это еще не родня!» Роза Авксентьевна явилась взвинченная, враждебная, ее мать кричала: «Он нам совсем не нужен! Мы ничего не знаем, вы к нам не ходите!»

Семилетний мальчик с чемпионской медалью из кусочка фольги на выпущенной из штанов рубашонке вбежал было в комнату, но тут же выскочил; это, как видно, был Коля, младший сын Николая Петровича. «А где старший?» — спросила я, вставая. Хотелось его повидать: все-таки мальчик уже большой, двенадцать лет. Мне неохотно ответили: «В школе».

Во время перемены под каким-то тактичным предлогом его позвали в учительскую. И, право, из всех тяжелых впечатлений, которые я пережила в связи с этой драматической историей, встреча с этим мальчиком оказалась впечатлением самым тяжелым. Он был маленький, худенький, стоял посреди учительской в своем сереньком неряшливом ученическом костюмчике, — и приходилось ли вам вот так, со стороны, глядя на какого-либо ребенка, чувствовать, что происходит у него на душе? Этот мальчик был переполнен горем, чувство это было безошибочное, новое для меня, но не новое для учителей. Не думаю, чтобы он по возрасту своему мог так тяжело переживать несчастье отца. Он переживал свое несчастье: за разговор об отце, за желание с ним повидаться, за самую память о нем — а куда она денется у ребенка? — за те злополучные сапожонки и костюмчики, которые тогда принес отец, — за все это мальчику приходилось расплачиваться страхом. «А тебе, Борька, будет!» — кричала бабка, когда дети в тот раз примеривали обновки.

Роза Авксентьевна свое дело совершала, по-видимому, для счастья. Хорошо бы у нее сейчас спросить: счастлива ли она? И что это вообще за штука такая, счастье, из чего оно состоит? Вот над этим люди думают столько, сколько существуют, и как оно, это счастье, ни многообразно и для каждого свое, а установлено, что есть для него одно неизбежное условие: не надо быть подлецом, если желаешь себе счастья. Природа оснастила человека совестью, и если эта сила в нем не работает, то все равно его прижмет к стенке совесть окружающих. Откуда мы знаем об этой казахстанской истории? Ведь это далеко. И ни сам Николай Петрович, ни его родители никуда не писали, а между тем в нескольких московских редакциях получили письма с рассказом об этой истории, и, как выяснилось, авторы друг друга даже не знают.

Я слышала один раз, как пожилая, мудрая женщина говорила на завалинке молодой бабенке, не желающей помнить, что у нее в детдоме живет ребенок: «Что же ты, матушка?..» «Вы бога раньше боялись, а мы ничего не боимся!» — лихо отвечала бабенка.

Да, теперь мало кто боится наказания свыше; но от этого не рвутся человеческие связи и не иссякает ответственность человека перед другими и перед самим собой, потому что ему дальше жить и ему познать то, что посеял. Это людским опытом хорошо проверено.

Семипалатинск — Алма-Ата.

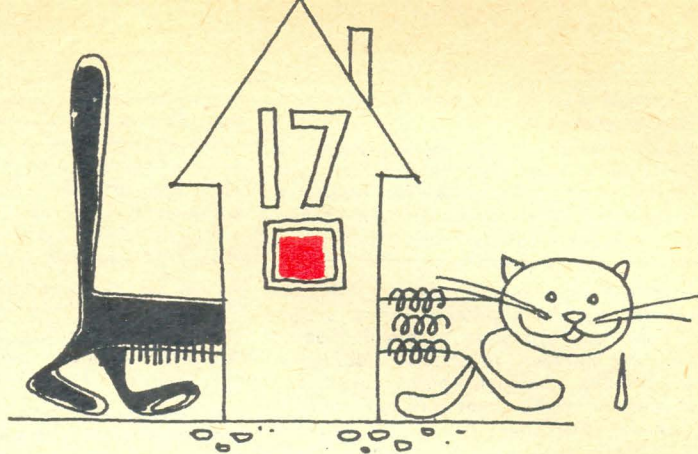

Рисунок И. КЛЕШКО.

Помните, совсем недавно в приемных пунктах химчистки висели строгие объявления: «Изделия из дублированных тканей в чистку не берем!»

А потом объявления исчезли.

— Фабрика получила технологию чистки, — объясняли приемщицы.

А кто прислал? Кто разработал технологию? Научно-исследовательский теххимический институт бытового обслуживания. Его адрес: Москва, Кропоткинская набережная, дом 17.

Здесь работают инженеры, химики, обувщики, парикмахеры, экономисты.

Одна из лабораторий называется «Технология химчистки и крашения одежды».

— Наши сотрудники, — рассказывает заведующая лабораторией Наталья Вячеславна Угримова, — детально знакомятся со всеми новыми тканями. Мы должны научиться чистить их раньше, чем ткани придут в магазины. А это с каждым годом все труднее.

На фабриках химчистки чаще всего пользовались трихлорэтиленом. Но дублированные ткани от его воздействия расплавились. С искусственной замши сходил ворс. Скручивалась металлическая нитка — люрекс — в нарядных, вечерних тканях.

Полтора года лаборатория испытывала различные химикаты, проверяла их действие на кусках тканей. И часто после таких опытов все приходилось начинать сначала. Надо было еще решить, как отделять изделия — на манекенах или прессах, как, при какой температуре гладить. После долгих опытов технология чистки дублированных тканей, искусственной замши и тканей с люрексом была разработана. Теперь эти вещи повсюду принимают в чистку.

Десятки задач только в области химической чистки одежды. Не меньше и в крашении. Недавно лаборатория предложила новую технологию окраски синтетических шуб — теперь на фабриках химчистки их не только вычистят, но и обновят цвет.

Одна из групп лаборатории парикмахерского дела занима-

ется париками из искусственного волокна. Сотрудники лаборатории решили использовать для изготовления париков моноволокно. Сняли его неестественный блеск, сделали эластичным, подобрали красители — и вот уже первый парик «гуляет» по Москве. А владельца его, лишившаяся волос после болезни, сказала мастеру: «Я снова чувствую себя человеком».

Недавно в парикмахерские поступил новый состав для химической завивки волос — «Завитоль». Это тоже продукция института. Раньше парикмахерам трудно было сделать хорошую, крупную химическую завивку на крашенных, обесцвеченных волосах: составом «Локон» и «Лонда» такие волосы подчинялись плохо. «Завитоль» послушны любые волосы. К тому же этот состав дешевле.

Еще одна новинка — пастообразные краски. Обычные, жидкие краски стекают на концы волос, плохо задерживаются на корнях. А новые меняют цвет волос в один прием, сохраняют их блеск и эластичность. Выпущена первая опытная партия этих красок: цвета — черный, темный шатен и каштановый.

Появятся и новые бигуди — пластмассовые, похожие на ежиков. Волосы на них не перегреваются, дольше держатся укладка...

Это дела только двух лабораторий. А всего их больше двадцати.

Обувная лаборатория испытывает новые краски для обуви, долго сохраняющие свежесть, яркость. Интересна еще одна новинка — каблучки всех цветов из прочной пластмассы. Их не надо обтягивать кожей, они не обдираются и долго не стачиваются.

Есть в институте экономические лаборатории, которые заняты прейскурантами. Сейчас в республиках, в областях — разные цены на одни и те же бытовые услуги. Надо унифицировать цены, конечно, с учетом особенностей каждой республики, города и деревни. Это тоже должна решить лаборатория института

Т. ЗЕНКЕВИЧ

Это случилось в ноябре. Мы жили на окраине — огромные поля лежали за нашим домом, и было слышно, как ветер шевелит несжатую рожь. Снег выпал рано, мелкий и колючий, как железные гвоздики. Листья облетели, и нам хорошо стали видны телеграфные столбы вдоль дороги, они ровными цепочками уходили на восток и на запад.

Дома, похожие на перевернутые коробки из-под ботинок, были расставлены по обе стороны дороги. За ними виднелась старая колокольня. Она была расположена в старой части Джексонвилла. Там же находились ратуша и танцевальный зал.

— Город у нас благородный, — любил говорить Билл Стоун, — нет ни бродяг, ни жуликов.

Зато ни один негр не имел права остаться на ночь в Джексонвилле. Поэтому всякий, кто хотел пользоваться услугами негров, должен был привозить их из Стилтауна — до него было семь миль — и отправлять обратно засветло. Как-то мы оставили у себя заночевать девушку-негритянку. Как раз в ту зиму свирепствовал вирусный грипп; он свалил даже нашу мать, которая до этого ничем не болела. Мы надеялись, что о присутствии девушки, которая выполняла роль сиделки, никто не узнает, но около двенадцати ночи к нам в дом настойчиво постучали, потребовав, чтобы негритянка покинула пределы города.

Но вообще-то Джексонвилл — неплохой город, хотя ничего необычного в нем никогда не случалось. Иногда, правда, здесь останавливаются проезжие туристы, чтобы перекусить и немного отдохнуть у Билла Стоуна, который держит небольшую гостиницу. Отец тоже прикрепил к воротам вывеску, зазывающую туристов. Одновременно с вывеской он пристроил к дому веранду и соорудил навес для машин. И проезжие стали охотно устраиваться у нас на ночь, тем более стоило это всего пятьдесят центов. Со временем вывеска поблекла, и мать попросила ее снять.

— Надобность в ней миновала, — говорила она, — все теперь объезжают наш городок. — А на самом деле ей неприятна была отцовская идея соперничества с Биллом Стоуном. — Слово мы не у себя дома, — повторяла она, возражая против вывески, — не хочется больше видеть этих постояльцев.

— Пусть повисит еще некоторое время, — уговаривал отец, — может, кто-нибудь из путешественников еще и взглянет к нам.

И я хорошо помню день, когда к нам наконец «заглянули». Близился вечер, начинало смеркаться. Они тряслись в открытом автомобиле, «форде» старой модели. Ветер налетал с полей и несся вдоль дороги, словно ледяная вода, увлекая за собой мелкий снег. Мертвые колосья шелестели, словно обрывки бумаги.

— Кто-то подъехал? — спросила мать, услышав, как гравий захрустел под колесами машины.

— Какие-то негры в «форде», — ответил ей отец, выглянув в окно. — Господи! Ну и машина!

Мы, дети, прижавшись лицом к стеклу, разглядывали эту старую развалину. К табличке с номером был прикреплен ржавой проволокой кусок заляпанного грязью картона, на котором было едва различимо слово «Молодожены»¹. Рядом болтался локот белого атласа. Радиатор, видно, протекал, потому что пар валил, как из котла, но зато капот был обвит гириляндой искусственных роз с грязными лепестками.

Молодожены вышли из машины и, согнувшись под напором ледяного ветра, направились к дому. Юноша робко постучал в дверь.

— В чем дело? — крикнул отец, чуть приоткрыв дверь.

— Впусти их, Джон, — попросила мать, — ты застудишь весь дом.

Они вошли и молча остановились у порога. Девушка не переставала дрожать.

— Мы из Мемфиса, — начал юноша. — Едем в свадебное путешествие на восток, к Нью-Йорку. Но сегодня я больше не в состоянии вести машину.

Глаза у парня глубоко ввалились, скулы были плотно обтянуты кожей.

— Вы не можете ночевать здесь, — отрезал отец. Он сказал это нарочито громко, словно обращался к глухому или к ребенку.

— Почему? — спросил юноша. — В чем дело? Разве у вас не останавливаются проезжие?

— Нет, — снова повторил отец. — У нас, в Джексонвилле, негры не останавливаются. Юноша растерянно мям свою шапку, словно ждал, что ему все же предложат остаться.

— Но у вас там вывеска... — робко сказал он. — Нам бы только переночевать. У нас свадебное путешествие, — повторил он опять. — Мы поженились в Мемфисе, но там нет работы не только для негров, но даже для белых.

— Вы не можете остановиться здесь. — Отец был непреклонен. — У нас в Джексонвилле негры не останавливаются. Может быть, в Стилтауне вы сможете переночевать.

— А далеко до Стилтауна? — спросил юноша. Его жена, казалось, собиралась заплакать.

— До Стилтауна семь миль. Вам надо торопиться, чтобы добраться засветло.

Юноша ничего не ответил, только умоляюще взглянул на отца.

Минуту спустя молодые люди снова вышли на улицу и сели в свой «форд».

— В Стилтауне ни в какую гостиницу их не пустят, — зябко кутаясь в шаль, сказала мать.

— Я знаю. — Отец забарабанил пальцами о подоконник.

Мы стояли у окна и смотрели, как «форд» наконец двинулся. Хотя к тому времени разыгралась настоящая метель, мы еще могли какое-то время видеть красные розы, развевающую ленту и табличку «Молодожены». Но через несколько секунд все расплылось и исчезло в снежном вихре.

Перевел с английского
А. Берг.

Д. ДЖОНСОН

Рассказ

Рисунок А. ВОЛКОВА

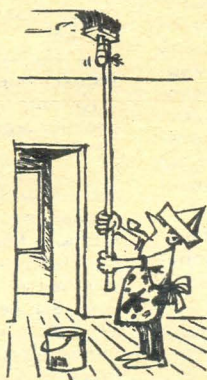
МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ

¹ В США такая табличка обычно вывешивается на автомобиле, в котором молодожены совершают свадебное путешествие.

...ДВЕРЬ НЕ ЗАКРЫВАЕТСЯ

Это не повод для огорчений. Берите рубанок и... Стойте! Пусть рубанок пока полежит. Сначала выясним: почему все-таки дверь не закрывается, не влезает в дверной проем? В домах-новостройках это уладится само собой, как только дом просядет и разбухшее дерево высохнет. Но если прошел месяц, а дверь по-прежнему не входит в проем, — возьмите рубанок и снимите одну (не больше!) стружку. Только определите точно, с какой стороны это нужно сделать.

В старых домах дверь начинает задевать о косяк из-за того, что ослабевают дверные петли. Иногда их можно укрепить, подложив каную-нибудь

прокладку — кусочек пластика или линолеума. Если же шурупы совсем разболтались, выверните их, вставьте в отверстия небольшие деревянные пробочки, смазанные клеем, а когда клей высохнет, винтите шурупы на место.

...ОБЛУПИЛСЯ ПОДОКОННИК

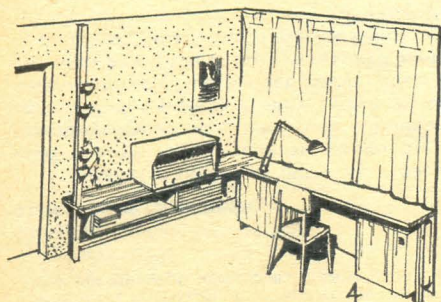
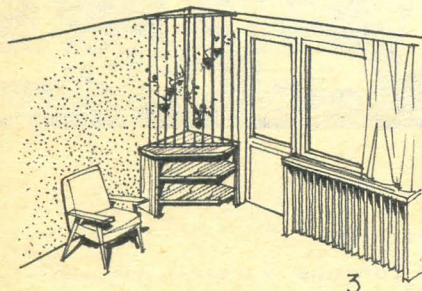
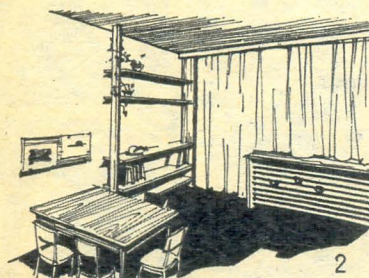
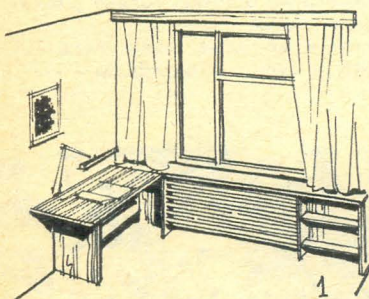
Если краска на подоконнике полопалась и начинает шелушиться, не старайтесь прикрыть трещины, переставляя с места на место цветочные горшки. Тут поможет только одно: новая окраска. И вы вполне справитесь с этим сами.

Наждачной бумагой (или проволочной щеткой) отдерите остатки старой краски. Приготовьте кисть. Масляную краску хорошо размешайте деревянной палочкой. Кисть не оку-

ните слишком глубоко, иначе при окраске будут потеки. Помните: лучше меньше краски, чем больше. Можно укрепить поперек банки палочку или проволочку и вытирать об нее кисть.

Старайтесь наносить краску равномерно, водите кистью вперед и назад, в продольном направлении. Не бойтесь, если первый слой получится неровный, покройте еще раз. Но перед этим дайте краске высохнуть и замажьте все щели.

Тан же можно покрасить и раму окна (сменив заодно старую замазку).

«Полезная площадь» окна

Хорошо, когда в комнате большое окно, а то и два — много света, солнца, воздуха. Но иная хозяйка, оглядев такую комнату, вздохнет: «Ни одной стенки свободной! А куда же ставить мебель?»

Немного фантазии, и окно тоже превратится в «полезную площадь». Посмотрите, что предлагает архитектор В. СТРАШНОВ.

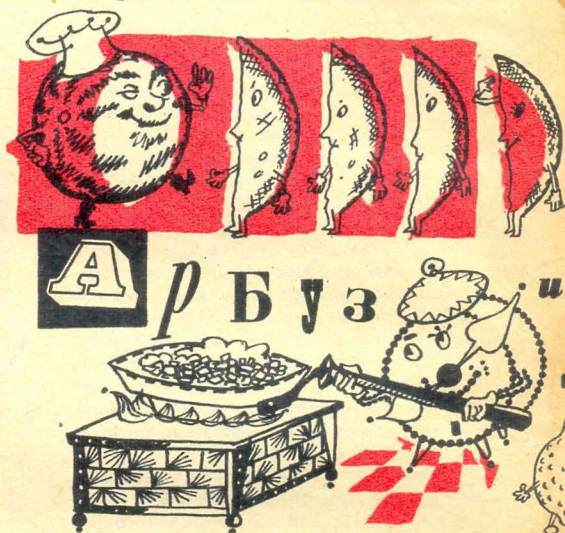
1. Декоративная занавеска закрывает всю стену, создавая впечатление большого оконного проема. Батарея закрыта деревянной решеткой, состоящей из реек и двух вертикальных доскопоров. Продолжением решетки служит полка, где можно держать газеты, журналы (книжки портятся при длительном соседстве с батареей). Слева — доска, которая, откидываясь, превращается в рабочий стол.

2. В комнате окно и стеклянная балконная дверь. Занавеска из двух частей — одна длинная, до пола, другая доходит лишь до подоконника. К декоративной решетке, закрывающей батарею, подвешены яриче керамические увлажнители. У стены небольшой книжный стеллаж. В распор пола и потолка ставятся две вертикальные стойки, а к ним подвешивают готовые или сделанные из досок полки.

3. Интересно оформлен угол возле окна — угловой столик с полками и протянутая от потолка проволока, на которой подвешены горшочки с цветами.

4. В маленькой, тесной комнате, где дорог каждый метр, можно устроить под подоконником две тумбы с ящиками для журналов, бумаг, игрушек. Горизонтальная доска, нависающая над ящиками, служит письменным столом. Она должна быть не уже 60—70 см, иначе неудобно работать. Продолжение рабочего стола — более узкая полка по стене, примыкающая к окну. На ней можно поставить приемник, книги, безделушки.

Рисунок В. КАЩЕНКО.

АРБУЗНЫЙ МЕД (БЕК-МЕС). Вымойте арбузы, разрежьте каждый пополам или на четыре части, ложкой выберите мякоть и в тазу измельчите ее деревянным пестиком. Затем протрите через сито, процедите через 2—3 слоя марли и ставьте на сильный огонь. Снимите пену, еще раз процедите сок и варите уже на маленьком огне, постоянно помешивая, чтобы не пригорело. Когда сона станет в 6—7 раз меньше, чем вначале, и капля его не будет растекаться на холодной тарелке — мед готов. Он красно-бурого цвета, очень ароматный. Хранят мед в прохладном месте, можно в любой посуде, но лучше в банках, закатанных жестяными крышками.

Точно так же готовят мед из сладких сочных дынь.

ПАСТИЛА ИЗ АРБУЗОВ. Из арбузного меда можно сделать вкусную пастилу. Возьмите на 1 часть меда 2 части отжатой мякоти арбуза и варите на небольшом огне, а потом добавьте несколько капель любой

фруктовой эссенции, яичный белок и быстро размешайте. Когда остынет, разрежьте на куски и посыпьте сахарной пудрой. На литр меда потребуется примерно 2—3 яйца.

ВАРЕНЬЕ ИЗ ДЫНИ. Возьмите незрелую дыню, очистите, порежьте кубиками, посыпьте сахаром и поставьте часа на два на холод. Приготовьте сироп, залейте им кубики и снова поставьте на холод. На следующий день слейте сироп, прокипятите его и снова залейте дыню. И лишь на третий день варите ее на небольшом огне, пока кубики не станут прозрачными.

На 500 г очищенной дыни — 500 г сахара.

ВАРЕНЬЕ ИЗ АРБУЗНЫХ И ДЫННЫХ КОРОК. Вымытые, очищенные от мякоти и кожицы корки порежьте на дольки, сполосните и опустите на 25—30 минут в 2—3-процентный раствор поваренной соли (2—3 чай-

О том о сем...

● Не смешивайте краски при электрическом свете и на солнце. Синий, желтый и зеленый могут сыграть с вами злую шутку.

● Если масляная краска от долгого хранения покрылась пленкой, ни в коем случае не размешивайте ее, а осторожно снимите пленку. Порвалась? Не беда. Вырежьте из марли кружочек по диаметру банки и опустите на краску. Марля покроет клочки пленки и опустится вместе с ними на дно.

● Краска на кисти не засохнет, если поставить кисть в воду. Замазку, чтобы не затвердела, тоже рекомендуется хранить под водой.

● Не сливайте вместе остатки разных красок: получится месиво, которое при покраске никогда не высохнет.

ные ложки соли на литр воды) — это делается, чтобы корни не разварились. Затем минут 10 подержите корни в воде, нагретой до кипения (но не кипящей!) и переложите в таз с холодным сахарным сиропом. Варенье варят в 3—4 приема, по 10—15 минут от начала кипения, с перерывами в 2—3 часа.

На 1 кг корок — 1,2 кг сахара и полтора-два стакана воды.

СОЛЕННЫЕ АРБУЗЫ. Лучше солить мелкие зрелые арбузы поздних сортов, по возможности одного размера. Вымойте их, дайте стечь воде и наколите каждый заостренной лучинкой или спицей раз по 15: так арбузы лучше просолятся. Затем плотно уложите в хорошо промытую, ошпаренную кипятком кадку, залейте рассолом (2 стакана соли на ведро воды), накройте тканью, деревянным кружком и положите груз. Через 2—3 дня вынесите на холод. Через 15—20 дней арбузы готовы.

А. РОССОШАНСКИЙ,
В. КОВЧЕНКОВ

3:2 В НАШУ ПОЛЪЗУ

Р. ВОРОНЧУК Юмористический рассказ

Мама сказала:
— Соберитесь, через полчаса мы выезжаем.

Папа удивился:
— Куда?

— Ты что, забыл? Мы сегодня едем к Фырчуковым. У Леночки день рождения. Девочке исполняется двенадцать лет.

— Какое может быть рождение, когда сегодня хоккей,— закричал папа,— я от хоккея никуда не пойду!

— Ну вот, из-за твоего хоккея мы должны ссориться с Фырчуковыми,— сказала мама таким тоном, что я почувствовал — ссора начинается...

— У Фырчуковых есть телевизор,— вмешался я.

— Правда,— обрадовалась мама и с благодарностью посмотрела на меня.

— А ты не врешь? — спросил папа.

— Чего мне врать, я даже знаю какой. У них «Сигнал» — последний выпуск, экран вдвое больше нашего. — Вот видишь, и экран больше! — радостно воскликнула мама. — Поехали!

У Фырчуковых уже было много народу. Только мы переступили порог, как Леночкин папа сказал:

— Скорей, скорей, раздевайтесь и за стол! Через десять минут матч.

Мы быстро разделись, мама сунула Лене подарок, и все бросились к столу.

— Кто произнесет первый тост? — спросил Леночкин папа.

— Я! Я! — закричали со всех сторон, но мой папа вскочил первым.

— Разрешите выпить за виновницу торжества! — И, не дожидаясь разрешения, опрокинул в рот стопку водки и побежал к телевизору.

Матч начался. Заговорил комментатор:

«Шайба у Майорова... Майоров передает Старшинову, Старшинов — Евгению Зимину...»

— Ну! Ну! — заволновались гости.

«Шайбу перехватили шведы... Но ненадолго... Шайбу подхватил Моисеев, Моисеев передал Ионову, Ионов стремительно контратакует противника...»

— Кто скажет второй тост? — спросил Леночкин папа, не отрывая глаз от экрана.

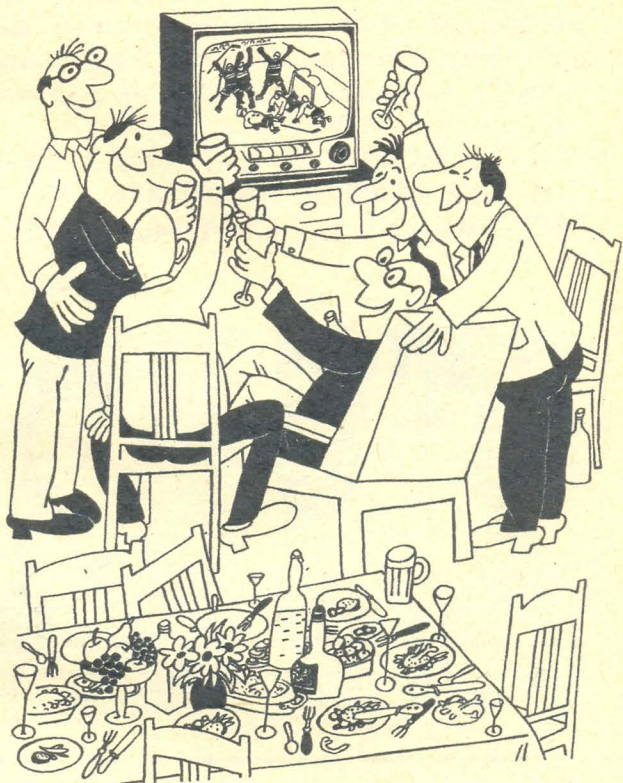
Встал усатый дяденька, поднял рюмку, а глаза снискал на телевизор.

— Я предлагаю тост за родителей... Э... черт бы их побрал, — вдруг заорал он, — опять рвется к нашим воротам!

Он стремительно опрокинул рюмку и занял позицию рядом с папой у телевизора.

«Ноль-ноль, — сказал комментатор, — шведы рвутся к нашим воротам... Бросок, но не точный. Шайбой завладел Полупанов. Полупанов передает Викулову, тот Фирсову... Фирсов послал шайбу вперед... удар! Г-О-О-Л!»

— Г-О-О-Л! — заорали все гости. Вверх полетела тарелка с ветчиной, кто-то

стал подбрасывать апельсинки.

— Разрешите третий тост! — закричал один из гостей.

Я уже знал, что третий тост будет за Леночкину бабушку. Она даже приготовилась.

— Я предлагаю тост за нападающего Фирсова!

— Ура-а-а! — закричали остальные, а громче всех Леночкин папа.

— Папочка, — обратилась к нему Лена, — мы хотим потанцевать.

В это время шведы забили в наши ворота гол. Леночкин папа схватился за сердце.

— Какие могут быть танцы, когда решается судьба нашей команды... Ты что, в своем уме? — Он не на шутку рассердился.

«Ведут наши, — сказал комментатор, и Леночкин папа успокоился, — шайба у Майорова, ее подхватывает Старшинов... великолепный момент был у Старшинова... шайба отброшена в сторону, но ею завладел Владимир Викулов... удар... Г-О-О-Л!»

— Г-О-О-Л! — заорали все. Папочка, — жалобно запищала Лена, — можно нам поиграть в фанты?

— Какие фанты? Какая игра! Вот игра! Не приставай с глупыми вопросами. Кто-то крикнул:

— Выпьем за Виктора Полупанова!

Все выпили. Потом пили за Старшинова, Рагулина, Фирсова, в общем, за всю команду, но ни разу за Леночкину бабушку.

Наши выиграли со счетом 3:2.

Что было! Все кричали, обнимали друг друга, прыгали... Я хотел обнять Леночку, но ее не было. Я побежал ее искать...

Лена стояла на кухне, уткнулась носом в стенку и... редела. Бабушка с очень печальным лицом стояла рядом и гладила ее по голове.

Что за глупая девчонка, наши выиграли, а она ревет!

Рисунки
Г. ОГОРОДНИКОВА.

ЧИТАТЕЛЯМ «РАБОТНИЦЫ»

С 1 СЕНТЯБРЯ НАЧАЛАСЬ ПОДПИСКА НА НАШ ЖУРНАЛ.

Вы можете оформить подписку на «Работницу» в отделе или агентстве «Союзпечати», в любом отделении связи, у общественных распространителей. Подписка принимается без каких-либо ограничений. Стоимость подписки на год — 1 руб. 20 коп., на полгода — 60 коп.

ПОДПИСЧИКОВ 1969 ГОДА РЕДАКЦИЯ ПРОСИТ УЖЕ СЕЙЧАС НАПИСАТЬ, ЧТО БЫ ОНИ ХОТЕЛИ УВИДЕТЬ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА.

Ваша «РАБОТНИЦА»

На первой странице обложки: Комсомолки Юлия Свешникова (слева) и Мария Миронова, контролеры цеха полупроводников саранского завода «Электровыпрямитель».

Фото Н. МАТОРИНА.

На четвертой странице обложки: Мягкая игрушка. Работы кружка Ленинградского Дворца пионеров имени Жданова. Руководитель А. Ефимова.

К этому номеру дается бесплатное приложение: выкройки женских брюк и шапочек; чертежи и описание игрушек.

ПОПРАВКА

В № 4 «Работницы» за 1968 год была опубликована статья «Портрет из красного мрамора». По недоразумению автором статьи была названа Л. Арансон. Статья же написана журналистом М. Константиновским по материалам, любезно предоставленным ему Л. Арансон.

Адрес редакции:
МОСКВА, А-15, БУМАЖНЫЙ пр., 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
промышленного — 250-11-72; международной жизни — 250-12-30; литературы и искусства — 250-12-30; семья и быта — 250-11-93; науки и антирелигиозной пропаганды — 250-30-76; художественного оформления — 253-34-79; писем — 250-57-38; массовой работы — 250-44-80; зав. редакцией — 253-30-05.

Главный редактор В. Е. ВАВИЛИНА.

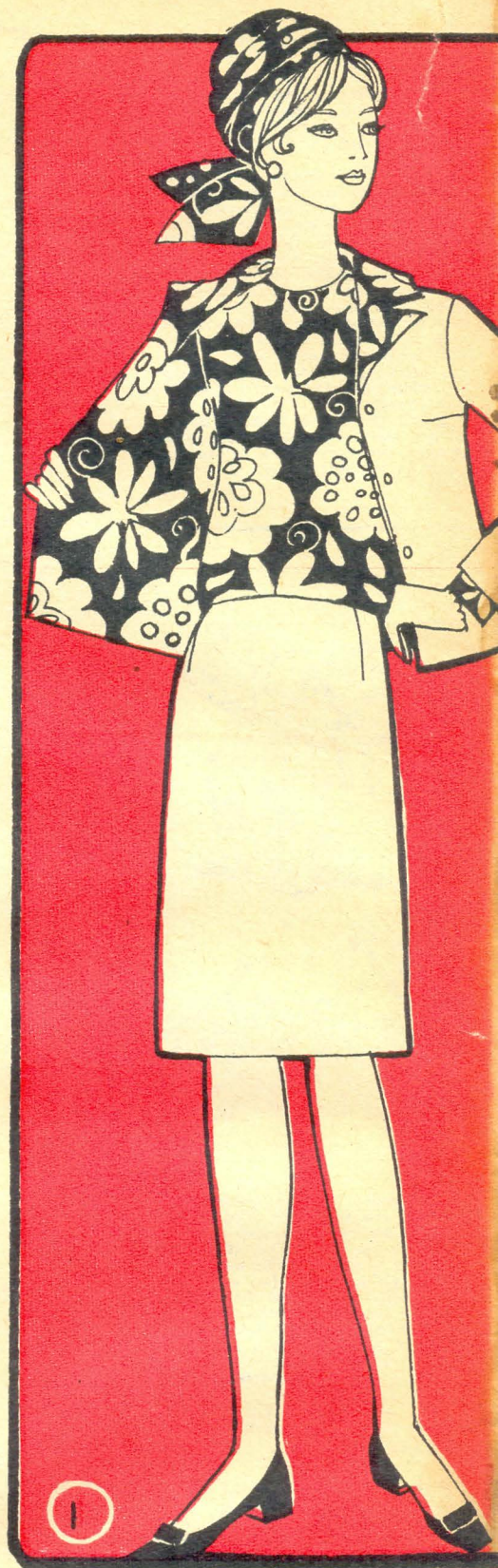
Редакционная коллегия:
Н. С. БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ,
В. П. ВЫСОЦКИЙ, В. А. ГЕРАСИМОВА,
М. Н. КОЗЫРЕВА, Е. В. КОНОНЕНКО,
Е. Д. МИШИНА, А. А. СЕВЕРЬЯНОВА,
З. Н. ТИМОФЕЕВА (зам. главного редактора).

Оформление художника
Я. МИРОШНИЧЕНКО.

Технический редактор
Т. ЖУРАВЛЕВА.

Ордена Ленина типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

А 00146. Сдано в набор 30/VII—20/VIII-68 г.
Подписано в печ. 23/VIII-68 г.
Формат бумаги 60 × 92½.
Усл. печ. л. 5,43. Уч.-изд. л. 9,56.
Тираж 10 100 000 экз.
(1-й завод: 1—9 600 000 экз.)
Изд. № 1631. Заказ № 1987.

КОСТЮМ ДЛЯ УЛИЦЫ

Художники СХБ предлагают несколько костюмов из шерстяной ткани на подкладке, особенно удобных в прохладную погоду.

1. Классический прямой костюм из легкой шерсти на яркой шелковой подкладке подойдет женщине любого возраста. Однобортный жакет застегивается на три пуговицы. Костюм дополняет